

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани 8 (4912) 996797

т. 8 961 130 67 97

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

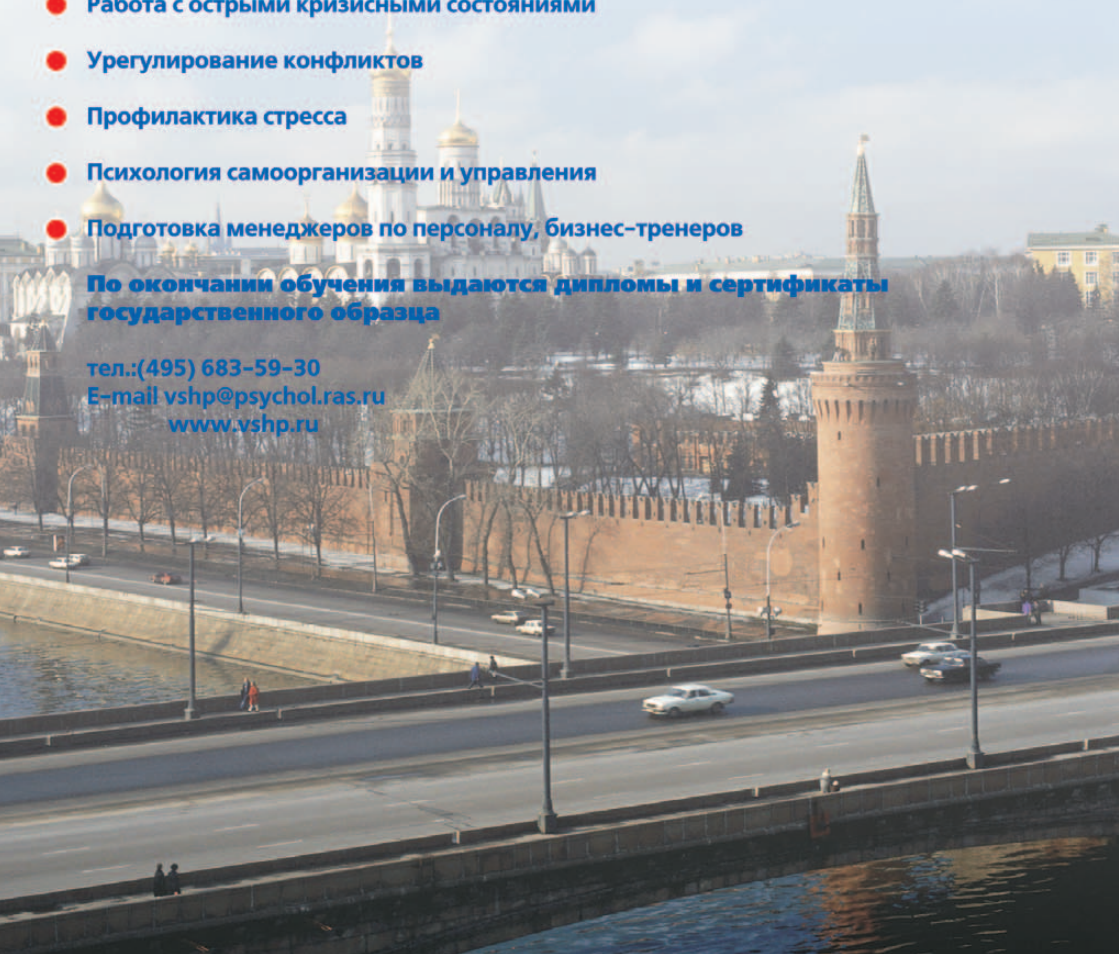
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс–диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес–тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683–59–30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru

ТЕМА НОМЕРА: правосознание и нравственность

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Отдел международных связей –

Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина

Технический редактор –

Т. В. Пивоварова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,
кандидат психологических наук

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

к съезду

элементы
покаяния

христианство
и преступление

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этот номер журнала выходит в преддверии очередного съезда Российского психологического общества. В связи с этим в его рамках редколлегия особое внимание уделила методологическим проблемам прикладной юридической психологии, а также актуальным проблемам современной динамики правового поля в России. Какова эта динамика? На наш взгляд, можно отметить такие важнейшие составляющие, как коррупционность, возможность исправления уже нарушивших закон и духовно-нравственное исправление и изменение личности человека в сравнительном анализе, будь то осужденный или потерявший нравственные и духовные ориентиры. В статьях, представленных в номере, подробно исследуются указанные проблемы. В связи с этим и тема номера была названа «Исследование правового и нравственного сознания». Следует лишь заметить, что речь идет скорее о деструктивности этих компонентов психологии сознания, чем о позитивном содержании. Это связано лишь с содержанием статей, а не с позицией журнала. Возможно, следующий номер мы посвятим позитивным аспектам развития правосознания современности, но с чего-то надо начинать. В подтверждение наших намерений укажем статьи, касающиеся духовно-нравственного развития, личностного роста, в том числе осужденных, экзистенциальной ресоциализации, детерминант ресоциализации, толерантности поведения, коррекции неблагополучной обстановки в семьях и др.

И мы, конечно же, ждем откликов наших читателей, дискуссионных статей, ответов и мнений на поставленные вопросы.

*Главный редактор
доктор психологических наук
Д.В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

**юридическая
психология и религия:
приглашаем
к дискуссии**

научная жизнь

dura lex sed lex

Преступление и наказание от

до **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Психологические факторы коррупции. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич	8
Методологические аспекты прикладной психологии законотворчества. И. А. Кибак	21
Психологической службе уголовно-исполнительной системы 20 лет: организация и развитие. М. Г. Дебольский	33
Характеристика обусловленности внешнего проявления криминогенной склонности личности. А. Н. Пастушеня	52
Прикладные и экспериментальные исследования	
Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы. Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин, Ю. А. Голышева	60
Экзистенциальный подход к правовой ресоциализации воспитанников детских исправительных учреждений. О. Б. Панова	75
Особенности организационной культуры в учреждениях и органах УИС. Е. В. Берлей	80
Роль коммуникативной толерантности в процессе становления личностной позиции в стратегии взаимодействия. С. Н. Толстикова	86
Психопрактики	
Коррекция неблагоприятной обстановки в семье как способ профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. И. Е. Реуцкая	94
Критерии оценки и психологического прогноза эффективности управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел. М. В. Пряхина	101
Экспериментальное изучение влияния краткосрочной коррекции на психические состояния сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием. Е. В. Овчарова	107
В помощь руководителю	
Социальные детерминанты ресоциализации осужденных. А. Н. Сухов	115
Проблемы подготовки специалистов-полиграфологов. В. Ю. Неклюдов	118
Психолого-управленческое воздействие руководителя на подчиненных в правоохранительных органах. А. В. Сомов, Т. В. Мальцева	125
Субъективная оценка качества жизни и факторов профессионального стресса у офицеров Вооруженных сил на начальном этапе военного реформирования. А. С. Кузнецова, П. А. Семянищева	130
В помощь исследователю-практику	
Психологические особенности развития корпоративной культуры судей. Л. И. Бершедова, Н. А. Коваль, К. В. Бершедов	138
Мотивационная сфера молодежного вандализма. Г. П. Иванов, Е. А. Шишкина	145
Теоретические обоснования причинности возникновения пенитенциарных конфликтов. А. П. Детков	152

Педагогические условия формирования профессионально-значимых качеств личности курсантов технического факультета в образовательном учреждении уголовно-исполнительной системы. **В. М. Литвишков, О. А. Кучерявая** 163

Юридическая психология и религия: приглашаем к дискуссии

Особенности познавательных интересов и представлений об идеалах несовершеннолетних осужденных женского пола. **И. И. Купцов; Т. В. Пивоварова** 172

Научная жизнь

Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе». **А. В. Датий, А. А. Павленко, Ю. Н. Шаталов** 178

4-й научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология»: исследование личности сотрудников правоохранительных органов ФСИН России (Москва, декабрь 2011 г.). **В. А. Соснин** 180

Dura lex sed lex

Уголовная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы за применение пытки: вчера, сегодня, завтра. **М. Ю. Конарев** 182

Некролог

186

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Аннотация: авторы показывают, что проблема коррупции имеет ярко выраженные психологические составляющие, а также социокультурные корни. Выделяются основные направления психологического изучения коррупции. Рассматриваются возможности психологической науки и практики в противодействии коррупции, такие как изменение толерантного отношения к ней в обществе, мобилизация широких масс населения на борьбу с ней, психологический мониторинг законопроектов, тестирование кандидатов на «взяточемкие» должности с помощью специальных психологических методик и др.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные и неформальные отношения, психологические меры противодействия коррупции.

Abstract: The authors show that the problem of corruption has strong psychological component, as well as socio-cultural roots. Highlighted the main directions of psychological study of corruption. The possibilities of psychological science and practice in combating corruption, such as a change in tolerance to it in society, grassroots mobilization against it, the psychological monitoring of bills, testing candidates «vzyatkoemkie» posts using special psychological techniques, etc.

Keywords: corruption, corrupt behavior, psychological science and practice, the mass consciousness, formal and informal relationships, and psychological measures to counter corruption.

Социально-психологические исследования коррупции

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных [8], соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем в этом рейтинге еще в 2000 г. она находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Негативная динамика наблюдается и по другим параметрам. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд долл. в 2001 г. до 300 млрд долл. в 2006 г. [16]. Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз и достиг 130 тыс. долл., а средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10% от суммы заказа, в середине 2000-х — 30%, а в конце 2000-х — до 70% [9].

При этом не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Сейчас продаются не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и многое другое. Отечественная рыночная экономика — самая «рыночная» в мире, в том печальном смысле, что у нас можно купить то, что в других странах не купишь. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», — отмечает С.П. Глинкина

[16, с. 236]. Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе [28, с. 4], где заседает подозрительно много сверхбогатых людей, а также данные о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки [20]. Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» [16], причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае — журналистов. И закономерно, что все чаще звучат утверждения: «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» [15, с. 460], «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» [16, с. 444], «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является, самым массовым» [20] и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое¹, системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие [16]. Естественно, в нем присутствует и психологическая составляющая (имея самостоятельное

значение, она органически включена и в перечисленные — социальную, управленческую, этическую и др.), поэтому психологическая наука просто *обязана* — перед самой собой и перед обществом — включиться в его междисциплинарное изучение, а психологическая практика — в его искоренение.

Вместе с тем психология лишь в последнее время присоединяется к обществу научных дисциплин, изучающих коррупцию. Справедливо отмечается, что «в современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» [26, с. 188]. Ю.М. Антонян пишет: «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность. Она выражается в том, что в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребности и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» [12].

Тем не менее *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования начинает формироваться. Прорисовываются и ее основ-

¹ Одна из основных классификаций ее форм основана на различении бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман описывает такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция [3]. Различают также «низовую» и «верхушечную» коррупцию и т. п.

ные составляющие: 1) психология коррупционеров; 2) психология коррумпированных, то есть дающих взятки и т. п.; 3) изучение отношения общества к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам; 4) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию.

Так, в результате психологических исследований сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как тенденция общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. [26]. Психологический профиль коррупционеров близок к профилю сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. При осуществлении противоправной деятельности коррупционеры считают, что *расплата за нее не наступит никогда* [26]. Аналогичный эффект выявлен и в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близорукостью» [24]. Для них характерны такие виды психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают подобные преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Именно это убеждение во многом позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше»).

Следует подчеркнуть и то, что в описанных исследованиях выявилась взаимозависимость коррупции и склонности к агрессии, хотя прямой агрессии в кор-

рупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупционному поведению является скрытая агрессия [26]. Значит, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества [30] вносит большой вклад и в коррумпированность.

Социально-психологическое изучение коррупционного поведения позволило определить два ведущих мотива: первый — достаточно очевидный, состоящий в стремлении к получению материальных благ, второй — психологически более интересный и заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре [12]. По мнению Ю.М. Антоняна, «игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» [12].

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции, проводимые фондом ИНДЕМ. В частности, фиксируются такие социально-психологические характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм [20]. Они согласуются с приведенными ранее данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты,

отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. В связи с этим укажем, что согласно данным зарубежных исследований наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач [24], а некоторые коррупционные схемы просто восхищают своей сложностью и совершенством.

Психологические факторы коррупции

Отчетливо проступают также три важных свойства отношения к коррупции в России, которые непосредственно связаны с массовой психологией россиян.

Во-первых, *толерантность* — отношение к коррупции как к повсеместному («воруют-с», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю.Ю. Болдырев, «сама идея нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» [15, с. 457]. В свою очередь, в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции — относительное спокойствие» [20]. По данным ИНДЕМ, в нашем массовом сознании доминируют полярные виды отношения к коррупции — «ненависть» и «равнодушие-удовлетворение» (однако преобладает все же второй) [20].

Во-вторых, тот факт, что *выраженное осуждение* в массовом сознании рос-

сиян *вызывают* не сами по себе акты коррупции, а лишь *запредельные размеры взяток*, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, недавний случай, когда рядовой следователь требовала с предпринимателя взятку в 3 млн долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, этот случай огласки бы не получил).

В-третьих, *непоследовательность и противоречивость*. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение — другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь — не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки. В то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Очень симптоматично звучит и выражение: «взятки берем, но решаем по совести».

«Раздвоенность» нашего массового сознания в отношении коррупции проявляется также в том, что, отвечая на вопрос: «кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционной сделки?» более трети респондентов называют чиновника, а оценивая собственный опыт таких сделок, чиновника указывают вдвое меньше — лишь 17 % респондентов [20]. Подобная асимметрия восприятия органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии [11]. Она, как и общая толерантность общественного мнения в отно-

шении коррупции, очень существенна в ситуации, когда, как отмечает Т.А. Нестик, «коррупция это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон. На макросоциологическом (а, по нашему мнению, и на макропсихологическом) уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок — чиновником, предпринимателем и фигурой незримого *другого* (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» [23].

Достаточно очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, «не уставных» над «уставными», очень характерном для современной России и других обществ, не изживших элементы патриархальности: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» [23]. В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется следующими ее видами: обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и др.²

² Следует подчеркнуть, что в слове «коррупция» (от лат. *corruptio* — портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам [26, с. 191], а в международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

«Взятка — пишет В. Радаев — это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» [25, с. 162]. Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченное пространство для реализации.

Клановость, кумовщина, «банановый» механизм приближения к власти³ — характерны для нашей культуры, они создают массовую коррупционную среду, куда денежные формы коррупции вписываются очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг» [10]. Симптоматично, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. При этом чиновники, оставляющие высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляю-

³ Появление этого термина связано с тем, что в так называемых банановых республиках родственники президента, как правило, тоже состоят во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т. п.

щихся в открытой денежной форме. В частности, «родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. (Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти)» [14]. Справедливо отмечается, что «не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» [28, с. 4], в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах.

Для отечественной культуры характерно такое выражение, как «искать выход на» (далее указывается имя большого начальника), и широко распространена модель поведения, когда человек, попав в какую-либо неприятную ситуацию (например, в ДТП) в качестве виновника, тут же начинает звонить не в ГИБДД и не в «Скорую», чтобы пострадавшим была оказана помощь, а друзьям и знакомым — дабы их «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от него зависящего, готового взаимодействовать с государством только через «черный ход» беззакония» [18, с. 19].

Привычка добиваться чего-либо по знакомству, по благу и т. п. органически внедрена в наш менталитет, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, она сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели. Опрос, проведенный в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, по-

казал, что на вопрос: «что необходимо, чтобы стать богатым в России?», 63,6% выбрали ответ «иметь нужные связи» [23]. Нередко проявляются и парадоксы. Так, один из опросов показал, что проблему борьбы с коррупцией 86% населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40% выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике [21], очевидно, не видя связи одного с другим. По данным фонда ИНДЕМ, необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся, а активную антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15% граждан [20].

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие нашу склонность к реализации коррупционных отношений: 1) коррупция — это пережиток советской экономики дефицита; 2) психология взятки укоренена в традиционных отношениях одаривания; 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей рыночной экономики [10]. При этом самым простым подтверждением их конъюнкции служит то, что мздоимство было характерно для отечественной культуры всегда, но современный уровень коррупции для нее беспрецедентен.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «не уставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *орга-*

низованный характер: «Коррупционер-одиночка» в современной России — вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры — коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» [16, с. 443]. В этих сетях отчетливо выражены и горизонталь, и вертикаль. Первое — когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», не делаясь ею с другим. Второе — это построение коррупционных структур как коррупционных вертикалей, в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, а те — со своим руководством и т. д. И то, и другое порождает коррупционную «трясину», в рамках которой практически невозможно остаться некоррупцированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся скорее «избавиться». При этом отчетливо проявляется феномен «круговой поруки», так как коррупционеры «своих не сдают» [10]. «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» [10]. Изменить сложившуюся ситуацию в подобных организациях можно только извне и при личном участии высокопоставленного начальства. Все это не только придает коррупцированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дестрибуции вины и ответственности.

В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем меньше чувство вины... и риск испортить репутацию в случае разоблачения» [16, с. 443], и тем больше выражен эффект «моральной близорукости» в том смысле, который вложил в это понятие Й. Ламмерс [24].

Следует также отметить, что в нашей отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и благодарностью. Еще с советских времен принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность (причем не в устной, а в товарно-денежной форме) в качестве само собой разумеющейся, несмотря на то что лица, оказывающие такие услуги, должны безвозмездно делать это в силу своих служебных обязанностей. Так, считается неприличным прийти к врачу и не подарить ему коробку конфет (или алкогольный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны, просто потому, что «так принято» (вспоминаются слова из песни Б. Окуджавы про черного кота: «каждый сам ему выносит и спасибо говорит»).

Подобные поступки воспринимаются у нас не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в

других культурах. Например, наши эмигранты на Брайтон Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь заплатить им за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

В целом можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в современной России — это больше, чем коррупция (даже при самом широком ее толковании, характерном для международных программ борьбы с нею). Коррупция характеризуется (причем даже высокопоставленными чиновниками) как *наш образ жизни* [17]. Возможно, это преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» [20].

Мы считаем нормальными и обычными те действия, которые в других странах воспринимаются (и наказуемы) как коррупционные преступления. Подобное отношение к коррупции в России имеет давние традиции. Так, еще в XVIII–XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании, что нашло отражение во множестве пословиц и поговорок [12]. В настоящее время, согласно данным различных опросов, практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или

иной форме. Причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, то есть количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает коррупционный спрос, то есть число случаев вымогательства взятки [10].

При этом наша страна вписывается и в общемировые закономерности коррупции, находясь под влиянием соответствующих факторов. Так, уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм [4], а эти нормы еще не закреплены в законах и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников. В связи с этим радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников обозначается как одно из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовый цинизм и утрата здравого смысла [5]. Коррупция связана и с различными особенностями национальной культуры: с традицией делать подарки [1; 2]; такой характеристикой культур, как коллективизм-индивидуализм [6]; особенностями религиозных конфессий [7] и т. д. В результате «*коррупция трактуется не как временное болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры*» [23].

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований культурной обусловленности

коррупции. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность ее абсолютизации: если уровень коррупции определяется особенностями национальной культуры, то попытки его снижения могут восприниматься как бесполезные. Существуют и опровержения этой позиции, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ощутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия [24]. Однако, возвращаясь в родные, высоко коррумпированные страны, они снова берутся за старое — начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» [24].

Психологическая наука и практика в борьбе с коррупцией

Естественно, в предлагаемых мерах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. В то же время регулярно отмечается, что одних лишь законодательных мер для решения этой проблемы недостаточно, они должны дополняться другими, *неюридическими мерами*, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего, постоянно подчеркивается необходимость *воли* власти, го-

сударства и всего общества к решению этой проблемы, дефицит которой наблюдается очень отчетливо. Как отмечает Ю.Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного — воли к решению проблемы» [15, с. 456]. Ее дефицит, конечно, можно списать на то, что с коррупцией борются (или делают вид) в основном чиновники, значительная часть которых сами коррумпированы. Коррупция по-своему удобна власти, она позволяет держать коррумпированных чиновников «на коротком поводке». В России пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивированы. Наши чиновники имеют слишком много разрешительных функций, отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Подобные факторы действительно очень значимы, что во многом придает проблеме коррупции политический характер.

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависимые от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией, для того чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие массы населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение оптимистического ранее достаточно толерантного отношения к коррупции — как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

Разноплановыми исследованиями коррупции доказано, что она представляет собой зло *существенное*, разрушающее экономику и общество в целом. Следует подчеркнуть и то, что коррупция, хотя и является в глазах многих не слишком опасным и *неагрессивным* преступлением, однако *лежит в основе* многих страшных преступлений, в том числе агрессивных. События на манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многие другие серьезные преступления были совершены именно благодаря коррупции. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*. Об этом свидетельствуют примеры Сингапура, Малайзии и ряда других стран, где совсем недавно уровень коррупции был очень высок, но за достаточно короткие сроки были достигнуты ощутимые результаты по его снижению. Благодаря этому Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало значительный приток иностранного капитала. Вот и еще одна убедительная иллюстрация негативного влияния коррупции на экономику.

И то, и другое — разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления — следовало бы сделать основой *образовательных программ*, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на различных уровнях. Пока же все происходит наоборот. В частности, «молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои про-

блемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» [20]. В результате «социальная группа, из которой будут рекрутироваться политические, экономические, военные, культурные и иные элиты, становится разносчиком и мультипликатором коррупции, укореняя ее и умножая ее негативные последствия» [20]. В скептически настроенном, прагматичном и достаточно безнравственном обществе преподнесения проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо *обоснование* ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, *прагматического* смысла борьбы с нею. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши граждане.

Полезной была бы и *массовая пропагандистская кампания* по борьбе с коррупцией с широким вовлечением средств массовой информации (СМИ)⁴ и других средств воздействия на массовое сознание, которая с учетом отношения наших граждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» должна быть психологически хорошо продуманной. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и перед психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний, к сожалению, часто не на благо общества.

Эта кампания должна быть направлена на изменение не только отношения

⁴ Повышение роли СМИ в воспитании честности («нечестность должна стать дурным тоном») в качестве одной из основных мер борьбы с коррупцией отмечают и эксперты ИНДЕМ [20].

к коррупции как таковой — выработку отношения к ней как к злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолению, но и соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе стереотипов.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией.

Первая — *пассивная* — форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взяток», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает практика, позволить себе «просто не давать взятки» могут либо такие фирмы, как «ИКЕЯ», либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же смертных это плохо получается и отнюдь не из-за недостатка благих намерений.

Вторая — *активная* — форма охватывает жалобы в соответствующие органы на взяточников, а также на живущих явно не по средствам.

Причем если первое, хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), но получает, как правило, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о

нарушении закона⁵); и несовершенство, а подчас и явная несуразность, наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения⁶; и влияние криминального мира, где «стучать западло»; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам; и т. п. Однако контраст с западными странами поразителен. Бывавшие там хорошо знают, что, если, например, припарковать автомобиль в неположенном месте, несколько человек сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы называем доносами, воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Поощрение соответствующей практики в современной России было бы не возвратом в «сталинские времена», а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Соответствующий опыт следовало бы отразить и в наших образовательных программах.

Кодекс честного человека в отношении коррупции, содержащийся в сети Интернет, состоит из трех «НЕ»: «Не бери» (имеются в виду, естественно, взятки — *прим. авт.*), «Не давай», «Не проходи мимо взяточников и им подобных».

⁵ Показателен случай, когда маньяк в течение часа насильничал и убивал девушку на глазах у многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в милицию. Вот подлинный триумф современной «культуры доносительства».

⁶ Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что одни называют законопослушанием, другие — доносом, ... доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон — «чужой...» [22, с. 77] и т. п.

Существенным фактором является также *упрощение технического режима* сообщений о нарушении закона. Например, в Финляндии, считающейся самой некоррупцированной страной мира [8], в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в том числе электронные, и телефоны служб, куда следует немедленно о нем сообщать. Причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к ответственным за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. Важно, что уголовное наказание коррупционеров сопровождается их включением в «черные списки», что в дальнейшем не позволяет им устроиться ни на одну государственную должность в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, совершают суицид, не в силах вынести «потерю лица», ибо честь и достоинство в китайской культуре имеют существенное значение [27]. Налицо разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, в том, что уличенные в коррупции чиновники снова устраиваются на «хорошие» должности, в том числе государственные, и не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важное направление участия психологии в борьбе с коррупцией — *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности,

необходимость которого (что очень отрадно) признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, очень характерными для которой являются «не работающие», а то и в принципе не исполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам в целом, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, отменяемые или корректируемые после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному* мониторингу). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов — дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов, а также так называемое массовое обсуждение законопроектов в Интернете не слишком принципиально изменяет ситуацию. Не учитывается тот принципиальный факт, что законы — это *наиболее общие правила организации социальной жизни*, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе психологии. Их разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические*

методы, среди которых наиболее часто упоминается полиграф ⁷. Возможность проверки на нем претендентов на «взяточничество» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл процедуры. Понятно и то, какие проблемы это порождает. Во-первых, дефицит добровольцев: следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность? Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов ⁸. В-третьих, возможность того, что численность прошедших проверку окажется намного меньшей, чем количество вакансий, и будет не ясно, что

делать в этом случае: принимать ли не выдержавших ее? Однако, несмотря на подобные сложности, использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает определенные перспективы преодоления коррупции, которые нуждаются в проработке.

Указанные направления, естественно, не исчерпывают потенциальные возможности психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать — вслед за Президентом нашей страны [19] — одной из главных проблем современной России.

Литература

1. *Andvig J.* The economics of corruption: A survey // *Studi economici*. — 1991. — Vol. 46. — № 43. — P. 57–94.
2. *Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemac D.J.* Cross-cultural business gift giving. A new conceptualization and theoretical framework // *International marketing review*. — 1994. — Vol. 11. — № 4. — P. 46–47.
3. *Grossman G., Trempl V.G.* Personal incomes in the USSR // *The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems* / Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. — Gower, 1987. — P. 285–296.
4. *Huntington S.* Political order in changing societies. — New Haven: Yale University Press, 1968.
5. *Klitgaard R.* Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. — San Francisco: ICS Press, 1991.
6. *LaPalombara J.* Structural and institutional aspects of corruption // *Social research*. — 1994. — Vol. LXI. — P. 325–350.
7. *LaPorta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* The quality of government // *The journal of law, economics and organization*. — 1999. — Vol. XY (1). — P. 251–252.
8. Transparency International. — URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1.
9. *Александров Г.* Где конец «откатов» // Аргументы и факты. — 2011. — № 49 [1622].

⁷ Существуют и другие подходы к применению психологических методов в целях преодоления коррупции. Например, казанский психолог Г. Гарифуллин рассматривает ее как болезнь, используя для ее лечения психоанализ, групповую психотерапию, гипноз, кодирование и т. п. [13].

⁸ Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: «хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека» [29, с. 173]. Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение ДЛ запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год [29].

10. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе [Электронный ресурс] . — URL: http://www.seinainauka.ru/page_23202.htm.

11. Андреева Г.М. Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 1997.

12. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. — URL: <http://antonian-jm.narod.ru/inter3.html>.

13. Бахтиярова А. Взяточников нужно... лечить // Аргументы и факты. — 2011. — № 49 (1622).

14. Белай В. Коррупция [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/blog/373>.

15. Болдырев Ю.Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // Незкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Ин-т эконом. стратегий, 2010. — С. 456–474.

16. Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Незкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Ин-т эконом. стратегий, 2010. — С. 427–455.

17. Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО! // Комс. правда. — 2010. — 15 янв.

18. Дубин Б. Эпоха большинства // Аргументы и факты. — 2011. — № 45 (1618).

19. Из послания Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию РФ // Парламент. газ. — 2008. — 7 нояб.

20. Исследование коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.anti-corr.ru/awbreport>.

21. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. — М.: РГГУ, 2000.

22. Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Соц. реальность. — 2006. — № 1. — С. 73–79.

23. Нестик Т.А. Коррупция и культура [Электронный ресурс] // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. № 4. — URL: <http://corruption.rshu.ru/magazine/3/n4-05.html>.

24. Психологи изучили причины коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%BB>.

25. Радаев В. Формирование новых российских рынков. — М., 1998. С. 161–168.

26. Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / под ред. Д.В. Соичико и Е.Е. Гавриной. — Рязань, 2010.

27. Тудоровский Я. В Китае все по плану // Аргументы и факты. — 2011. — № 46 (1619).

28. Цепляев В., Пивоварова О. Власть от купюр // Аргументы и факты. — 2011. — № 44 (1617).

29. Экман П. Психология лжи: обмань меня, если сможешь. — СПб.: Питер, 2010.

30. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психол. журн. — 2007. — № 4. — С. 23–34.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

И. А. Кибак

Аннотация: рассматриваются проблемы и пути развития методологических и теоретических основ прикладной психологии законотворчества. Описывается непосредственное применение законов, категорий и принципов диалектики, которые открывают новые возможности в изучении психологии законотворчества. Раскрывается ме-

тодология исследования психологии законотворчества, которую составляют диалектико-материалистический метод научного познания объективной действительности, а также основанные на нем общенаучные и частнонаучные методы познания. Представлена авторская фундаментальная общетеорети-

ческая концепция психологии законоот-
ворчества.

Ключевые слова: психология за-
конотворчества, законотворческая де-
ятельность, депутат, закон, правовая
норма, методология исследования, ме-
тоды.

The summary: *there is a considera-
tion of problems and ways of the develop-
ment of methodological bases of applied
psychology in lawmaking. There is a de-
scription of direct application of laws, cat-
egories and principles of dialectics which
open new possibilities in studying of psy-
chology of lawmaking. There is a descrip-
tion of the methodology of research of psy-
chology in lawmaking which is formed of a
dialectical and materialistic method of sci-
entific knowledge of the objective validity,
and also the general scientific and private
scientific methods, the basic general-log-
ical methods of knowledge. The author's
fundamental general-theoretical concept
of psychology of lawmaking is presented.*

Keywords: *lawmaking psychology,
legislative activity, deputy, law, rule of law,
research methodology, methods.*

Введение

Обязательное условие научного по-
знания — предварительное осмысле-
ние методологических и теоретических
предпосылок, на которых оно будет осно-
вываться. Теоретическими основами
любой отрасли науки являются методо-
логические положения, определяющие
принципы и направления исследова-
ния. Для психолого-законотворческих
исследований такую роль выполняют
науки, сформулировавшие закономер-
ности развития личности, общества, го-
сударства, природы, мышления. В этом
плане исходными теоретическими осно-

вами выступают концепции диалекти-
ческого материализма, естественных и
психолого-правовых наук.

Методологическую основу иссле-
дования законоотворчества составляют
диалектико-материалистический метод
научного познания объективной действи-
тельности, а также основанные на нем
общенаучные методы (анализ, синтез,
индукция, дедукция) и частнонаучные ме-
тоды (системно-структурный, статистиче-
ский анализ, формально-юридический,
сравнительно-правовой, структурно-
аналитический, логико-юридический),
основные общелогические методы по-
знания, которые рассматриваются во
взаимосвязи со структурой личности де-
путата, социальных макро- и микрогрупп
и системой правовых норм. Значитель-
ная роль в формировании методологи-
ческих подходов к исследуемой пробле-
матике принадлежит работам видных бе-
лорусских и российских ученых — спе-
циалистов в области право- и законот-
ворчества: А.М. Абрамовича, С.С. Алек-
сеева, А.Г. Василевича, В.Л. Васильева,
А.Б. Венгерова, Л.С. Выготского, В.Н. Би-
било, А.Ф. Вишневого, Н.А. Горбатка,
В.Б. Исакова, И.Ф. Казьмина, Д.А. Кери-
мова, А.С. Косопкина, П.В. Крашенин-
никова, В.В. Лазарева, А.Н. Леонтьева,
С.В. Липеня, Б.М. Ломова, Е.А. Лукаше-
вой, А. Нашица, В.С. Нерсесянца, Ю.И. Но-
вика, М.М. Орзиха, А.С. Пиголкина, В.М.
Позднякова, С.В. Полениной, Т.Н. Рахма-
ниной, М.С. Строговича, А.М. Столяренко,
В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова и др., а так-
же выдающихся политико-правовых мыс-
лителей: Сократа, Аристотеля, Д. Локка,
Ш.-Л. Монтескье, Г. Трипеля, Н.М. Карам-
зина и др. Несмотря на наличие опреде-
ленных разработок в сфере законоотвор-
чества, система приемов, способов, пси-

хотехнологий проектирования законов остается пока дискуссионной и недостаточно исследованной.

Результаты и их обсуждение

Методологическую основу исследования законотворчества составляют диалектико-материалистический метод научного познания объективной действительности, а также основанные на нем общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (системно-структурный, статистический анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-аналитический, логико-юридический), основные общелогические методы познания, которые рассматриваются во взаимосвязи со структурой личности депутата, социальных макро- и микрогрупп и системой правовых норм.

По мнению В.Б. Исакова, «создание закона — это творческий процесс, охватывающий как познавательные и содержательные, так и процессуальные и технико-юридические аспекты. Понять их сочетание можно лишь благодаря раскрытию методологической основы законотворчества. Речь идет о совокупности теоретических положений, методологических принципов, общих, специальных и частных методов, используемых в процессе подготовки и научной экспертизы законопроектов» [6, с. 26]. В системе методологических принципов законотворчества можно выделить: юридическую науку, логику, общенаучные и специальные методы, приемы (способы) выражения и изложения законотворческой воли в виде нормативно-правовых предписаний и иных структурных частей закона, лингвистику.

Методология — это учение о системе научных принципов, форм и способов исследовательской деятельности. Еще в конце 20-х годов XX в. Л.С. Выготский отмечал, что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии [4, с. 48]. Это замечание актуально и для психологии законотворчества как одной из прикладных областей научного знания. От исследователя помимо знания психологии требуется умение предметно разбираться в психолого-правовых основах организации парламентской (законотворческой) деятельности, оценивать политический контекст обсуждения и принятия законопроектов, законодательных решений.

Методология помогает избрать правильное направление в развитии науки, выработать методику исследований, дать интерпретацию получаемых результатов [2, с. 15–32; 13]. Кроме того, методология может дать мировоззренческую интерпретацию, осуществить структурирование знаний. Особенно значительна роль методологических разработок на начальном этапе становления любой научной отрасли знания, тем более прикладного характера, то есть законотворчества.

Методологические основы законотворческой деятельности представляют собой сложное образование, компонентами которого выступает весьма широкий круг научных знаний: общая теория права, отраслевые юридические науки, логика, лингвистика, а также общие и частные методы (анализ, синтез, моделирование, сравнение, методы толкования права и др.). В.М. Сырых отмечает, что особым и важным компонентом методологических основ законотворчества выступает законодательная техника как

самостоятельная юридическая дисциплина, призванная вооружить лиц, осуществляющих законопроектную работу, системой специфических приемов, средств, правильное и творческое применение которых обеспечивало бы успех законотворчества, подготовки и принятия качественно совершенного закона [5, с. 41].

Заинтересованность психологии (и в не меньшей степени юридической психологии) в разработке методологических проблем объясняется сложностью, многоплановостью предмета исследования, накоплением «огромного количества эмпирического материала, который просто не возможно охватить без новых методологических подходов» [7, с. 29]. Это высказывание относится к психологии законотворчества. Особая актуальность разработки методологических вопросов ощущается прежде всего там, где имеются прямые выходы теоретических, экспериментально-психологических исследований психологии законотворчества в практику (вопросы психологической экспертизы законопроектов, психотехнологии создания и принятия законов (законодательных решений) и т. д.). Именно здесь возникает особая ответственность за проведенные исследования, получаемые результаты и выводы (заключения) о сущности психологического и детерминантах его развития.

Конструктивной является методологическая ориентация на комплексное изучение сложных продуктивных многокомпонентных явлений, рассматриваемых в виде целостных систем с помощью концептуального аппарата, включающего в качестве тезауруса такие основные понятия, как система, элементы, связи, отношения, функции, уровни, иерар-

хия, структура, целостность, управление, регуляция, развитие, организация и т. п. «Нужно отметить, — подчеркивает Б.Ф. Ломов, — что связи между разными уровнями (и разными подсистемами) неоднозначны и характеризуются высокой динамичностью. Это создает один из наиболее трудных моментов их системного анализа» [14, с. 14]. С.С. Алексеев считает, что понятие правового регулирования также отражает правовые явления в активном виде через изображение специфических закономерностей функционирования права, то есть права в действии, в связи с практикой [1, т. 1, с. 289]. В связи с этим при изучении психологических проблем правового регулирования надо исходить из представления о нем как одной из разновидностей социальной практики.

Теоретическая концепция, объясняющая психологические закономерности действия права, не может быть также простой суммой положений и понятий, заимствованных из психологической и юридической науки. Для ее формирования нужна самостоятельная теоретическая работа по интеграции этих положений на основе более общих методологических принципов в направлении поиска близких и более далеких аналогий в теоретических концепциях, понятиях, гипотезах и т. д., устранения противоречий и несовместимости, построения обобщенных моделей, органически объединяющих юридическую и психологическую стороны изучаемых явлений. Таким образом, психологическое исследование функционирования, действия права, закона должно привести к созданию собственно психологической теории правового регулирования законотворческой деятельности. Необходимость форми-

рования такого направления получает все больше признания среди представителей психолого-юридической науки [13; 15, с. 31].

Для того чтобы избрать методологически правильный подход к психологическому исследованию правового регулирования законотворческой деятельности, принципиально важно ответить на вопрос о наличии или отсутствии своеобразия изучаемых явлений. Ответ на подобный вопрос предопределяет теоретическую базу исследования. Можно исходить из отсутствия подобного своеобразия и использовать только общие понятия, разработанные в психологии для анализа психологических процессов и механизмов, представляющих внутренний план поведения депутата и его парламентской деятельности (потребности, установки, мотивы, ценности и др.). Именно по такому пути идут некоторые исследователи психологической стороны законотворческой деятельности и правосознания.

Можно предположить, что такое своеобразие имеется. Тогда психологические процессы и механизмы, опосредующие действие права, закона, не могут быть достаточно глубоко поняты в рамках заимствованных из общей психологии понятий, подходящих для описания любого поведения и деятельности, особенно в законотворчестве. В таком случае вместе с использованием этих широко применяющихся психологических понятий необходимо также выявлять структурные и функциональные особенности этих процессов и механизмов.

Разработка методологических аспектов должна стать важным звеном в разработке фундаментальной общетеоретической концепции психологии зако-

творчества, без которой невозможно как осознание реальностей правовых, государственных и иных отношений, так и всесторонней обоснованности конкретных рекомендаций, адресуемых депутатам, участникам законотворческого процесса. Создание такой концепции психологии законотворчества возможно лишь при его исследовании в органичном единстве познания, деятельности и результата. Именно эти основные компоненты правотворческого процесса составляют законченный цикл [16, с. 138], за которым будут следовать в той же последовательности другие циклы.

Относительная законченность законотворческого процесса проявляется прежде всего в его последовательности и непрерывности. Созданию правовой нормы предшествует анализ правообразующих факторов, познание психологии социальных отношений, которые предполагается подвергнуть правовому регулированию. Познание объективной действительности представляет собой первый, исходный момент правотворческого процесса. Вслед за этим начинается этап создания самой правовой нормы, тщательно регулируемый правом путем установления соответствующих законотворческих процедур, которые регламентируют порядок принятия закона. Следует подчеркнуть определенную сложность процесса перехода от этапа познания к непосредственной законотворческой деятельности. В законотворчестве участвует множество субъектов, каждый из которых отстаивает собственную позицию, самостоятельно оценивая объективную реальность. Следовательно, уже первые шаги по определению способа правообразования, первоначальные переговоры сопряжены с по-

иском взаимовыгодных компромиссов и уступок.

Итогом законотворческой деятельности является правовая норма, оформленная в закон, представляющий собой источник права. При этом каждый закон предстает перед нами в виде сложной системы, находящейся в определенном соотношении и взаимодействии с другими правовыми нормами. На этом завершается законотворческий процесс. Однако это всего лишь промежуточный этап, своего рода первичный результат, за которым начинается действие правовой нормы. Анализ эффективности действия правовой нормы, в свою очередь, оказывает воздействие на право- и законотворчество, позволяя корректировать действующие нормы (так называемая обратная связь) [8, с. 109].

Разработка этапов законотворческого процесса и построение фундаментальной общетеоретической концепции психологии законотворчества требует безупречного научного инструментария. Психолого-юридическая наука пока не обрела подлинно научный метод в ее основных законах, категориях и принципах [18, с. 99–100]. Умелое их применение позволит достичь значительных успехов в познании психолого-правовых явлений.

Познание законотворчества должно основываться на категориях материалистической диалектики, отражающих не только всеобщие закономерности объективной действительности, но и закономерности развития человеческой деятельности, направленной на познание и преобразование действительности. В то же время анализ практической деятельности людей «составляет решающий пункт и главный метод научного по-

знания психического отражения, сознания» [12, с. 23]. Из этого следует, что психолого-правовые закономерности и механизмы могут быть поняты только в контексте практической деятельности людей в сфере правовой действительности. Связь между правовыми и психологическими аспектами этой действительности имеет диалектический характер.

Прежде чем приступить к проектированию конкретных правовых норм, нужно иметь четкое представление о том, из каких компонентов состоит данный элемент системы права, какова их связь между собой и каким образом элементы нормы права следует излагать в тексте закона. Нельзя подготовить качественно совершенный закон без учета содержания общеправовых отношений, положений общей теории права, его компонентов и их закономерной связи. Д.А. Керимов считает, что при создании новой нормы национального права правотворческий орган должен строго определять ее связи и отношения с уже действующими правовыми нормами, ее место и роль в целостной правовой системе [9, с. 267]. В противном случае новый закон не будет соответствовать действующему законодательству, возникнут правовые коллизии. В международном праве иная ситуация. Как известно, оно имеет сложную систему принципов, институтов и норм. Здесь нет единого законодательного органа и соответственно централизованного законодательства. Существуют как универсальные нормы, регулирующие отношения всех или большинства государств, так и локальные нормы, регулирующие отношения группы государств или же двусторонние отношения. Локальных значительно больше, и «они практически не затраги-

вают права и обязанности, установленные общими нормами» [11, с. 14].

Новация законопроекта характеризуется прежде всего тем, что законодатель создает модель определенного поведения субъектов общественных отношений с целью установления новых порядков или запрещения общественных отношений, которые, по его мнению, мешают развитию, комфортному существованию личности, общества и государства. По мнению В.М. Сырых, в законопроекте требуется в абстрактном виде отразить наиболее существенные, повторяющиеся признаки моделируемого поведения таким образом, чтобы каждое отдельное общественное отношение, в том числе самое специфическое, самое «запутанное», получило бы в действующей норме все необходимые признаки и характеристики [6, с. 35].

Кроме того, выполнение общей задачи предполагает предварительное решение следующих частных задач:

– во-первых, субъект права должен изложить содержание норм права и ответить на следующие вопросы: а) при каких реальных условиях и обстоятельствах норма должна действовать; б) какие права и обязанности возникают в случае наступления событий, указанных в гипотезе правовой нормы; в) какие меры воздействия могут быть применены к нарушителям данной нормы? Формируя нормативно-правовые предписания, субъект права должен видеть их взаимную связь и не допускать ситуаций, когда конкретные нормы права оказывались бы лишенными тех или иных элементов, были доступными либо правомочный субъект не мог реализовать своего права при наличии всех установленных законом фактов;

– во-вторых, в целях эффективного действия норм проектируемого закона следует закреплять в качестве объектов правоотношений, которые представляют реальную ценность для субъектов права и могут побудить их к реализации предоставленного законом правомочия;

– в-третьих, набор конкретных средств, составляющих механизм правового регулирования, не определяется произвольно, по желанию законодателя, а зависит от его профессионализма, сферы и конкретно-исторических условий действия проектируемого закона.

Проектирование указанных задач субъектом права во многом осложняется тем, что он проецирует свои нормы на будущее, на те конкретно-исторические условия, которые наступят лишь впоследствии, в том числе проектируемому закону.

Таким образом, процесс творения закона представляет собой творческую интеллектуальную деятельность по созданию правовых норм как различных моделей (вариантов) правового регулирования общественных отношений.

Как и любой междисциплинарной области знания, психологии законотворчества присущ синтетический характер теоретико-методологической базы (применение частнонаучных методов и прикладных методик). На формирование теоретико-методологических и прикладных основ психологии законотворчества оказали влияние многие идеи, научные положения и выводы из разных областей общественнознания и психологии, политологии, философии, политической и юридической психологии, юридической социологии, составившие классическую земной цивилизации, а также мно-

гомерно развивающаяся социально-психологическая практика.

Естественным следствием явилось и то, что наукой до сих пор не создана фундаментальная концепция законотворчества. Ссылаясь на высказывание К. Белла об отсутствии теории право- и законотворчества, П. Нолль пишет: «За более чем 50 лет, прошедших с тех пор, когда были сказаны эти слова, в данной области ничто не изменилось. Ошибок, из которых можно было бы извлечь уроки, стало еще больше, проблемы, которые должны решаться законотворчески, стали многочисленнее и их решение стало еще более настоятельно необходимым. Однако научная теория о законотворчестве по-прежнему отсутствует» [10, с. 6].

Представляет интерес высказывание М.М. Орзиха: «„Поведенческая“ проблематика правоправедения должна разрабатываться в свете теории социально-правовой активности. Это обеспечивает возможность не только определения действительности правовых средств, степени достижения целей законодателя, но дает более полное представление „о личности как деятеле, субъекте правовой деятельности, о механизме правового воздействия на личность“ [17, с. 48], социальном и личностном потенциале права и эффективности его социального действия на различных стадиях развертывания правовой активности (в процессе принятия решений, осуществления правового действия, его правовой оценки). На этой основе возможно теоретическое и конкретно-социологическое изучение интенсивности правовой деятельности личности, определение ее меры, степени в условиях демократического политико-правового режима, раз-

работка рекомендаций по интенсификации этой деятельности» [3, с. 35].

Разнообразие психологических подходов к исследованию законотворческих феноменов вызвано преобладанием той или иной психологической доминанты у исследователей. При этом существующие классификации, подходы к их анализу неравноценны как по выбору типологических оснований сравнения, так и по объему представляемой информации. Для полноты психологической характеристики различных сторон законотворчества наиболее плодотворной будет та модель, которая сумеет вобрать в себя как можно больше качественных и количественных характеристик изучаемого явления. Ее создание возможно лишь при применении всей совокупности конструктивных подходов современной психологии, которая в сотворчестве с другими отраслями науки дает возможность интегрировать востребованные знания для изучения и решения актуальных психологических проблем законотворчества.

Исследование психологических закономерностей в сфере законотворческой деятельности базируется на использовании законов и категории диалектики, что позволяет познать психические явления в их движении, развитии и различных проявлениях в зависимости от определенных условий. Например, такие категории материалистической диалектики, как анализ и синтез, сущность и явление, причина и следствие, тождество и различие, применительно к явлениям психической жизни дают возможность объяснить психические процессы, лежащие в основе формирования технологии законотворчества и психологического воздействия, неадекватности восприя-

тия и интерпретации отдельных правовых норм, причинно-следственные зависимости между свойствами личности депутата и их проявлениями в конкретных законотворческих условиях.

Вместе с тем использование категорий анализа и синтеза, сущности и явления служит основой для исследования и объяснения таких особенностей личности депутата, как конформность, профессионально-психологическая парламентская дезадаптация, имеющих большое значение в формировании, с одной стороны, профессионально важных качеств личности депутата, с другой — ее негативных проявлений, влекущих законотворческие и иные последствия. Рассмотрение многих психических процессов, свойств и состояний с позиций их взаимосвязи и взаимообусловленности позволяет объяснить многие проявления человека, характеризующие личность депутата в обычных и эмоциональных ситуациях, ее реакция на раздражитель, особенностях правового мышления, коммуникабельности, восприимчивости различных форм психологического воздействия, способности выполнять те или иные депутатские полномочия. Философский материализм позволяет использовать для целей психологии законотворчества концепции социальной психологии, объясняющие причины формирования микрогрупп, их направленность, референтный характер в отношении к отдельной личности депутата. Эти же зависимости, перенесенные в негативную среду, дают возможность выявить их отдельные стороны и психолого-правовые последствия и разработать рекомендации по осуществлению эффективной законодательной деятельности. Последняя может быть

эффективной только в том случае, если она основывается на анализе психологических характеристик негативных проявлений, а следовательно, может научно объяснить как их причины, так и способы воздействия на личность депутата, участников законотворческого процесса, способствующие их устранению.

В качестве естественнонаучной основы психология законотворчества использует методологические установки физиологии высшей нервной деятельности. По отношению к психологии законотворчества базовой наукой выступает общая психология, поэтому первая, будучи по своему характеру и направленности общественной наукой, тяготеет к естественным основам своего происхождения. Все психические проявления, выражающиеся в психических процессах, свойствах и состояниях, как и в других характеристиках психологической структуры личности, обусловлены физиологическими закономерностями. Психические процессы, возникающие у депутата в результате действия внутренних и внешних факторов, являются ответом на раздражители, вызываемые движением материи в ее разнообразных формах. Так, способы отражения окружающей действительности, их своеобразие, зависимость от состояния органов чувств и психического состояния личности дают объяснение многим закономерностям формирования эффективных правовых норм, а значит, создают известную основу для разработки приемов и рекомендаций с использованием данных высшей нервной деятельности. Рефлекторная теория в физиологии, теория единства процессов возбуждения и торможения позволяют объяснить множество психических процессов, об-

ладающих специфическим преломлением в законотворчестве. Психические явления, связанные с определенными закономерностями психической организации личности, могут быть объяснены с помощью положений физиологии высшей нервной деятельности, дающей представление о типах темперамента и их проявлениях, типичных чертах характера, направленности личности, ее волевых процессах и других данных, лежащих в основе жизнедеятельности человека. Знание и использование этих закономерностей, составляющих естественнонаучные основы психологии законотворчества, способствуют развитию теоретических концепций науки и разрабатываемых ею практических рекомендаций.

В формировании психологии законотворчества значительное место принадлежит ее правовым основам. Само наименование теоретико-прикладного направления — психология законотворчества — предполагает не только направленность использования психологических знаний, но и определенные этапы, в которых они могут применяться. Наличие правовых установлений для психологии законотворчества означает, что ее исследования и рекомендации должны строго соответствовать демократическим основам законотворческой деятельности, его принципам и содержанию отдельных правовых норм, то есть по своей сущности не противоречить тем демократическим и нравственным установлениям законотворческой деятельности, которые обеспечивают выполнение задач, поставленных государством перед законодательным органом. Демократизм законодательной системы и строгое соблюдение законности в ее

деятельности обуславливают характер психологических исследований и пределы допустимости тех рекомендаций, которые являются результатами данных исследований. В этом плане недопустима разработка таких методов исследований человеческой психики и основанных на них рекомендаций, которые противоречат нравственно-правовым требованиям, связаны с нарушением демократических прав и гарантий личности, провозглашенных Конституцией РФ. Применение отдельных методик, в частности методов исследования психики с помощью приборов, методов психологического воздействия на личность, включающих элементы насилия и такие приемы, которые содержат внушающее (суггестивное) влияние, недопустимо в процессе законотворчества.

В практике законотворчества недопустимы также эксперименты, рассчитанные на проявление эмоций, специально вызывающих негативные для личности депутата последствия. Нормы законодательства содержат ряд запретов, призванных обеспечивать охрану демократических свобод личности в законотворчестве. В частности, запрещена угроза интересам личности, общества и государства, нанесение ущерба личности с принятием будущего закона, не допустимо проводить эксперименты, унижающие достоинство личности или наносящие вред здоровью человека, недопустимы элементы внушения в нормах закона.

Следовательно, правовые основы психологии законотворчества закрепляются не только в принципах законотворчества, но и в конкретных правовых нормах, регулирующих разную деятельность, поскольку именно они яв-

ляются определяющими при разрешении вопросов о направленности законотворческих исследований и возможности использования в процессе законотворчества данных общей и экспериментальной психологии. Правовая направленность психологии законотворчества должна отталкиваться от тех потребностей практической деятельности, которые обуславливают ее высокую эффективность и научную обоснованность, то есть включать такое использование данных психологии, которое способствует более глубокому пониманию психических процессов, лежащих в основе различных видов деятельности человека, связанной с применением норм права. Их исследование позволит выработать рекомендации, обеспечивающие наиболее высокую организацию законотворческой деятельности.

Рассматривая законотворчество как специфическую область познания, нельзя не обратить внимание на категорию цели, которая характеризуется предвосхищением в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Следовательно, в постановке цели проявляется предвидение тех отношений, которых стремится достичь тот или иной субъект.

Как уже отмечалось ранее, познание общественных отношений для определения конкретной цели законотворчества (выбор темы для законотворчества) — чрезвычайно сложная и трудная проблема. «Само выявление отношений для правотворчества, — пишет Д.А. Керимов, — составляет предмет исследовательского поиска, в результате которого из массы жизненных связей отбираются те, которые нуждаются в правовой

регламентации в силу существующих объективных условий, устремлений и задач... Однако может оказаться, что только в результате изучения того или иного отношения выясняются целесообразность правового воздействия на него» [8, с. 109].

Личностный подход на уровне психологического исследования позволяет более глубоко отразить все многообразие взаимодействия правовой системы и личности в законотворческом процессе. Нельзя ограничиваться лишь пониманием правового регулирования как одностороннего воздействия права на депутата. Депутат, осуществляющий законотворческую деятельность, обосновывающий правомерность своих действий, является активным объектом психолого-правового воздействия. Он осуществляет сознательный и целенаправленный поиск необходимых правовых предписаний с тем, чтобы использовать их для достижения целей своей законотворческой деятельности. Когда депутат, зная о гарантированных Конституцией РФ правах и свободах, решает для себя вопрос о целесообразности использования тех или иных из них, мы имеем и иной уровень активности, и иной характер включения психологических механизмов. То же можно сказать о случае, когда лицо узнает о необходимости совершить целый ряд довольно обязательных и, на его взгляд, совсем не обязательных, но тем не менее юридически значимых действий для достижения ожидаемого социально полезного результата. Эти реально существующие различия должны быть объяснены психологически, иначе все теоретические построения останутся всего лишь безжизненными схемами.

Историей доказана безуспешность попыток силой закона, только законотворчеством решать проблемы правопорядка и пр. Психологически невозможно адаптировать граждан к неприемлемым для них законам. Недействительно и опасно также «левацкое забегание вперед» — издание «прогрессивных» законов, не отвечающих психологическим и педагогическим реалиям, плохо учитывающих демократический и правовой опыт населения, уровень его правовой компетентности, воспитанности и развитости. Такие законы не только обречены на бездействие, но и множат неуважение к правам, долгу, обязанностям. Лишь баланс между реальным уровнем развития населения, его правовой культурой и опытом с одной стороны и законотворчеством, имеющим упреждающе-развивающий характер, но не отрывающимся от реальностей, не забегающим слишком далеко вперед, с другой приводит к успеху. Закон силен, действует, если он исполняется, если он понят населением, принят умом и внутренне одобрен, охраняется им самим.

На государственном уровне необходим учет психологических закономерностей, механизмов и феноменов, уровня образованности, правовой и психологической культуры, правовой компетентности и воспитанности населения, реализуемый в психологически корректной законотворческой практике и высоком психологическом качестве каждого правового установления, а на местах — психологически грамотного местного, управленческого нормотворчества.

Итак, в современных условиях очевидна активизация проблемы совершенствования законотворческой дея-

тельности, что, в свою очередь, требует полномасштабного и комплексного изучения данного института, формирования его методологической и теоретической базы и психологических основ практического использования накопленных знаний. Большой объем законопроектной работы уже проведен, однако это вскрыло и подняло на поверхность новые, пока не решенные проблемы, разрешение которых — первоочередная задача психологии законотворчества.

Выводы

Рассмотренные методологические и теоретические основы психологии законотворчества позволяют сформулировать некоторые выводы:

1) психология законотворчества имеет научную нишу в правовой психологии, и эту сферу познания никак нельзя свести к простой компиляции положений психолого-правовых наук. Непосредственное применение законов, категорий и принципов диалектики открывает новые возможности в изучении психологии законотворчества. Однако исследования методологических вопросов психологии законотворчества не могут проходить отдельно от исследования его конкретных проблем, поэтому законы, категории и принципы диалектики должны органически «включаться», «вкрапливаться», использоваться в ходе научного поиска;

2) создание фундаментальной общетеоретической концепции психологии законотворчества возможно лишь при ее исследовании в органическом единстве познания, деятельности и результата. Именно эти основные компоненты законотворческого процесса составляют его относительно законченный цикл,

за которым будут следовать в той же последовательности другие циклы;

3) создание закона — это творческий процесс, охватывающий как познавательные и содержательные, так и технико-юридические аспекты. Понять их сочетание можно благодаря раскрытию методологической основы законотворчества. Речь идет о совокупности теоретических положений, методологических принципов, общих, специальных и частных методов, используемых в процессе подготовки научной и психологической экспертизы законопроекта;

4) при изучении психологии законотворчества необходимо проводить ее сравнительный анализ с законотворчеством других зарубежных государств, поскольку эти социально-психологические явления выражают единую сущность.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Теория права. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: БЕК, 1995. — 311 с.
2. *Василиук Ф.Е.* От психологической практики к психологической теории // Моск. психотерапевт. журн. — 1992. — № 2. — С. 15–32.
3. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: учебник. — СПб.: Питер, 2001. — 652 с.
4. *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры / под ред. М.Г. Ярошевского. — М.: Воронеж, 1996. — С. 48.

5. *Жальбин С.М.* К вопросу о подходах к законотворческой деятельности Парламента Республики Казахстан // Вестн. Межпарламент. Ассамблеи СНГ. — 2005. — № 2. — С. 187–193.

6. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. — М.: Городец, 2000. — 272 с.

7. *Зелелукин А.А.* Проблемы эфффективности российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2000. — 157 с.

8. *Керимов Д.А.* Методологический аспект правотворчества // Вопр. философии. — 1975. — №5. — С. 108–118.

9. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. — М.: Мысль, 1972. — 367 с.

10. *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. — М.: Юрид. лит., 1991. — 160 с.

11. *Крылов Н.Б.* Правотворческая деятельность международных организаций. — М.: Наука, 1988. — 170 с.

12. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с.

13. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. — 353 с.

14. *Ломов Б.Ф.* Системность как принцип математического моделирования в психологии // Вопр. кибернетики. — 1979. — Вып. 50. — С. 14.

15. *Лукашева Е.А.* Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Сов. гос-во и право. — 1975. — № 4. — С. 31–39.

16. *Нашиц А.* Правотворчество: теория и законодательная техника. — М.: Прогресс, 1974. — 138 с.

17. *Орзих М.Ф.* Личность и право. — М., 1975. — С. 48.

18. *Строгович М.С.* Некоторые вопросы использования психологических знаний в юридической науке // Психол. журн. — 1980. — № 6. — С. 18–27.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 20 ЛЕТ: ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ

М.Г. Дебольский

Аннотация: в статье рассмотрены особенности становления и функционирования психологической службы уголовно-исполнительной системы (УИС) России. Автор анализирует дея-

тельность службы на основе 20-летнего опыта ее функционирования и личного опыта непосредственного руководства службой с мая 2000 года по декабрь 2009 года. Рассматривая психологиче-

скую службу с позиций теории управления как иерархическую организационную систему, автор выделяет ряд ее компонентов: миссия, нормативно-правовое обеспечение, организационная структура и др. Автор является победителем XI ежегодного национального профессионального психологического конкурса «Золотая психея» по итогам 2009 года в номинации «Коллективный вклад в развитие единого профессионального психологического сообщества России» по проекту «Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как составляющая единого профессионально-психологического сообщества России».

Ключевые слова: уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ), Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) Минюста России, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), исправительное учреждение (ИУ), следственный изолятор (СИЗО), психологическая служба (ПС), межрегиональная психологическая лаборатория (МПЛ), концепция развития, цели, научно-методическое обеспечение, психодиагностическая и психокоррекционная работа, базовые типовые программы (БТП), модель деятельности, материально-техническое и инструментальное обеспечение, особенности стратегического и текущего управления, система подготовки сотрудников психологической службы.

Abstract: the paper considers the peculiarities of formation and functioning of the psychological service of the correctional system topics (CES) in Russia. The author analyzes the activities of the serv-

ice based on 20 years of experience of its operation and management of direct personal experience of service from May 2000 to December 2009. Considering the psychological service to the theory of management as a hierarchical organizational system, the author identifies a number of its components: mission, regulatory support, organizational structure, etc. The author is a winner eleventh annual national professional psychological contest «Golden psyche» in 2009 in the nomination «collective contribution to the development of a single professional psychological community in Russia, «project» psychological Service of the correctional system as a single component of the professional psychological community in Russia».

Keywords: criminal Code (Criminal Code), Penal Code (UIC RF), Directorate General of Corrections (GUIN) Russian Ministry of Justice, the Federal Penitentiary Service (FPS Russia), Correctional Facility (IU), remand (PTDC), psychological Service (PS), Interregional psychological laboratory (MSL), concept development, goals, scientific and methodological support, and psycho-correctional psychodiagnostic work, the basic standard software (BTP), the business model, logistic and instrumental support, especially strategic and current management, system training of psychological services.

Введение

В 2012 г. исполняется 20 лет с момента создания психологической службы уголовно-исполнительной системы России. В качестве точки отсчета принято 2 сентября 1992 г. — день, когда был подписан приказ МВД России № 305 (до 2008 г. уголовно-исполнительная систе-

ма входила в структуру МВД России) «О создании психологических лабораторий исправительно-трудовых учреждений». В соответствии с приказом ФСИН России от 31 июля 2007 г. № 421, именно 2 сентября отмечается как профессиональный праздник — День психологической службы уголовно-исполнительной системы. Естественно, история развития психологической службы, как и ее научной основы — пенитенциарной психологии, имеет более глубокие корни, но эти вопросы ранее освещались в научных публикациях [13, с. 32–36; 21] и в рамках данной статьи мы их затрагивать не будем.

Любой профессиональный праздник — это механизм активизации мотивационной сферы сотрудников, более глубокого осознания своей миссии и повышения престижа службы. Юбилей психологической службы — это также повод проанализировать состояние и перспективы ее дальнейшего развития.

Развитие службы с 1992 по 2000 год

Именно с сентября 1992 г. начался процесс постепенного и повсеместного создания психологических лабораторий в исправительных учреждениях всех видов режима. Наряду с сотрудниками ГУИН МВД РФ, в разработке Примерного положения о психологических лабораториях исправительно-трудовых учреждений и первых методических рекомендаций для пенитенциарных психологов принимали участие ученые из Академии управления МВД РФ, других образовательных учреждений, НИИ МВД РФ. Были обобщены и учтены основные теоретические принципы создания психологической службы (преимущественно

но в сфере образования), получившие освещение в научной литературе на рубеже 1990-х годов (А.Д. Алферов, 1987; А.Г. Асмолов, 1990; А.А. Бодалев, 1987; В.И. Войтко, 1980; К.М. Гуревич, 1982; В.В. Давыдов, 1978; И.В. Дубровина, 1984, 1987, 1991; Ю.М. Емельянов, 1985; Ю.М. Забродин 1980, 1984; Е.А. Климов, 1985; А.Г. Ковалев, 1968; Б.Ф. Ломов, 1977, 1984; К.К. Платонов, 1974; А.М. Прихожан, 1987 и др.). При разработке функциональных обязанностей пенитенциарных психологов и модели их деятельности учитывался опыт изучения психологических особенностей личности преступника и психологической работы с осужденными в местах лишения свободы, хотя и разрозненный, но в достаточной степени представленный в научной литературе советского периода 1970–80-х годов (Ю.М. Антонян, Ю.А. Алферов, И.П. Башкатов, Б.Г. Бовин, А.Д. Глоточкин, В.П. Голубев, М.Г. Дебольский, В.Г. Деев, Г.Х. Ефремова, А.И. Зубков, В.Г. Козюля, Ю.Н. Кудряков, А.И. Мокрецов, А.С. Новоселова, А.И. Папкин, А.Н. Пастушеня, Е.А. Пономарева, А.Р. Ратинов, М.П. Стурова, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков, Г.Х. Хохряков, А.В. Шамис и др.).

В конце 1990-х численность психологической службы УИС достигла 1 тыс. человек, стало осуществляться психодиагностическое обследование осужденных, в ряде территориальных органов в работе с несовершеннолетними осужденными и осужденными-женщинами начали применяться программы педагогического аутотренинга, разработанные доктором педагогических наук А.С. Новоселовой [19], накапливался опыт проведения психологического консультирования и социально-психологических

тренингов с осужденными и персоналом [12].

Однако темпы и качественный уровень развития психологической службы не соответствовали потребностям практики. На научно-практическом семинаре психологов УИС, проходившемся в июле 1999 г. на базе (в тот период) Томского филиала Рязанского института права и экономики ГУИН Минюста России, отмечались следующие недостатки в организации деятельности психологической службы [20]:

- отсутствие научно обоснованной концепции развития службы и основных направлений деятельности;

- неравномерность развития психологической службы в территориальных органах. В отличие от таких субъектов Российской Федерации, как Ленинградская, Московская, Орловская, Пермская, Саратовская и Свердловская области, где в состав психологической лаборатории входило несколько специалистов, во многих регионах должности психолога в исправительных учреждениях так и не были введены;

- отсутствие нормативно-правовых основ деятельности психологической службы на законодательном уровне;

- некомпетентность руководства психологической службой в связи с тем, что она входит в структуру отдела по воспитательной работе с осужденными;

- отсутствие единоначалия в руководстве психологической службой (в территориальные органы УИС поступают указания о проведении тех или иных мероприятий психологического характера как с управления кадров, так и управления воспитательной работы с осужденными, при этом часто несогласованные и по времени, и по ресурсам);

- привлечение психологов к выполнению несвойственных функций (охраны, надзора за поведением осужденных);

- низкий должностной статус психолога в исправительных учреждениях, что способствует высокой текучести специалистов;

- отсутствие научно обоснованных рекомендаций по основным направлениям деятельности пенитенциарных психологов и применению психодиагностического инструментария;

- слабый уровень материально-технического обеспечения психологической службы, отсутствие централизованных поставок компьютеров, других ресурсов;

- низкий уровень профессиональной подготовки практических психологов и отсутствие четкой системы повышения квалификации и переподготовки специалистов.

Авторитетный ученый, а в конце 1990-х — заместитель начальника ГУИН Минюста России А.И. Зубков, при оценке сложившейся ситуации отмечал, что «у нас пока нет единой психологической службы, чтобы решать вопросы правового статуса психологов, их профессионального роста по своей должности» и психологического обеспечения деятельности «сотрудников при решении стоящих перед системой задач» [16, с. 15].

Развитие психологической службы УИС с 2000 г.

С целью дальнейшего развития психологической службы УИС Министерством юстиции и Главным управлением исполнения наказаний был принят ряд дополнительных мер и одна из них — создание в структуре ГУИН Миню-

ста России самостоятельного отдела психологической службы [5]. На новое структурное подразделение возлагались задачи текущего (повседневного) и стратегического (перспективного) управления деятельностью психологов уголовно-исполнительной системы. *Создание самостоятельного отдела психологической службы в структуре ГУИН Минюста России* — это *новый этап* в развитии ведомственной психологической службы. Он *характеризуется системным подходом, централизацией управления и единоначалием*, что весьма важно на этапе становления новой службы и внедрения единых научно обоснованных стандартов по основным направлениям деятельности. Развитие вновь созданной службы было предметом постоянного внимания со стороны руководителей того периода: заместителя министра юстиции Российской Федерации Ю.И. Калинина, начальника ГУИН Минюста России В.У. Ялунина, заместителя начальника ГУИН Минюста России С.Х. Шамсунова, который был назначен ее непосредственным куратором. Это способствовало тому, что многие организационные вопросы решались весьма оперативно. Штатная численность сотрудников психологической службы начала увеличиваться более интенсивно, по сравнению с предыдущим периодом: 1998 г. — 800 чел.; 2000 — 1394; 2003 — 2067; 2006 — 3010; 2007 — 3500; 2009 — 3724; 2010 — 3864; 2011 г. — более 4000 чел. (по предварительным данным).

Отделом психологической службы ФСИН России совместно с Академией ФСИН России, НИИ ФСИН России разработаны *Концепция развития психологической службы УИС* (далее Концеп-

ция) и *план ее реализации*. Документы прошли научную и правовую экспертизу, носили стратегический и системный характер. Концепция и план ее реализации утверждены 7 июля 2001 г. заместителем министра юстиции Российской Федерации и определили развитие психологической службы на длительный период.

Основываясь на принципах теории управления и организационной психологии мы дали следующее *определение психологической службы* — это централизованно управляемая организационная система, состоящая из структурных подразделений и должностей специалистов (психологов), осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов, учреждений, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, а также специальных подразделений по конвоированию, отделов специального назначения территориальных органов УИС и образовательных учреждений, подведомственных ФСИН России. Данный подход к пониманию психологической службы нашел отражение и в Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС [8].

В Концепции развития психологической службы определены цели службы, ее миссия, приоритетные задачи и направления развития. *Цель психологической службы* — максимально полное использование достижений психологической науки и практики для повышения эффективности процесса исполнения и отбывания уголовных наказаний. В со-

ответствии с уголовным законодательством «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [2]. Как показывают научные исследования, психологическая служба оказывает существенное влияние на достижение целей наказания [14].

Миссия (предназначение) психологической службы УИС состоит в повышении профессиональной культуры исполнения наказаний, исправлении (коррекции поведения) осужденных, оказании им психологической помощи и оптимизации («очеловечивании») отношений между персоналом и осужденными. Основываясь на принципах системного подхода, мы можем утверждать, что психологическая служба не только порождает новый вид профессиональной деятельности, которую осуществляют психологи, но и качественно влияет на деятельность уголовно-исполнительной системы в целом: на кадровый аппарат и изменение принципов профессионального отбора персонала; на обращение сотрудников службы безопасности к осужденным; на индивидуальный стиль деятельности руководителей, обладающих более полной информацией как о себе, так и об индивидуальных свойствах подчиненных; на социально-психологическую (оперативную) обстановку в учреждении и уровень воспитательной работы с лицами, состоящими на профилактическом учете; на поведение осужденных посредством использования психокоррекционных программ; на сферу семейных отношений посредством консультирования сотрудников и членов их семей. Иными словами, психологическая

служба меняет «внутренний облик тюрьмы» и способствует функционированию уголовно-исполнительной системы с позиций человек-центрированного подхода к управлению людьми. Сущность этого подхода заключается в том, что люди в организации, их потребности и интересы всегда находятся в центре внимания и определяют стратегию управления. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года отмечается, что решение такой важной задачи, как сокращение рецидива преступлений, совершаемых лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, будет осуществляться «за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы...» [4, с. 2]. В связи с этим осознание миссии психологической службы ее сотрудниками и руководителями учреждений УИС является важной предпосылкой развития уголовно-исполнительной системы в целом.

В соответствии с принципом законности важное внимание в организации психологической службы уделялось *нормативно-правовому обеспечению деятельности психологов*. Анализ опыта работы пенитенциарных психологов в развитых зарубежных государствах, где служба начала функционировать еще в 1950–60-е годы, показал, что специалистов по человеческим отношениям нередко обвиняли в злоупотреблении психологическим воздействием на личность осужденных, необоснованной модификации их поведения, нарушении норм профессиональной этики. Четко обозначенное правовое поле является не только важной предпосылкой соблюдения прав и законных интересов осуж-

денных, но и средством защиты психолога от неправомерных обвинений со стороны осужденных, адвокатов, правозащитных организаций. Имели место попытки со стороны некоторых правозащитников поставить под сомнение законность и необходимость функционирования психологической службы в целом. До 2003 г. в уголовно-исполнительном законодательстве России (ст. 8, 9, 110 УИК РФ) лишь косвенно отмечалась необходимость психологической работы. Важную роль в нормативно-правовом обеспечении деятельности психологической службы сыграли международные документы: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1955 г.), и Европейские пенитенциарные правила обращения с заключенными [1]. Ссылка на эти документы, где рекомендовано вводить должность психолога в штаты всех пенитенциарных учреждений, неоднократно помогала преодолеть противодействие некоторых должностных лиц ГУИН и Минюста России при согласовании поправок о внесении изменений в уголовно-исполнительное законодательство и приказы Минюста России в части, касающейся регламентации деятельности психологической службы. По нашей инициативе в установленном законом порядке были внесены изменения в уголовно-исполнительное законодательство. Статья 12 УИК РФ была дополнена новым пунктом 6.1: «Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» [3]. По сути, впер-

вые на законодательном уровне было не только закреплено право осужденных на психологическую помощь, но и *определен субъект, осуществляющий соответствующие функции — психологическая служба*. Более того, состояние развития новой службы стало объектом контроля и со стороны своего ведомства, и со стороны прокуратуры. Незначительное количество психологов в исправительном учреждении может расцениваться как отсутствие возможностей для реализации предусмотренного законом права осужденных на психологическую помощь.

На законодательном уровне также закреплен принцип добровольности: *«психологическая помощь осужденным оказывается на добровольной основе»* [3].

К сожалению, не все предложения ОПС нашли отражение в законодательстве. Во-первых, законодатель не определил, кто относится к «иным лицам». По нашему мнению, это специалисты, имеющие базовое психологическое образование или сертификат, подтверждающий специализацию в той или иной сфере психологической практики. Кроме того, эти лица должны соблюдать уголовно-исполнительное законодательство России, ведомственные нормативно-правовые акты и профессиональную этику пенитенциарного психолога. Во-вторых, в законодательстве не указано, что активное участие осужденных в психологических мероприятиях может рассматриваться как стремление к развитию социально значимых свойств личности и учитываться при решении вопроса об изменении условий содержания, а также условно-досрочном освобождении. В-третьих, не определены основные

виды психологической работы в целом и в частности, виды оказания психологической помощи осужденным. Это приводит к тому, что психодиагностическое обследование осужденных, в том числе в карантине, часто рассматривается как форма оказания психологической помощи, а помощь, согласно законодательству, должна осуществляться на добровольной основе. В этом вопросе мы отстаиваем позицию, что *изучение личности вновь прибывших осужденных — это обязательный вид деятельности, он не просто осуществляется с целью оказания психологической помощи, а имеет более широкое значение, и письменного согласия осужденного для проведения психодиагностического обследования не требуется.* Наши убеждения основываются на международных документах, уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации и общепринятых разграничениях видов психологической работы. Так, в ст. 66 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными отмечается: «В отношении каждого заключенного, приговоренного на достаточно продолжительный срок, директор должен получать как можно скорее по его принятии (в тюрьму — прим. авт.) исчерпывающие сведения... о физическом и психическом состоянии заключенного», а в процессе работы с ним необходимо «принимать во внимание индивидуальные потребности заключенного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и его возможности после освобождения» [1, с. 130]. В уголовно-исполнительном законодательстве также отмечается не-

обходимость изучения «личности осужденных и их поведения» [3, ст. 9]. Таким образом, жалобы представителей некоторых правозащитных организаций на то, что психологи при осуществлении психодиагностики осужденных в карантине допускают нарушение законности, являются неправомерными, а стремление многих сотрудников психологических служб подстраховаться и взять ответственное заявление у осужденных — излишним. Другое дело, что психологи должны мотивировать осужденных на добровольное участие в обследовании и иных психологических мероприятиях, ибо только в этом случае можно обеспечить достоверность и надежность получаемой информации.

Учитывая, что многоплановая деятельность психологической службы УИС ориентирована на коррекцию криминально значимых свойств личности осужденных, укрепление чувства собственного достоинства и осознание ответственности за свои поступки, автором данной статьи и другими учеными неоднократно вносились предложения *законодательно закрепить психологическую работу с осужденными как одно из основных средств их исправления.* В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Правительством РФ, предусмотрена реализация данной идеи [4, с. 6].

К числу важных источников, регламентирующих деятельность психологической службы, относятся подзаконные нормативные акты — приказы Министерства юстиции Российской Федерации. Именно этими документами утверждены Инструкция о деятельности психологической службы УИС и примерные норма-

тивы времени на выполнение основных видов работ психолога [8], формы отчетности психологической службы территориальных органов УИС [6; 9], типовая структура и штаты психологической службы, Положение о межрегиональных психологических лабораториях территориальных органов УИС [7] и др.

До создания Федеральной службы исполнения наказаний ряд направлений деятельности психологической службы регламентировался приказами ГУИН Минюста России: проведение психологического отбора кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему [11], этические нормы пенитенциарного психолога [10], рейтинговая оценка деятельности психологической службы и др. В соответствии с новыми требованиями регламентация деятельности сотрудников УИС должна осуществляться только на основе документов (положений, инструкций, наставлений), утвержденных приказом Минюста России. Однако обосновать правомерность вновь подготавливаемых документов удавалось не всегда. Так, несмотря на все усилия сотрудников отдела психологической службы, не удалось согласовать и утвердить проекты инструкции по психологическому отбору кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему, инструкции об организации психодиагностического обследования осужденных в карантине исправительных учреждений и при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, положения о межрегиональных психологических лабораториях, этических норм пенитенциарного психолога. Главные аргументы должностных лиц, с которыми не удавалось согласовать новый документ, — это отсутствие упоминаний о соответствую-

ющих видах психологической работы в каком-либо из федеральных законов; обеспокоенность, что могут быть нарушены права человека (например, при психологическом отборе кандидатов на службу); необходимость дополнительного финансирования на реализацию нового документа и отсутствие соответствующих возможностей. Один из временных выходов в создавшейся ситуации мы находили в том, чтобы направлять в территориальные органы методические рекомендации по проблемным вопросам, обзоры о результатах деятельности, материалы положительного опыта. Хотя они не носили обязательного характера, но будучи утвержденными или направленными письмом за подписью директора ФСИН России или его первого заместителя, принимались во внимание большинством исполнителей.

В Инструкции по организации деятельности психологической службы УИС прописаны и получили апробацию на практике основные виды и направления психологической работы [8]. К числу *основных видов психологической работы или психологических функций*, которые возлагаются на психологическую службу УИС, относятся: психологическая диагностика; прогнозирование; психологическая экспертиза; психологическая коррекция; психотерапия; психологическое просвещение. Это универсальные функции, они реализуются при решении многих служебных задач, независимо от того, осуществляется работа с осужденными или персоналом (изучение осужденных в карантине, прием на службу сотрудников, психологическое обеспечение деятельности отрядов специального назначения). Каждая из функций реализуется относительно однородными

и типичными для нее средствами, методами (инструментарием).

Основные направления психологической работы с подозреваемыми обвиняемыми, осужденными: изучение осужденных в следственном изоляторе и карантине исправительных учреждений; написание характеристики (заключения) на осужденного и разработка рекомендаций по индивидуализации процесса социальной реабилитации; выявление лиц с признаками психологических аномалий, акцентуаций характера, их постановка (при необходимости) на профилактический учет и проведение психокоррекционных мероприятий (психопрофилактическая работа); оказание экстренной психологической помощи осужденным при различных инцидентах (суицидальные попытки, конфликты, отказы от приема пищи и т. д.); проведение психокоррекционных мероприятий с различными категориями осужденных (индивидуальное консультирование, групповая психотерапия, социально-психологические тренинги и др.); психологическое обследование осужденных по запросу других сотрудников при назначении на ответственные должности на производство и в самодеятельные организации осужденных; психологическое обследование осужденных на предмет их условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение, предоставление права передвижения без конвоя; психологическая подготовка осужденных к освобождению, оценка риска повторного преступления; исследование социально-психологической обстановки в учреждении, подразделениях (отрядах, бригадах, камерах), выявление лидеров, изучение особенностей межличностных отношений и их коррекция;

психологическое обеспечение переговорной деятельности с осужденными в ситуации захвата заложников и других экстремальных ситуациях.

По каждому направлению работы накоплен положительный опыт, имеются методические рекомендации и разработки. Актуальные направления психологической работы с осужденными указаны в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [4, с. 6–7]. В 2011 г. НИИ ФСИН России и высшие учебные заведения ФСИН России разработали и апробировали совместно с МПЛ базовые типовые программы (БТП) психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание за различные виды преступлений. Большинство программ разработаны в русле когнитивно-поведенческого подхода. Вместе с тем представляется, что внедрение в практику данных программ должно быть постепенным. Нельзя «обрушить» на психологов исправительных учреждений сразу все программы. Следует организовать обучение (краткосрочное повышение квалификации) психологов-практиков, при этом каждый специалист в течение года должен освоить одну, максимум две программы и провести несколько тренинговых групп (каждая программа рассчитана на 2–4 месяца). Учитывая, что в среднем численность психологической лаборатории в исправительных учреждениях составляет 3–4 человека, потребуется около двух лет, чтобы основные категории осужденных (по видам преступлений) были охвачены этими программами (БТП). Необходимо стремиться к тому, чтобы в первую очередь базовые типовые программы прошли осужденные,

которые имеют намерение обратиться с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Естественно, участие в психокоррекционных программах осуществляется на добровольной основе и каждый осужденный имеет право отказаться принимать участие в БТП. Однако осужденным надо разъяснять, что их отказ будет расцениваться администрацией (а вероятно, и судом) как нежелание проанализировать причины совершенного преступления, принять ответственность за свои поступки, снизить уровень риска повторных правонарушений.

Наряду с БТП важно продолжать проводить с осужденными и другие психокоррекционные программы, которые показали достаточную эффективность в изменении криминально значимых свойств личности и подготовке к право-подслушному образу жизни на свободе.

В качестве инновационного направления работы с осужденными следует отметить *оценку уровня риска рецидива при условно-досрочном освобождении, то есть оценку уровня вероятности повторных преступлений*. В отечественной пенитенциарной системе данное направление работы практически не развивается. Лишь в 2009 г. МПЛ УФСИН России по Самарской области выполнила соответствующую тему НИР и подготовила методические рекомендации для психологов [23]. Между тем в зарубежной криминальной и пенитенциарной психологии эта проблема считается весьма актуальной и является предметом постоянного внимания и ученых, и практиков [25].

Важное условие эффективной психологической работы с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми — это проработка методологических вопросов

прикладной юридической психологии, на что в последние годы обращается особое внимание [24; 26].

Основные направления психологической работы с личным составом: профессиональная ориентация и переориентация кандидатов на службу; профессионально-психологический отбор кандидатов и оказание психологической помощи в адаптации новым сотрудникам; психологическая подготовка персонала, в том числе к деятельности в сложных ситуациях; психологическое обеспечение работы с резервом кадров на выдвижение; психопрофилактическая работа и психологическое консультирование сотрудников; мониторинг социально-психологического климата в органах и учреждениях; психологическое обеспечение деятельности сотрудников, несущих службу с оружием; психологическое обеспечение деятельности сотрудников при служебных командировках на Северный Кавказ; оказание психологической помощи семьям сотрудников, пенсионерам, работникам, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях.

Штаты и организационная структура психологической службы регламентированы ведомственными приказами. Организационная структура иерархична. Она представляет собой систему распределения выполняемых задач, функций, властных полномочий и ответственности между различными уровнями управления (федеральным — ФСИН России, уровень субъекта Федерации — территориальные органы управления УИС, исполнительные органы — исправительные учреждения, СИЗО, уголовно-исполнительные инспекции и другие учреждения). Ранее нами отмечалось, что до 2000 г. на федераль-

ном уровне (в то время ГУИН Минюста России) в руководстве психологической службой УИС не было единоначалия, многие функции управления были децентрализованы и делегированы территориальным органам УИС. Лишь создание самостоятельного отдела психологической службы на федеральном уровне (6 должностей), передача ему полномочий и ответственности за организацию психологической работы как с осужденными, так и с персоналом, способствовали более активному развитию психологической службы.

В 2005 г. при реорганизации федеральных органов власти и создании ФСИН России произошло укрупнение подразделений. Отдел психологической службы потерял статус самостоятельного отдела и был включен в структуру управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными (УСПВРО), при этом функции ОПС остались прежними (психологическое обеспечение работы с осужденными и персоналом). На первый взгляд, ничего существенно не изменилось, ПС оставалась единой, неделимой. При инспектировании территориальных органов УИС выезжающий сотрудник психологической службы осуществлял проверку состояния психологической работы как с осужденными, так и с персоналом. В то же время привлечение сотрудников отдела психологической службы к решению вопросов, связанных с организацией психологической работы с личным составом, порой вступало в противоречия с интересами управления, которое ранее традиционно занималось только организацией воспитательной работы с осужденными. В общении с коллегами других отделов УСПВРО порой мож-

но было услышать фразу: «Вы слишком много работаете на управление кадров, а наша главная задача — организовать социальную, психологическую и воспитательную работу с осужденными». Появилась и другая негативная тенденция: некоторые структурные подразделения (управление охраны, управление исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы) стали игнорировать принцип единства психологической службы и пытаться самостоятельно, не согласовывая с отделом психологической службы, управлять психологами нижестоящих подразделений, проводить «свою политику». Например, управление охраны направляло в территориальные органы УИС указания о проведении в ограниченные сроки психодиагностического обследования сотрудников отдела охраны ИУ и СИЗО и определении степени готовности к несению службы с оружием, применению оружия на поражение в экстремальной ситуации, а также о ежедневном психодиагностическом обследовании сотрудников перед началом службы. Управление исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, пыталось самостоятельно изменить критерии оценки деятельности психологов уголовно-исполнительных инспекций. Сложившийся авторитет сотрудников отдела психологической службы, адекватная позиция начальника УСПВРО, поддержка руководства ФСИН России позволяли в рабочем порядке разрешать возникающие противоречия. Однако ощущалось, что для успешного управления развитием психологической службы по всем направлениям деятельности УИС отдел должен стать более представительным по численности сотрудников и самостоятельным, а

не просто входить в структуру одного из управлений.

В 2010 г. в организационной структуре психологической службы (на уровне ФСИН России) произошли существенные изменения: созданы отдел организации психологической работы с осужденными в составе управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными и отдел организации психологической работы с личным составом управления кадров ФСИН России (по 6 штатных единиц в каждом подразделении). Можно полагать, что увеличение кадровых ресурсов и специализация отделов позволит более качественно осуществлять руководство деятельностью пенитенциарных психологов, выполняющих работу как с осужденными, так и с личным составом в органах и учреждениях УИС. Однако могут возникнуть (да и уже возникают) проблемы взаимодействия и согласования при решении вопросов стратегического развития психологической службы: ее концепции, нормативно-правового и научно-методического обеспечения, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, сотрудничества с образовательными, научно-исследовательскими учреждениями других ведомств и общественными организациями (например, Российским психологическим обществом). Есть служебные задачи, при решении которых разграничить сферы деятельности психологов достаточно сложно. Например, кто должен осуществлять психологическую подготовку начальников отряда, оказывать им содействие при наличии конфликта с осужденными? Чаще ответ на поставленный вопрос зависит от профессиональной подготов-

ки психологов, их взаимоотношений с начальником отряда, а не принадлежности к той или иной службе. При инспектировании деятельности психологов в территориальных органах теперь требуется направлять в служебную командировку специалистов-психологов и от управления кадров и от управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, тогда как при единой психологической службе эту функцию выполнял один специалист. Наличие двух центров (отделов) по организации психологической работы требует изменения форм отчетности и оценочных критериев эффективности работы (рейтинговой оценки). Нуждается в совершенствовании организация психологической работы и в органах, исполняющих альтернативные виды наказания. На уровне ФСИН России уже два года эту функцию никто не выполняет.

При новой организационно-штатной структуре целостная психологическая служба разрушается не только на федеральном уровне. Последует «деление» психологов и выполняемых ими функций в территориальных органах и исполнительных учреждениях. Так, одно из предложений состоит в том, чтобы упразднить должность начальника психологической службы, а функции по организации психологической работы с осужденными возложить на заместителя начальника отдела (отделения) по социальной, психологической и воспитательной работе; соответственно функции по психологическому обеспечению работы с персоналом предполагается передать в отдел кадров. Пока же, вопреки канонам науки управления, уже два года начальники психологической службы территориальных органов УИС

имеют по два функциональных руководителя (по линии работы с осужденными и по линии работы с личным составом).

Еще раз отметим, что специализация психологов по объекту психологической работы очень важна, но необходимо понимать и другое: с кем бы не работали психологи (с персоналом или осужденными) их объединяет предмет исследования — психологические закономерности поведения людей, общие принципы и психотехнологии.

20 лет психологической службы — это значительный срок для жизни конкретного человека и даже учреждения, но в масштабе уголовно-исполнительной системы — это непродолжительный период. Психологическая работа по-прежнему остается инновацией для пенитенциарной системы, не всегда понятной для многих сотрудников (или понимаемой — на быденном уровне). А это, как известно, вызывает психологические барьеры и противодействие. Специалисты по организационному развитию в подобной ситуации предлагают следующие рекомендации по ускорению внедрения новшеств: объединять специалистов в рамках одного структурного подразделения, а не «распылять» по разным департаментам, обеспечить единичность и компетентность руководства, иметь единую концепцию развития [22, с. 806, 856].

В связи с этим представляется, что потенциал психологической службы и возможности его реализации во многом увеличатся, если будет создана (воссоздана) единая самостоятельная психологическая служба. На уровне ФСИН России *организационная структура нового подразделения* может быть следующей: начальник службы и его заме-

ститель, два существующих отдела (по организации психологической работы с осужденными и организации психологической работы с личным составом). Возможно также включение в структуру психологической службы отдела психодиагностической оценки персонала. В настоящее время эту функцию выполняет отдел психофизиологической диагностики при Главном клиническом центре медицинской и социальной реабилитации ФСИН России (а в территориальных органах — центры (отделения, группы) психофизиологической диагностики (ЦПД) при военно-врачебных комиссиях или межрегиональных центрах медико-социальной реабилитации личного состава УИС).

Практически во всех территориальных органах УИС имеются учебные центры или учебные пункты. В штаты многих из них введены психологи-практики либо преподаватели психологии. Это важный элемент психологической службы УИС, направленный на дальнейшее развитие личностного потенциала принимаемых на службу сотрудников.

Контроль за деятельностью ПС территориальных органов УИС осуществляется: на основе анализа полугодовых форм отчета по основным показателям деятельности ПС регионов и выездов в служебные командировки, по результатам планового инспектирования (раз в 5 лет) и проверки жалоб осужденных и их родственников, по материалам расследования чрезвычайных происшествий.

Важным компонентом управленческого воздействия на сотрудников психологической службы является оценка их труда. Определение критериев оценки деятельности психологов весьма сложная задача в любом ведом-

стве. Так, применительно к педагогам-психологам в научной литературе отмечается, что отсутствие стандартных критериев деятельности обуславливает неадекватность их ожиданий относительно работы в учреждении и «является проблемой, нередко приводящей к разочарованию в данной профессии» [17, с. 14]. В психологической службе УИС оценка деятельности труда специалистов осуществляется на различных уровнях управленческой иерархии: в ИУ — это в первую очередь качество выполняемых функций, результативность психологического воздействия на клиентов; на уровне территориальных органов — это показатели основных направлений деятельности психологических лабораторий исправительных учреждений и СИЗО; на уровне ФСИН России осуществляется рейтинговая оценка основных показателей деятельности ПС всех территориальных органов. Разрабатывая критерии рейтинговой оценки деятельности ПС важно учитывать следующие принципы: *объективности* (все показатели выполненной работы должны четко фиксироваться, быть проверяемыми и отражать реальное положение дел. Например, количество психологов в территориальном органе или исправительном учреждении — это важный показатель, но более объективно уровень развития психологической службы характеризует такой показатель, как среднее количество осужденных на одного психолога); *важности* (учитываться должны только те направления работы, которые имеют важное значение в деятельности ПС); *системности* (показатели должны не только быть важными, но отражать основные задачи ПС и их

взаимосвязь); *динамичности* (определенные показатели могут меняться исходя из актуальности решаемых задач); *комплексности* (в рейтинговой оценке должны использоваться показатели, имеющие различную природу: одни — отражать уровень организационного развития и материально-технический уровень (укомплектованность, качественный состав, наличие кабинетов для групповой работы и т. п.); вторые — исполнительскую дисциплину; третьи — содержание работы); *достоверности или нормативности* (критерии оценки должны проверяться на достоверность и качество выполненной работы). Так, если разделить бюджет рабочего времени психологов конкретного территориального органа (например, за полгода) на количество психодиагностических обследований осужденных, то получим среднее время, затрачиваемое на одного клиента. Например, при официально установленной норме времени для проведения экспресс-диагностики одного осужденного (подозреваемого, обвиняемого) и составления на него психологического портрета в 1,5 часа, в некоторых территориальных органах расчетное время составляло 15–30 минут. Следовательно, мы имели факт приписки, к тому же бездумной, или некачественного выполнения работы. За 15 минут невозможно провести экспресс-психодиагностическое обследование осужденного и составить психологический портрет. Выявив подобного рода факты, мы первоначально предупреждали начальника психологической службы, а если факт искажения отчетности повторялся (что было крайне редко), то с таким человеком просто расставались. *С целью мобилизации*

сотрудников психологической службы, их ориентации на актуальные проблемы деятельности ежегодно в территориальные органы направлялся обзор о результатах деятельности ПС, доводилась информация о состоянии суицидов среди осужденных и персонала, положительном опыте работы по различным направлениям деятельности. Повышению удовлетворенности трудом психологов, развитию их творческой активности, профессиональной идентичности способствует также участие в таких конкурсах, как: конкурс на лучшего психолога УИС, конкурс психологов силовых структур, общенациональный конкурс «Золотая психея», ежегодное чествование специалистов в связи с профессиональным праздником.

Подготовка, переподготовка и повышение квалификации психологов. Практически все сотрудники психологической службы имеют высшее образование. В 2010 г. доля психологов, имеющих базовое психологическое образование, составляла 72 % (в 2000 г. — всего 40 %), 17 % — прошли переподготовку в соответствии с установленным государственным стандартом (более 500 часов), 5 % — обучаются без отрыва от службы по специальности «Психология» и лишь 6 сотрудников не в полной мере соответствуют квалификационным требованиям. В УИС организована разветвленная система повышения квалификации специалистов с учетом вида учреждения (подразделения), в котором они работают: для психологов СИЗО и тюрем, ВК (ВЦ), колоний-поселений, ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы, ИК для содержания осужденных-женщин; для начальников психологических служб,

психологов отдела охраны, управления по конвоированию, отдела специального назначения, для психологов МПЛ, образовательных учреждений. Кроме того, проводятся специализированные курсы повышения квалификации по направлениям психологической деятельности: по психодиагностике, психологическому консультированию, проведению различных психокоррекционных программ, психологическому обеспечению деятельности сотрудников УИС в экстремальных ситуациях. Только в 2010 г. курсы переподготовки прошли 843 психолога (22,5 %) от общей численности сотрудников психологической службы (из них 501 чел. (59 %) в образовательных учреждениях ФСИН России и 342 чел. (41 %) в других вузах. Особой популярностью среди пенитенциарных психологов пользовались курсы повышения квалификации и мастер-классы на базе Владимирского юридического института. Важную роль в профессиональной подготовке пенитенциарных психологов выполняют Академия ФСИН России (Рязань) и Вологодский институт права и экономики ФСИН России, где функционируют психологические факультеты (более 20 лет в г. Рязани и 10 лет в г. Вологде). Вместе с тем специализированные факультеты в полной мере не удовлетворяют потребности УИС в пенитенциарных психологах. Так, в 2010 г. принят на службу в УИС 71 выпускник психологических факультетов вузов ФСИН России, а с психологических факультетов других вузов — 441 чел. Особо остро нуждается пенитенциарная система в специалистах по клинической психологии с учетом особенностей контингента осужденных. Принятые на службу вы-

пускники гражданских вузов также нуждаются в специальной пенитенциарной подготовке.

Научно-методическое обеспечение психологической службы направлено на использование современных научно обоснованных психодиагностических и психокоррекционных технологий. Наряду с традиционными субъектами научных исследований (НИИ ФСИН России и образовательные учреждения ФСИН России), необходимо особо подчеркнуть роль межрегиональных психологических лабораторий. Они созданы приказом Минюста России в 2001 г. в 12 территориальных органах УИС, численностью — 8 штатных единиц [7]. На них возлагаются следующие функции: проведение научно-прикладных исследований, направленных на разработку новых психотехнологий и их внедрение в пенитенциарную практику; оказание практической помощи территориальным органам в решении актуальных психологических проблем; изучение, обобщение и распространение положительного опыта в регионе; стажировка психологов. За 10 лет профессиональной деятельности каждая МПЛ внесла весомый вклад в разработку научно обоснованных технологий работы с осужденными и персоналом. Особо следует выделить высокий профессионализм и достижения МПЛ УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и МПЛ УФСИН России по Ярославской области.

Уровень прикладных научных исследований психологов УИС достаточно высокий, об этом свидетельствуют результаты их участия в Национальном профессиональном психологическом конкурсе «Золотая Психея». Психологи МПЛ УФСИН России по Санкт-Петербургу и

Ленинградской области дважды (2004, 2010) стали победителями конкурса в номинации на лучшее прикладное исследование и лауреатами конкурса (2007). Победителем конкурса «Золотая Психея» в номинации «За вклад в развитие единого психологического пространства России» в 2010 г. признан М.Г. Дебольский, обобщивший закономерности становления и развития психологической службы УИС за десять лет [15]. В 2011 г. психологи УИС, специализирующиеся на работе с личным составом, приняли участие в конкурсе Общества психологов силовых структур на лучшего психолога. Почетным дипломом за третье место награжден старший психолог отдела специального назначения УФСИН России по Архангельской области. Почетным дипломом за третье место награждена А.Н. Мойсеева, старший психолог отдела специального назначения УФСИН России по Республике Карелия.

Создание психологической службы способствовало развитию пенитенциарной психологии как самостоятельной отрасли науки. За последние 10 лет по психологическим проблемам деятельности УИС защищено 30 кандидатских и 2 докторские диссертации (В.М. Поздняков, Д.В. Сочивко). Более 10 психологов УИС являются кандидатами наук и продолжают работать на практике. Большинство представителей профессорско-преподавательского состава психологических факультетов образовательных учреждений ФСИН России — это бывшие психологи-практики.

Психологическая служба УИС — открытая система, она взаимодействует с учеными других ведомств и постепенно интегрирует в психологическое сообще-

ство России. Делегации сотрудников ПС УИС принимали активное участие в работе III и IV съездов Российского психологического общества (Санкт-Петербург, 2003; Ростов-на-Дону, 2007). По пениitenciарной психологии работали отдельные симпозиумы и круглые столы. Известные ученые имели возможность не только принять участие в теоретических дискуссиях, но и ознакомиться с деятельностью пениitenciарных психологов на базе Азовской воспитательной колонии (Ростовская область, 2007). Пениitenciарные психологи являются участниками многих общероссийских и региональных конференций.

С психологами УИС длительное время сотрудничают такие известные ученые, как Т.Ю. Базаров, Е.Г. Дозорцева, С.Н. Ениколопов, Ю.П. Зинченко, В.С. Мухина, Ф.С. Сафуанов и др. На протяжении 10 лет В.С. Мухина регулярно (ежеквартально) посещает исправительную колонию особого режима в Республике Мордовия, где содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы. Начиная с 2002 г. по настоящее время результаты этой психологической работы с осужденными освещаются в журнале «Развитие личности», а в 2009 г. нашли отражение в фундаментальной монографии [18]. На примере психологического анализа особенностей отбывания наказания осужденных к пожизненному лишению свободы вскрыты и общие закономерности поведения человека в сложной экстремальной ситуации. Таким образом, психологическая служба ФСИН России не только решает сугубо практические задачи, но способствует развитию психологической науки и, в свою очередь, развивается благодаря «подпитке» фундаментальной науки и

сотрудничеству с учеными других ведомств.

Общие выводы

1. Создание психологической службы в уголовно-исполнительной системе — это прогрессивная инновация. Средством оказания психологической помощи, специальных программ и психотехнологий сотрудники психологической службы вносят весомый вклад в реализацию уголовно-исполнительной политики и целей наказания, способствуют оптимизации социально-психологической обстановки в среде осужденных и повышению доверия к администрации, развивают у осужденных адекватную самооценку, осознание ответственности за свои поступки, стремление подчиняться законам и обеспечивать свое существование после освобождения. Деятельность психологической службы способствует также снижению противоречий между служебными и личными интересами сотрудников, развитию их профессионально-личностного роста и профилактике профессиональной деформации, формированию здорового морально-психологического климата в органах и учреждениях УИС.

2. Создание психологической службы УИС имеет две группы объективных предпосылок: 1) изменение уголовно-исполнительной политики, ее ориентация на международные стандарты обращения с заключенными, потребность в исправлении осужденных и снижении уровня рецидива; 2) развитие психологической науки, в том числе криминальной и пениitenciарной психологии, наличие в их арсенале современных программ и психотехнологий изучения личности, ее развития и коррекции поведения.

3. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как структурное подразделение, обеспечивающее выполнение специфических функций, обладает следующими организационными компонентами (атрибутами): миссия, цели деятельности, иерархическая организационная структура, нормативно-правовое обеспечение, система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, наличие стратегического и текущего управления, система оценки, контроля и мотивирования труда специалистов, научно-методическое и ресурсное обеспечение.

4. Психологическая служба УИС, обладая отмеченными ранее организационными атрибутами, может рассматриваться как типовая ведомственная (корпоративная) модель психологической службы и приниматься во внимание при дальнейшем развитии психологического сообщества современной России.

Литература

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. нормат. актов и офиц. док. — М.: Юриспруденция, 2003. — С. 38–55.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М.: Проспект, 2010. — 192 с.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. — М.: Ось-89, 2011. — 96 с.

4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Официальный сайт ФСИН России.

5. О совершенствовании структуры и деятельности психологической службы УИС Минюста России: приказ Минюста России от 26 января 2000 г. № 14.

6. Об упорядочении статистической отчетности о результатах деятельности психологической службы и воспитательных аппаратов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста России

16 ноября 2000 г. № 330.

7. О создании межрегиональных психологических лабораторий территориальных органов УИС Минюста России: приказ Минюста России от 26 марта 2001 г. № 99.

8. Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238.

9. Об утверждении форм статистической отчетности ФСИН России о состоянии социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными и инструкций по их заполнению: приказ Минюста России от 3 мая 2007 г. № 86.

10. О совершенствовании правового регулирования деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ ГУИН Минюста России от 9 июля 1999 г. № 251.

11. О повышении роли психологической службы в организации и проведении отбора кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации: приказ ГУИН Минюста России от 20 апреля 1999 г. № 170.

12. *Дебольский М.Г.* Проведение социально-психологических тренингов в ИТУ. — М.: Академия МВД России, 1996. — 88 с.

13. *Дебольский М.Г.* История развития психологической службы уголовно-исполнительной системы // История уголовно-исполнительной системы России: сб. науч. ст. — М.: НИИ ФСИН России, 2009. — С. 32–36.

14. *Дебольский М.Г.* Роль психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Прикладная юрид. психология. — 2010. — № 2. — С. 24–36.

15. *Дебольский М.Г.* Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как составляющая единого профессионально-психологического сообщества России // Психол. газ. — 2010. — окт. — URL: www.psy.su/psyche/psyche_archive/.../&project_id=245.

16. *Зубков А.И.* Организационно-правовые аспекты реформирования уголовно-исполнительной системы, основные направления подготовки кадров // Информ. бюл. № 44. — М.: ГУИН Минюста России, 1999. — С. 8–15.

17. *Марголис А.А., Коналова И.В.* Критерии профессиональной компетентности педагога-психолога // Психологическая наука и образование. — 2010. — № 1. — С. 13–19.

18. *Мухина В.С.* Отчужденные: абсолют отчуждения. — М.: Прометей, 2009. — 704 с.

19. *Новоселова А.С.* Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условие ресоциализации личности осужденных: Теория и технология. — Пермь: ПГПУ, 1998. — 224 с.

20. Опыт и актуальные проблемы совершенствования психологической службы уголовно-исполнительной системы: материалы науч.-практ. семинара. — М.: ГУИН Минюста России, 1999. — 352 с.

21. Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: монография. — М.: Академия МВД РФ, 2000 — 270 с.

22. Пригожин А.И. Методы развития организаций. — М.: МЦФЭР, 2003. — 864 с.

23. Руководство «Система оценки осужденного, освобождающегося условно-досрочно». — Сама-

ра: МПЛ ГУФСИН России по Самарской области, 2009. — 30 с.

24. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии // Прикладная юрид. психология. — 2011. — № 1. — С. 8–18.

25. Система оценки правонарушителя (СисОП). — М.: PRI, 2005. — 256 с.

26. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юрид. психология. — 2011. — № 2. — С. 8–18.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВНЕШНЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ СКЛОННОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Н. Пастушеня

Аннотация: в статье рассматривается один из аспектов системного описания криминогенной личности — характеристика проявления присущей ей криминогенной склонности. Этот аспект выражает интериндивидуальную характеристику криминогенной склонности: какое преступление может совершить индивид и при каких внешних и внутренних условиях. Приводится комплекс параметров такой характеристики, а также отличительные особенности проявления в преступном поведении.

Ключевые слова: криминогенная склонность личности; преступное поведение; внешние и внутренние условия проявления криминогенной склонности; субъективная приемлемость совершения преступного деяния.

The summary: This article deals with one aspect of the system description of the crime of personality — characteristic manifestations of inherent criminal tendencies. This aspect is characteristic of the crime interindividually addiction: what

a crime may make an individual and any external and internal conditions. Given set of parameters such characteristics as well as distinctive manifestations of criminal misconduct.

Keywords: crime-propensity individual; criminal behavior, both external and internal conditions are manifestations of criminal tendencies, subjective acceptability of committing a criminal act.

Научная проблема предрасположенности личности к преступному поведению актуальна на протяжении уже двух столетий [1, с. 5–92], начиная еще с попыток Ч. Ломброзо найти конкретное ее объяснение на основании эмпирических данных. За этот период проведено огромное количество психологических исследований, суть которых сводилась к выявлению личностных свойств или их определенных сочетаний, которые, по мнению исследователей, выступают внутренними детерминантами преступного поведения. Для доказательств ис-

пользовались статистические методы обработки, с помощью которых выявлялись корреляционные связи наличия и степени выраженности таких свойств с преступным поведением. Этим психологическим свойствам приписывалось значение криминогенных и они рассматривались как психологические особенности личности преступников, выражающие отличия от личности законопослушных людей. Подобного рода исследования, согласно выражению академика А.В. Петровского, выражают по сути «коллекционерский подход». Они должны быть интегрированы в единую психологическую теорию криминогенной личности, опирающуюся на базовые методологические принципы и подходы в психологии (детерминизма, системности, развития, деятельности, личности). Суть этой теории заключается в создании модели криминогенной склонности личности как системной совокупности психологических свойств, выполняющих необходимые функции в психической деятельности, детерминирующей противоправное поведение индивида в определенных условиях [2, с. 107–174]. В этой объяснительной модели могут найти свое место результаты многочисленных психологических исследований, где определенные свойства личности установлены в качестве значимых коррелятов преступного поведения.

Одним из исходных этапов научного объяснения криминогенной склонности личности выступает схема ее системного описания, которая должна быть ориентирована на практическое использование, в частности для психологической диагностики и прогностической оценки личности в плане криминологического

прогнозирования. В связи с этим необходимо еще раз обратиться к пониманию криминогенной склонности личности и раскрытию основных аспектов ее системного описания.

Криминогенная склонность личности представляет собой личностную предрасположенность (допустимость) к совершению определенного вида преступлений при определенных условиях и выступает личностной предпосылкой потенциально возможного преступного поведения индивида. Один и тот же индивид может обладать несколькими криминогенными склонностями, что означает наличие у него потенциальной возможности (личностных предпосылок) совершить соответствующие этим склонностям виды преступных деяний (корыстные, корыстно-насильственные, насильственные и др.).

Криминогенная склонность личности может иметь *различную степень зрелости*, которая определяется характером ее проявления. Максимальная зрелость криминогенной склонности выражается в ее эндогенном проявлении (в совершении преступления по собственной инициативе), минимальная — в экзогенном (в совершении преступления при решающем влиянии внешних условий, которое может носить вынуждающий или стимулирующий характер, например, подстрекательство других лиц). В этом случае криминогенная склонность проявляется как допустимость совершения преступного деяния под влиянием внешних факторов — как податливость их криминогенному влиянию. В этом случае можно полагать, что индивид склонен совершить определенное преступление только при внешних условиях, выражающих криминогенное влияние на него.

Такая склонность может обозначаться и как *отсутствие антикриминальной устойчивости личности*.

Основываясь на положениях системологии применительно к научному раскрытию психических явлений [1, с. 35–67; 2, с. 82–93; 5], отметим, что системное описание криминогенной склонности личности имеет ряд сторон: 1) проявление в системе общественных связей и отношений; 2) структура и функциональная организация ее элементов; 3) процесс порождения (генезис). Применительно к криминогенной склонности личности можно выделить *три аспекта ее описания*. Первый аспект представляет ее интериндивидуальную характеристику — описание склонности с точки зрения внешнего проявления: какое преступление может совершить индивид и при каких условиях. Второй аспект выражает ее интраиндивидуальную характеристику — описание склонности как психического образования, имеющего определенную структуру в виде совокупности психологических свойств. Это описание должно включать в себя раскрытие содержательных характеристик этих свойств и их функций в психологическом механизме преступного поведения. Оба эти аспекта описания («репрезентации») личности введены в научный оборот А.В. Петровским [3; 4, с. 264–270]. Третий аспект представляет собой раскрытие генезиса формирования криминогенной склонности, прежде всего тех психологических свойств, которые образуют ее структуру. Он предполагает раскрытие социальных факторов, обусловивших возникновение и развитие этой склонности: социальных условий и влияний, происходящих с индивидом событий, видов деятельности и социаль-

ных отношений, в которые он был включен на различных этапах жизни.

Интериндивидуальное описание интегративных свойств личности, выражающих готовность к определенному социальному поведению, в том числе межличностному взаимодействию (склонностей, социальных установок), нельзя назвать освоенным в психологической науке. Однако именно оно обеспечивает конкретность выводов о том, к чему склонен индивид. При интериндивидуальном описании криминогенной склонности необходимо указать не только характеристику приемлемого вида преступного поведения, но и ряд конкретизирующих его сторон, прежде всего приемлемые: способ, объекты преступного посягательства, тяжесть причинения вреда. Также следует дать характеристику обусловленности проявления этой склонности в преступном поведении, то есть указать при каких внешних и внутренних условиях эта склонность может проявляться, детерминируя преступное поведение.

Основываясь на психологическом анализе бесед с лицами, однократно и многократно совершившими различные виды преступлений при различных условиях, более детально рассмотрим каждый параметр интериндивидуальной характеристики криминогенной склонности личности.

Вид приемлемого преступного посягательства, которое индивид склонен совершить для удовлетворения определенной потребности или разрешения проблемной ситуации. Виды преступных посягательств указаны в конкретных нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, но при этом каждый вид преступления характеризуется более конкретными данными, включающими

в себя описание способов и средств, которые лицо склонно использовать при его совершении. Например, склонность к совершению кражи может проявляться как склонность к краже денег из сумок, карманов либо имущества из жилища или автомобиля. Причем кража из жилища может характеризоваться лично приемлемым способом проникновения в него — с помощью отмычек, либо выламывания замков, либо путем проникновения через окно и т. д. Склонность к причинению телесных повреждений может характеризоваться приемлемыми средствами и приемами, например, нанесением ударов руками и ногами или тупыми предметами либо ранений колюще-режущими орудиями, либо привлечением других лиц для избивания потерпевшего и т. п.

Приемлемые объекты преступного посягательства. У большинства лиц, совершивших незаконное завладение личным имуществом (кражи, мошенничества, грабежи, разбойные нападения), проявляется избирательная приемлемость совершения таких деяний в отношении определенных категорий людей. Так, часть преступников считают неприемлемым для себя совершение преступлений в отношении детей, инвалидов и людей преклонного возраста с низким имущественным достатком, иногда в отношении представителей некоторых профессий. В то же время у корыстных преступников четко проявляется «желательность» совершения посягательств в отношении лиц, имеющих высокий доход или занимающихся определенными видами деятельности. Корыстные преступники весьма определенно приводят перечень предметов имущества, которыми приемлемо завладевать, и

исключают целесообразность завладения другими. Для части корыстных преступников приемлемым объектом преступного посягательства является собственность лишь юридических, а не физических лиц. Лица, совершающие насильственные преступления, также обнаруживают определенные ограничения, касающиеся приемлемого объекта физического насилия. Чаще всего они исключают возможность нанесения побоев детям, людям преклонного возраста, инвалидам, а некоторые преступники — женщинам. Большинство осужденных, совершивших изнасилования, определяют категорию лиц женского пола, в отношении которых приемлемо совершение подобного посягательства, а также в отношении которых оно неприемлемо. Существует категория преступников, для которых лично приемлемым было совершение насильственного преступного деяния в отношении только одного единственного человека, чаще всего из чувства мести или из-за желания избавиться от его постоянного контроля и притеснений.

Приемлемая тяжесть причинения вреда более выражено обнаруживается у преступников, совершающих насильственные и корыстно-насильственные преступления. Значительная часть этих лиц допускают причинение физического вреда человеку, не превышающего определенную степень тяжести. Одни из них допускают выражение угрозы причинить тяжкий вред и нанесение побоев без серьезных повреждений, другие — насильственные действия, достаточные для того чтобы сломить сопротивление потерпевшего, третьи — насилие, причиняющее боль жертве, но исключающее серьезные телесные повреждения, чет-

вертые — нанесение тяжких телесных повреждений и т. д. Для преобладающего большинства преступников приемлемая степень тяжести причинения вреда определяется субъективно оцениваемой «вредоносностью» действий потерпевшего, а также реальностью мести с его стороны. Психологический анализ тяжких насильственных преступлений показывает, что осознаваемые пределы тяжести причинения физического вреда не всегда соблюдаются, и их превышение часто обусловлено аффективным или нетрезвым состоянием преступника или психологическим заражением в процессе группового насилия.

Что касается корыстных преступников, то большинство из них имеют примерную оценку минимальной суммы денег, ради завладения которой они считают приемлемым совершение преступления. Некоторая их часть считают, что не следует превышать разумные пределы материального ущерба, которые в большей мере определяются стремлением избежать мести со стороны потерпевшего либо не ставить его в крайне тяжелое материальное положение.

Обусловленность приемлемости совершения преступления определенной мотивацией. В результате исследований выявлена обусловленность приемлемости совершения преступного деяния определенной потребностью, ради удовлетворения которой индивид допускает возможность или считает необходимым его совершить. Так, у значительной части лиц, совершающих корыстные преступления без применения насилия, выявлено неприятие насилия для обеспечения своих материальных потребностей. Однако у большинства из них выявилась приемлемость совершения

насильственных действий в конфликтной ситуации, существенно затрагивающей личные интересы. Обусловленность приемлемости преступного деяния содержанием побуждения обнаруживается у лиц, совершивших насильственные преступления. Значительная их часть не приемлют применение насилия для удовлетворения материальной потребности, а также для удовлетворения половой потребности (исключая лиц, совершивших изнасилования). Обусловленность возможности совершения преступления определенной потребностью может носить различный характер: от однозначной причинной связи до менее жесткой связи, когда приемлемость совершения преступления зависит от комплекса внешних и внутренних условий.

Обусловленность приемлемости преступного деяния характером обстоятельств ситуации. Для большинства лиц, совершивших преступления, приемлемость деяния обусловлена обстоятельствами ситуации, при которой, с одной стороны, появляется субъективная необходимость действовать преступным путем, с другой — возможность достижения желаемого результата таким путем, с третьей — возможность избегания отрицательных последствий при совершении преступных действий (юридической ответственности, возмездия со стороны потерпевшего). Большинство преступников отмечают, что воздержались бы от совершения преступлений, например, в случаях присутствия лиц, способных выступить свидетелями противоправных действий или воспрепятствовать их совершению, либо в случаях, когда очевидно, что потерпевший может оказать серьезное противодействие, либо при наличии охранных устройств и т. п. Одна-

ко некоторая часть из этих лиц отметили, что прекратили бы начатые преступные действия, если бы такие «опасные» изменения ситуации произошли после того как они начали бы их совершать.

Для преобладающей части корыстных преступников важнейшим требованием к условиям совершения преступления, наряду с безопасностью, является легкость достижения желаемого результата. Однако при совершении хищений работниками предприятий, экономических преступлений, хорошо подготовленных краж из квартир и магазинов, мошенничества эта сторона условий совершения преступлений не существенна. Хищения они рассматривают как дело, которое требует усилий, терпения и других затрат.

Лица, совершившие насильственные преступления, не связанные с корыстными побуждениями, и злостное хулиганство, в большинстве своем отметили в качестве внешнего фактора, определившего приемлемость совершения насильственных действий, конфликтное, унижающее их достоинство поведение потерпевшего. Часть лиц, совершивших насильственные преступления в таких ситуациях, не придают значения отрицательным для себя последствиям. По их объяснениям в тот момент они желали только «воздать» своему противнику, «постоять за себя» а опасность последствий уходила на второй план — «будь что будет, но я не уступлю».

Обусловленность приемлемости преступного деяния социальной ролью субъекта. Ряд насильственных преступников, включая хулиганов, отметили, что совершили преступления не столько в результате возникшего конфликта с потерпевшим, сколько в связи с тем, что

были обязаны защищать достоинство близких или знакомых людей, выполняя долг перед ними и стремясь сохранить свой авторитет в их глазах. Одним из обстоятельств, побудивших к совершению насильственных действий в отношении другого человека, который вел себя, по мнению преступников, недопустимо, было их нахождение среди своих знакомых. Последнее обстоятельство ставило их в положение, вынуждающее нанести телесные повреждения этому человеку. В присутствии же незнакомых людей они, скорее всего, не стали бы совершать эти действия. В качестве социальных ролей, которые обуславливали приемлемость совершения преступных насильственных действий в подобной конфликтной ситуации, также может выступать роль человека, принадлежащего к общности противоправной направленности.

Обусловленность возможности совершения преступного деяния определенным функциональным или эмоциональным состоянием. У части лиц, совершивших насильственные преступные деяния, существенно проявляется обусловленность такого поведения состоянием опьянения или высокого эмоционального возбуждения, вызванного некоторыми обстоятельствами. В подобном состоянии у них снижается самоконтроль и импульсивно проявляются агрессивные склонности (как форма разрядки отрицательного психоэмоционального потенциала). Однако, находясь в нормальном состоянии, они в аналогичных ситуациях используют иную стратегию поведения и не допускают насилия. Такая зависимость агрессивного поведения от указанного состояния наиболее ярко обнаруживается у преступ-

ников, имеющих симптомы агрессивно-параноидной, эпилептоидной психопатии или подобные проявления в форме акцентуаций характера, как промежуточных явлений между нормой и психопатией. К этим акцентуациям соответственно относятся склонность к застреванию, возбудимость (эпилептоидный тип), демонстративность (истероидный тип), шизоидный тип. Обнаруживаются случаи, когда преступные действия корыстного характера были обусловлены состоянием наркотической и алкогольной абстиненции, которое побуждало к добыче денег для приобретения алкоголя или наркотиков.

Таким образом, характеризуя криминогенную склонность личности, необходимо указать, к какому виду преступления склонен индивид и какой способ и какие орудия он склонен использовать, в отношении каких объектов допускает преступное посягательство и какую степень тяжести причинения вреда, в связи с какой мотивацией (потребностью или проблемной ситуацией) он может эти действия совершить, при каких условиях, в том числе в связи с какой социальной ролью допускает возможность их совершения и в каком состоянии может проявить такую склонность. Подобная характеристика склонности максимально конкретна, поэтому представляет практическую ценность. Однако определить все стороны характеристики криминогенной склонности сложно и не всегда возможно сделать это в полной мере.

Выявление присущих индивиду криминогенных склонностей предполагает диагностическое зондирование их наличия в интересующей исследователя сфере поведения, соотносимого с

уголовно-правовым запретом. В качестве наиболее общих сфер такого поведения выступает сфера удовлетворения материальных потребностей, в которой возможно проявление склонностей к корыстным преступлениям, и сфера взаимодействия с другими людьми, где возможно проявление склонностей к криминальному насилию. Определение основных характеристик криминогенной склонности конкретной личности может быть рационализировано путем последовательного построения диагностического процесса — от определения противозаконной направленности такой склонности (корыстная, корыстно-насильственная, насильственная, сексуально-насильственная) к конкретизации ее содержания и обусловленности проявления.

При определении и описании криминогенной склонности следует учитывать, что ее проявление может носить *сложно обусловленный характер*. При этом существуют лишь основания считать, что личностная приемлемость (допустимость) его совершения существует. Указать наиболее существенные для ее реализации условия, дать их достаточный перечень, позволяющий утверждать о том, что при них деяние будет совершено с необходимостью, принципиально невозможно.

Психологический анализ различных типов генезиса преступного поведения показывает, что можно дифференцировать криминогенные склонности личности по степени их зрелости и обусловленности проявления. Эти типы криминогенных склонностей представляют:

– *зрелую личностную готовность к совершению определенного вида преступного деяния, которая с высокой ве-*

роятностью будет реализована при определенных условиях;

– *лично допустимую возможность* совершения преступного деяния *при определенных условиях*, которая отличается противоречивым отношением к такому деянию и определяет его детерминацию при вынуждающем характере внешних условий или склоняющем воздействии на индивида других лиц;

– *субъективную возможность совершения* преступного деяния, которая проявляется лишь *при определенном фоновом нервно-психическом состоянии* (при этом в нормальном состоянии субъект произвольно не допустит его совершения);

– *субъективную возможность* совершения уголовно наказуемого деяния в связи с отсутствием у индивида определенных знаний о его юридической наказуемости или в связи с его представлениями о том, что подобные деяния реально не преследуются в уголовно-правовом порядке.

Итак, представленный в статье интегративный аспект научного описания криминогенной склонности личности выступает, с одной стороны, исходной посылкой и целеориентирующей основой

изучения ее психологической сущности, а с другой — результирующим при проведении психодиагностических исследований конкретных лиц. Представленная схема описания склонности, безусловно, выражает максимально необходимую информацию для ее конкретной характеристики, что в реальных исследованиях обеспечить не возможно. Однако эта схема представляет собой необходимый шаг для дальнейшего развития психологических знаний о криминогенной личности и прежде всего для их конкретизации, углубления и систематизации.

Литература

1. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии (Проблемы теории сложных систем). — М.: Сов. радио, 1976. — 296 с.

2. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. — Минск: Академия МВД, 1998. — 207 с.

3. Петровский А.В. Возможности и пути построения общепсихологической теории личности // Вопр. психологии. — 1987. — № 4. — С. 30–44.

4. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 528 с.

5. Столяренко А.М. Психологическая системология. Теория, исследования, практика. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 392 с.

6. Ушатиков А.И., Ковалев О.Г. Криминальная психология. — М.: Изд. Моск. психол.-соц. ин-та, 2007. — 496 с.

МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ПУТЬ ДУХОВНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин, Ю. А. Голышева

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы духовного и личностного роста осужденных в связи с формированием религиозного сознания.

Ключевые слова: религиозность осужденных, личностный рост, духовность, психодиагностика.

The summary: the article deals with aspects of spiritual and personal development of the convicts in accordance with formation of religious consciousness.

Keywords: religiousness of the convicts, personal development, spiritualism, psychodiagnostics.

В нашем исследовании приняли участие осужденные молодежного возраста (от 18 до 23 лет) мужского и женского пола, отбывающие наказания в местах лишения свободы.

Обратимся к сравнительному анализу некоторых важных социально-демографических и социально-психологических особенностей воспитания и воспитания наших испытуемых.

Из рисунка 1 можно видеть, что обе группы осужденных, как мужчины, так и женщины, достаточно редко воспитываются в полных семьях. У мужчин этот показатель ниже 30 %, у женщин ниже 40. Имеющиеся различия между группами говорят о том, что фактор неполной семьи более значим для формирования преступной личности у лиц мужского пола в молодежном возрасте, которые чаще, чем осужденные женского

пола, вовсе не имеют родителей. С точки зрения темы нашего исследования этот факт имеет существенное значение как фактор, определяющий в какой-то степени мужской путь формирования духовности в молодежном возрасте. Можно говорить о том, что ориентация на идеал близкого взрослого, родителя среди молодых осужденных мужчин ниже, чем у женщин, в том числе через средовые взаимовлияния, что, конечно, накладывает отпечаток на формирование их светской и религиозной духовности, как бы она ни складывалась. Подтверждение тому мы увидим позже, анализируя в целом особенности становления мужского и женского пути развития духовно-религиозного сознания.

Следует пояснить, что на рисунке 1 отображена (если можно так сказать) степень беспризорности осужденного в детстве (полная или частичная, когда ребенок совсем не знал родителей либо не знал одного из них).

Перейдем к анализу психологических изменений личности в связи с духовно-религиозным развитием осужденных в местах лишения свободы. Следующий метод анкетирования позволяет не только оценить те дефициты детства, которые испытывали осужденные, но и то, что они подсознательно ощущают в настоящий момент. Доказательством является то, что структура дефицитов меняется по мере отбывания наказания.

Таким образом, мужской (телесно-духовный) и женский (душевно-

Рис. 1

духовный) пути развития и становления целостной светской и религиозной духовности осужденных в молодом возрасте имеют существенные предпосылки, в том числе в социально-демографических особенностях семейного воспитания. Не случайно церковь

столь большое значение придает не только созданию и освящению семьи в таинстве венчания, но и (главное) хранению семьи и запрету разводов. Однако посмотрим, как меняется дефицитарное «Я» в разные периоды отбывания наказания.

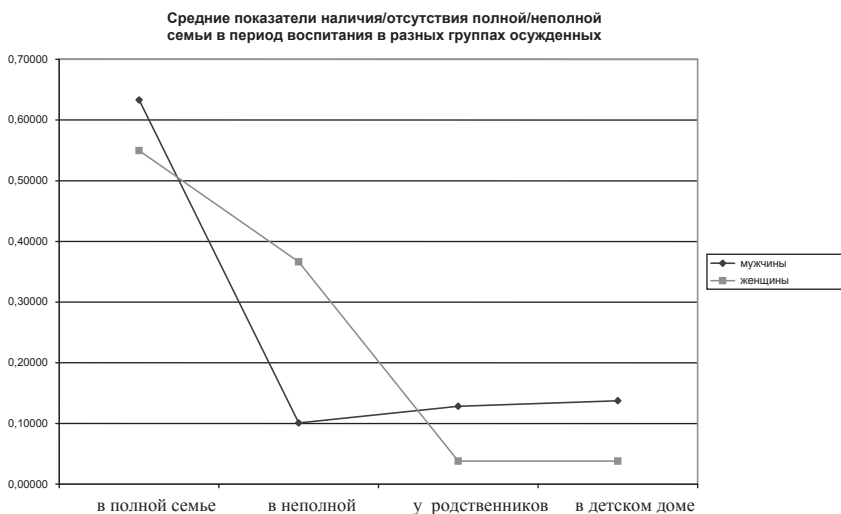
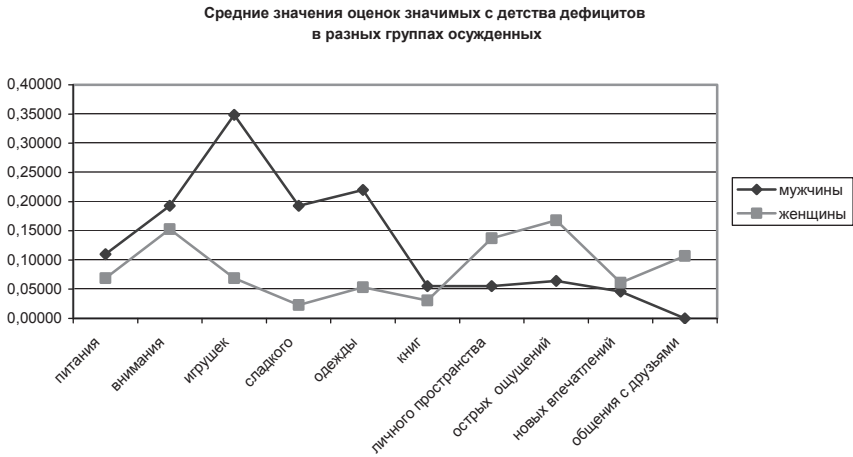

Рис. 2

Рис. 3

Из рисунков 4–6 следует, что телесно духовная направленность мужского типа сохраняется весь период отбывания наказания, причем в период подготовки к освобождению еще и резко возрастает в своей выраженности. Как можно проинтерпретировать такой рост регрессивного переживания дефицита игрушек. Разумеется, у взрослых игрушек не меньше, чем у детей, вся эта мас-

са жизненно бесполезных пустяков, радующих телесные анализаторы, которых, конечно, осужденные лишены. Тоска по ним нарастает у мужчин в период подготовки к освобождению.

Другая картина наблюдается у осужденных женщин молодежного возраста. График дефицитов у них как бы выравнивается. Имеют место те же факты повышения уровня дефицитов в области

Рис. 4

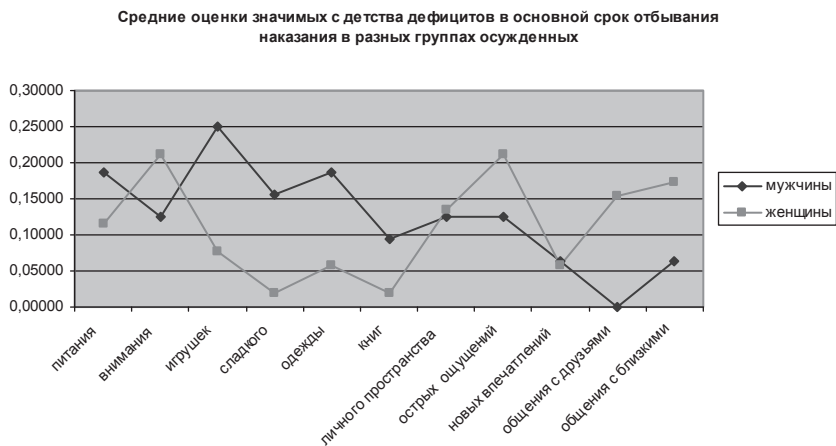

Рис. 5

личного пространства, увеличивается (впрочем, как и у мужчин) дефицит общения с близкими, что очевидно связано с предстоящим освобождением. Однако происходит и один существенный духовный перелом. Если в период адаптации женщины более всего вспоминали и переживали дефицит острых ощущений, то теперь на первый план выходит личностное пространство. На наш взгляд, это

говорит о состоявшемся и духовном и личностном росте, что мы и попытаемся в дальнейшем подтвердить с помощью психодиагностических методов. В качестве промежуточного вывода можно отметить, что в процессе отбывания наказания путь мужской (телесно-духовный) и женский (душевно-духовный) не меняется, а, наоборот, еще более закрепляется. Здесь следует сделать акцент на

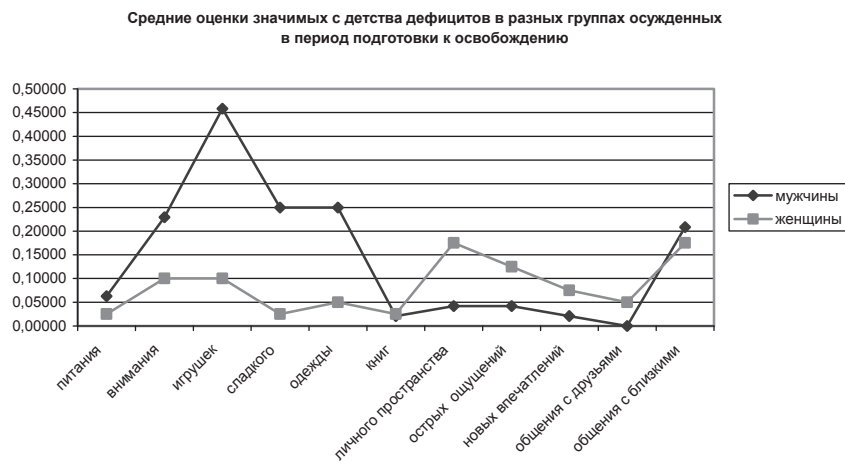

Рис. 6

гендерном аспекте проблемы, которого мы специально не касаемся в нашей работе. У каждого человека независимо от пола свой индивидуальный духовный путь развития, который является более «мужским» или более «женским». С точки зрения гендерного подхода «чисто» телесного или «чисто» душевного пути духовности не существует.

Перейдем к анализу других более частных духовно-нравственных и морально-нравственных отношений к действительности осужденных молодого возраста.

Я, другой, преступление. Начнем наш анализ с таких важных отношений человека к социуму, как готовность прийти на помощь, сочувствие, доверие и др.

Средние показатели готовности прийти на помощь нуждающемуся человеку, как мы видим из рисунка 7, у осужденных мужчин и женщин зеркальны. Осужденные мужчины перед освобождением в наименьшей степени готовы помочь другому человеку, их телесно-душевная

ориентация духовности возобладала, отбывание наказания их озлобило, сделало их равнодушными к проблемам других, затрудняя социализацию личности в современном обществе. Аналогичные средние показатели женщин показывают перманентный рост на всем протяжении отбывания наказания. Осужденные женщины в меньшей степени испытывают негативные последствия отбывания наказания, и в большей степени проявляют признаки личностного и духовного роста по этому показателю. Эти различия найдут свои объяснения при анализе динамики религиозности женского и мужского пути становления духовности.

На рисунке 8 мы вновь наблюдаем явные отличия отношений осужденных. Женщины в процессе отбывания наказания испытывают сочувствие к потерпевшему, и чем ближе освобождение, тем оно больше. В данном случае имеет место раскаяние, угрызение совести и как итог сознательное изменение личности в позитивную сторону. У женщин

Средние показатели оценок готовности прийти на помощь нуждающемуся человеку на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

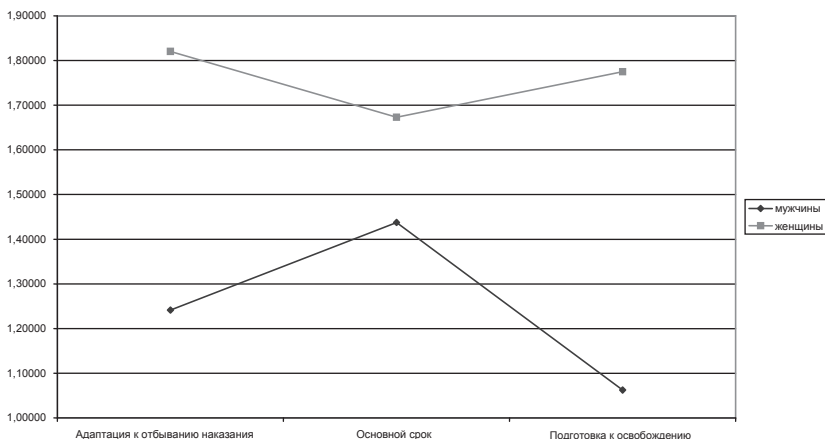

Рис. 7

Средние показатели оценок сочувствия потерпевшему на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

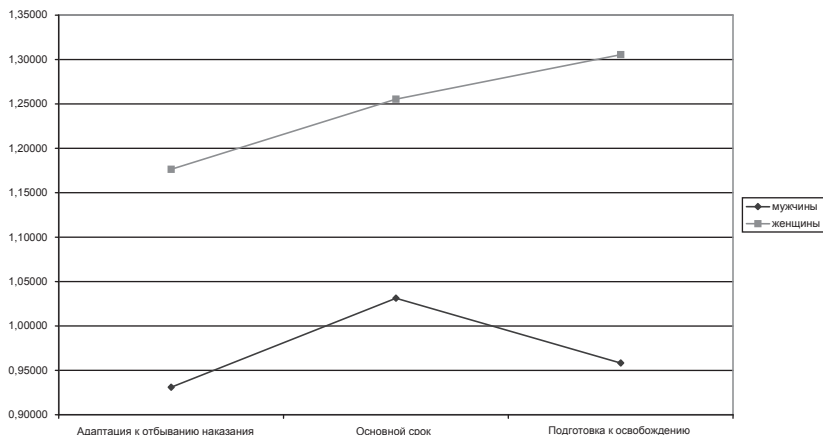

Рис. 8

больше шансов избежать рецидива, они более подвержены воспитательно-му воздействию и это следует учитывать при определении форм и методов психокоррекционного воздействия и степени исправления с точки зрения духовно-нравственных изменений.

На рисунке 9 мы видим динамику изменения оценок возможности доверять людям в разные периоды отбывания наказания. Для женщин характерен гораздо более низкий, чем для мужчин уровень доверия к людям в целом. Только 10 % из них в период адаптации дают

Средние показатели оценок степени возможности доверять людям на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

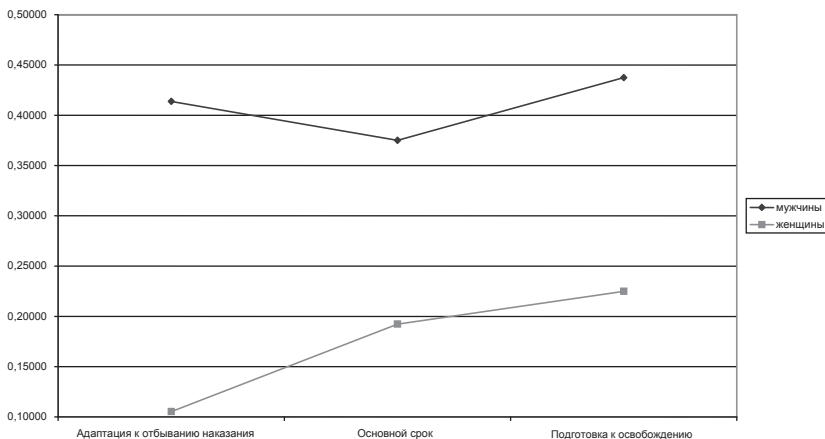

Рис. 9

оценку возможности доверять другому человеку. Однако в процессе отбывания наказания у женщин наблюдается почти линейный перманентный рост этого показателя. Несомненно, что рост степени доверия к людям является одним из важнейших показателей духовного развития. Как писал Апостол, «Любовь всему верит, ничему не завидует, не ищет своего». Именно такие признаки возрастания любви, а следовательно, не просто светской, но и религиозной духовности, мы видим в этом и других графиках изменения доминирующих отношений личности осужденных женщин молодежного возраста на разных периодах отбывания наказания. Это и есть основное содержание женского пути духовности. Напротив, у мужчин их телесно-духовная ориентация постоянно создает изломы линии развития, отражающиеся и на графиках. Так, на фоне гораздо более высоких оценок возможности доверять людям в основной период отбывания наказания происходит

снижение их уровня, который повышается ближе к освобождению, возможно, за счет восстановления социально полезных связей и, конечно, предвкушения душевно-телесного освобождения.

С этой точки зрения, интересным является график, представленный на рисунке 10. Количество осужденных мужчин, позитивно оценивающих возможность доверять своему тюремному окружению, неуклонно снижается ближе к освобождению. Мы не думаем, что причина в особой криминальной среде в мужских колониях. Среда одинаково негативна. Как нам представляется, здесь проявляются различия пути становления духовности. Телесно-духовная ориентация мужчин очень часто находит отражение в откровенной капризности, что подтверждают наши беседы с осужденными. Любую неприятную случайность в отношении их они могут посчитать намеренным обманом или спланированной провокацией. Например, образовалась очередь на телефонные звонки или ком-

Средние показатели оценок возможности доверять ближайшему окружению (осужденным и сотрудникам) на разных этапах отбывания наказания

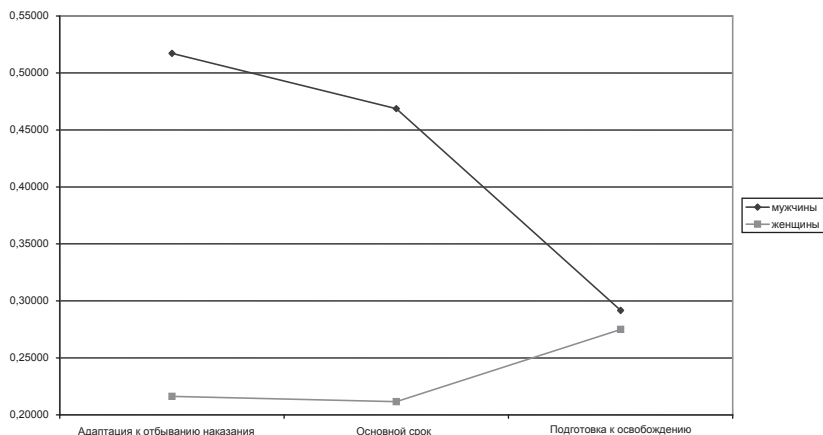
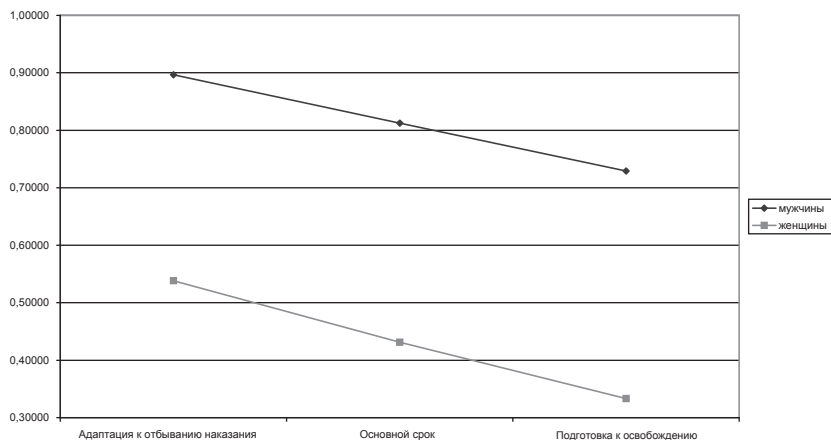

Рис. 10

Средние показатели допустимости физической агрессии в отношении другого человека на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

Рис. 11

наты свиданий перед праздником — это намеренные злобные действия администрации и т. д. Женщины изначально гораздо менее доверчивы, но гораздо более смиренны. Их доверие к ближайшему окружению растет. В результате обе группы приходят перед освобождением к одинаковому уровню. Однако первые в результате «падения», вторые — в результате «роста».

Перейдем теперь к анализу противоположного добродетельному доверию и сочувствию отношения осужденных к социуму — к агрессии.

Следует сразу заметить, духовное содержание агрессии осужденных мужчин и женщин молодежного возраста существенно различается. Из рисунка 11 мы видим, что мужчины могут допустить гораздо большую агрессивность, чем женщины. Однако действительно ли мужчины более агрессивны или они только высказываются о себе таким образом. Несомненно, ожидание от мужчины (особенно осужденного и молодого) большей

агрессивности и порождает повышение агрессивности, но она носит скорее востребованный показной характер. Женщины демонстрируют, согласно своей социальной роли, более низкую агрессивность, но вряд ли она менее опасна. Так или иначе, но для целей нашего исследования важно другое. Графики на рисунке 11 идут параллельно, представляя собой прямые линии. В обеих группах агрессивность в процессе отбывания наказания монотонно и линейно снижается. Это несомненно позитивный эффект исправления, который имеет и духовно-нравственную составляющую.

Из рисунка 12 следует, что при более высоком уровне агрессивности мужчин по отношению к близким родственникам можно наблюдать снижение агрессивности к концу срока отбывания наказания и у мужчин и у женщин. Агрессивность осужденных мужчин является основой их архетипического состояния, как «анимус» (в терминологии К.Г. Юнга) защитника, борца, воина. Это объясня-

Средние показатели допустимости физической агрессии в отношении близкого человека на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

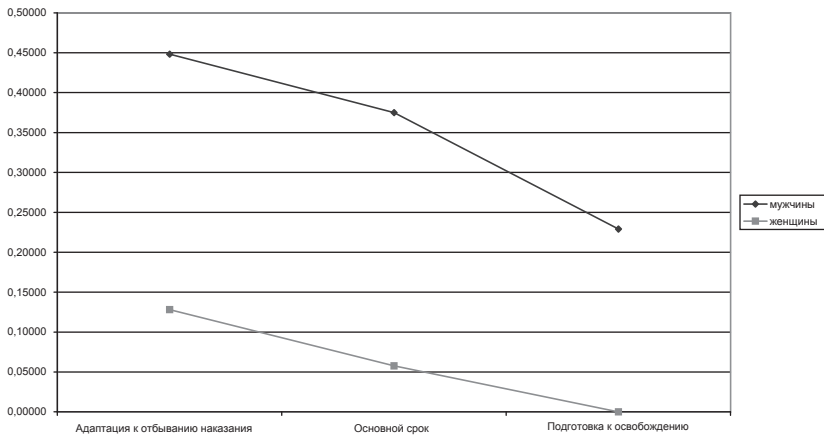

Рис. 12

ет график, но нас будет интересовать снижение агрессивности к концу срока, которое происходит у мужчин более интенсивно, чем у женщин. Забегая вперед укажем, что осужденные женщины в период адаптации стремятся к тюремному лидерству, полновластному контролю над ситуацией, что, конечно, требует и большей агрессивности, а мужчины, будучи осужденными, больше стремятся к противоположному состоянию, к тому, чтобы руководили ими.

Духовно-религиозное поведение осужденных молодежного возраста в разные периоды отбывания наказания. Начнем наш анализ с динамики религиозного отношения к окружающей действительности.

Из рисунка 13 можно видеть, что посещение Храма осужденными женщинами молодежного возраста снижается в основной период отбывания наказания, но вновь возрастает в период подготовки к освобождению. Это указывает на достаточно устойчивую установку

по отношению к Храму, сформировавшуюся во время отбывания наказания, так как осужденная уже близка к свободе, но не забывает Храма, то есть не погружена полностью в праздные помыслы, которые сможет удовлетворить на воле. Снижение активности в посещении Храма в период отбывания основного срока можно объяснить типичной для многих новоначальных верующих (как в местах лишения свободы, так и в обычных условиях жизнедеятельности) успокоенностью, некоторым временным чувством «выполненного» перед Богом долга. Однако перспектива изменения условий жизнедеятельности, освобождения, вновь ставит перед человеком, женщиной проблему выбора: что делать в условиях свободы? Вновь предаться праздности, подкрепленной криминалом, или же начать меняться, опираясь на заповеди и христианский образ жизни? Для многих второй вариант становится предпочтительным, и это, несомненно, отражает положительную ди-

Частота посещения Храма на разных этапах отбывания наказания в разных группах испытуемых

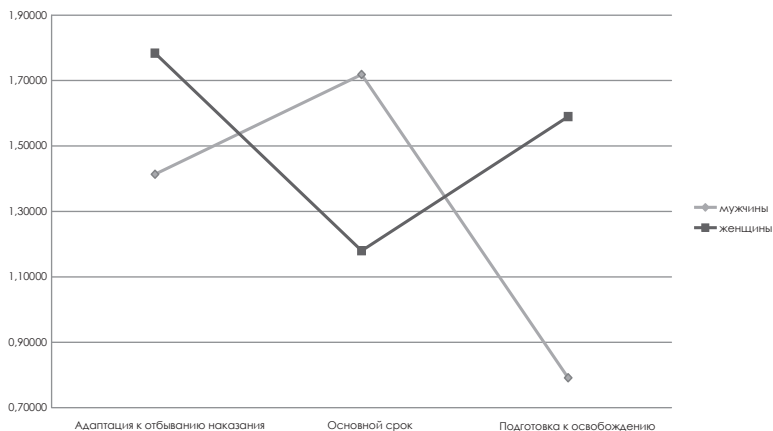

Рис. 13

намику как духовно-нравственного, так и религиозного воспитания в местах лишения свободы для осужденных женщин. В точности противоположную картину мы видим у осужденных мужчин молодежного возраста. Их активность в посещении Храма возрастает именно в основной срок отбывания наказания и резко падает в период подготовки к освобождению. Мужской телесно-духовный путь развития религиозности находит здесь еще одну свою яркую иллюстрацию. Осужденные мужчины идут к Богу (не считая, конечно, небольшой части приспособленцев, которые идут в Храм провести время или о чем-то попросить священника) в тот период, когда их телесно-душевная организация более всего испытывает гнет отбывания наказания: до освобождения еще далеко, адаптация прошла, вокруг серо, скучно, на душе тяжело. Перспектива близкого освобождения наполняет осужденного мужчину новыми надеждами и он откладывает посещение Храма до выхода на

свободу (во всяком случае, так говорили осужденные во время бесед).

Однако, разумеется, само посещение Храма еще не является существенным шагом в направлении обретения религиозного сознания и каким-то конечным критерием религиозного сознания, которое могло бы лечь в основу исправления и изменения личности в сторону правопослушного христианского поведения. И в местах лишения свободы, и на свободе кто-то посещает Храм чаще, кто-то реже. В связи с этим перейдем к анализу отношений осужденных к важнейшим в Русской православной церкви таинствам, обрядам и тревам.

Важнейшим инструментом воздействия Церкви через индивидуальную веру на личность, инструментом порождения положительных изменений, как сознания, так и поведения человека, является исповедь. Само слово «исповедь» по-гречески имеет именно это значение: метанойя — изменение ума. Это изменение ума в духовной жизни че-

Рис. 14

ловека имеет две функции. Одна из них вполне земная и крайне необходима нашим осужденным. Именно поэтому сейчас церкви и часовни строятся в исправительных учреждениях повсеместно. Это устройство «тихой и безмятежной», правопослушной и религиозной, свободной от греха земной жизни до самого ее завершения. Именно таковым должно быть следствие истинной исповеди и воцерковления. Вторая функция — это подготовка Небесного спасения, но это уже не предмет психологии как науки. Таким образом, отношение к исповеди выступает центром духовно-религиозного психического состояния человека (не случайно таинство исповеди является и важнейшим моментом подготовки к главному церковному таинству — причастию), и в особенности осужденных. Проанализируем его подробно у наших испытуемых в разные периоды отбывания наказания.

Как можно видеть из рисунка 14 осужденные женщины молодежного возраста гораздо чаще мужчин ($p < 0,001$) в период адаптации признают свой наме-

ренный или легкомысленный отказ от исповеди, несмотря на осознание угрозы посмертных мук ада. В основной срок таких женщин становится больше, что говорит о том, что многие становятся более искренними, что уже само по себе является почти исповедальным действием. И когда мы видим, что в период подготовки к освобождению число никогда не исповедовавшихся падает, то напрашивается вывод о том, что перед освобождением женщины идут на исповедь.

У мужчин картина полярно противоположная. Как это можно объяснить? В частности, каким образом столь малое число никогда не исповедовавшихся в период адаптации так резко возрастает в период подготовки к освобождению (при осознании посмертных адовых мук). Наиболее правдоподобным выглядит утверждение, что в период адаптации осужденные мужчины лукавят. И еще более стараются это делать в основной период отбывания наказания, а при подготовке к освобождению чаще говорят правду, так как уже нет нужды приспосабливаться. И это при осознании угрозы ада.

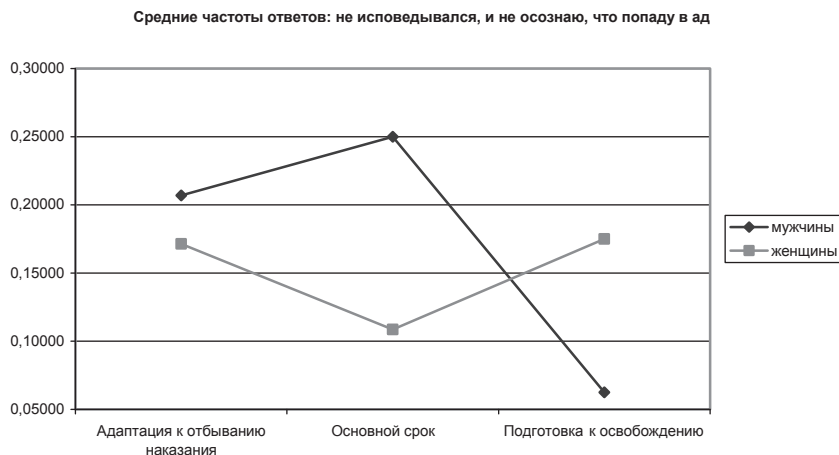

Рис. 15

На рисунке 15 мы видим полностью противоположную картину. Отличие заключается в том, что здесь представлены верующие осужденные, не осознающие угрозы ада (в случае, если никогда не исповедоваться). Оказывается, мужчин, не осознающих угрозы ада, немногим более 5 % в период подготовки к освобождению, а в основной срок их в 5 раз больше. У женщин это число возрастает в период освобождения. Женщины, не осознающие угрозы ада, признают свой отказ от исповеди в начале и конце срока, в основной период их становится меньше. Единственное объяснение тому, что многие женщины начинают приспособливаться именно в основной период отбывания наказания. Однако в основном духовно-религиозном поведении — исповеди, религиозном сознании осужденных и их духовности ясно прослеживается структурированная и активно управляющая поведением **идея ада**.

Для того чтобы проиллюстрировать это наглядно мы предлагаем обратиться к следующим двум рисункам.

Из рисунка 16 видно, что верующих, но не исповедующихся осужденных мужчин молодежного возраста, осознающих угрозу ада, в период подготовки к освобождению более 40 %, а не осознающих — немногим более 5. Не следует забывать о верующих и исповедующихся, что, очевидно, и забирает остальной процент.

Итак, перед освобождением половина верующих мужчин готовится к свободе с осознанием, что ад неизбежен, а исповедь (защита от ада, путь к спасению) как-нибудь потом. Весьма типичное и опасное духовное состояние. Следующим шагом может стать новое преступление, вероятно, не очень страшное, учитывая веру, но все-таки преступление. А потом исповедуюсь.

Какова же ситуация у верующих женщин?

Число женщин, осознающих угрозу ада, к периоду подготовки к освобождению снижается, а не осознающих — растет. Ад как будто бы остался позади в основном периоде отбывания наказания, где его угроза чувствовалась в полтора раза сильнее. При этом растет

Средние частоты ответов, подтверждающих отказ от исповеди при осознании и НЕ осознании угрозы ада у осужденных мужчин в разные периоды отбывания наказания

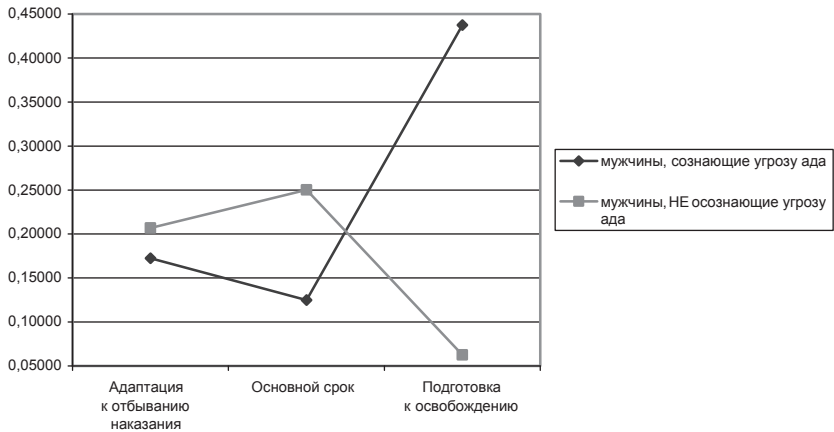

Рис. 16

число ответов «не осознаю и не исповедуюсь» (в свою очередь, у мужчин падает). Женщина искренна как в своей вере, так и в своем неверии или недостатке веры, в частности, неверии в ад.

Итак, мужчины приходят к освобождению, если можно так выразиться с отсроченным религиозно-духовным сознанием. Вся духовно-религиозная активность во время отбывания наказания приходится при мужском телесно-духовном пути на основной срок отбывания наказания, когда тело терпит максимальные лишения. В этот период мужчина ищет утешения в религии. У женщин пик религиозно-духовной активности приходится на период подготовки к освобождению. Женщина готовится выйти на свободу со всем богатством вновь приобретенного духовного опыта, хотя и в меньшей степени осознает опасность бездуховной жизни («Если Бога нет, то все позволено» — Ф.М. Достоевский). Мужчина по преимуществу консервирует приобретенный

духовно-религиозный опыт до полного освобождения, а точнее до тех пор, пока не уделит достаточного внимания своему душевно-телесному бытию. Женщина готовится устраивать свое душевно-телесное бытие после освобождения на новой духовно-религиозной основе. Мужчина готовится присоединить новый духовный опыт к новому (в аспекте всего пережитого) телесно-душевному устройству. Два пути: от Духа к телу и душе; и от тела и души к Духу. Заметим, однако, еще раз, что здесь, конечно, речь идет не о мужчине и женщине как о биологических существах, а о женском и мужском путях духовности, которые смешаны в разных пропорциях в каждом отдельном человеке.

Таким образом, женский путь духовности представляется более религиозным, мужской более светским. Остановимся несколько подробнее на анализе целостной картины динамики становления исповедального сознания у женщин в разные периоды отбывания наказания.

Средние частоты ответов по группе осужденных женщин, подтверждающих отказ от исповеди в разные периоды отбывания наказания

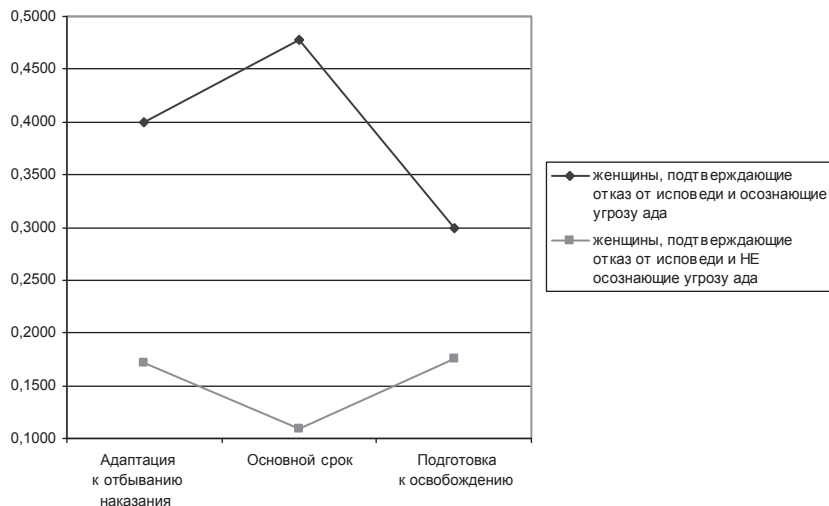

Рис. 17

Перейдем к анализу отношения осужденных молодежного возраста к главному церковному таинству — Святому Причастию.

Из рисунка 18 следует, что мужчины причащаются гораздо чаще женщин в период адаптации и основного срока

отбывания наказания. Наиболее активно мужчины стремятся причаститься в основной период, то есть остаются верными своему мужскому пути духовности. Перед освобождением их религиозная активность и в этой части резко снижается. У женщин практически нет разли-

Средние частоты причащения осужденных мужчин и женщин молодежного возраста на разных этапах отбывания наказания

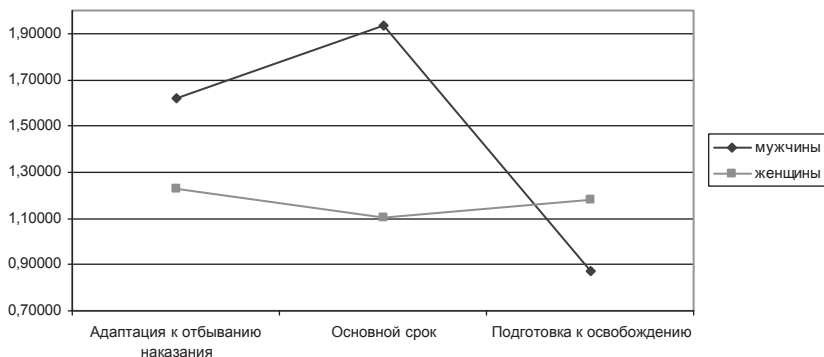

Рис. 18

чий в частоте обращения к причастию в разные периоды отбывания наказания. Причастие, как основное церковное таинство церкви, для действительно религиозных людей не может зависеть от внешних ситуаций, как бы они ни менялись. И здесь еще раз подтверждается большая религиозность женского пути духовности и большая светскость мужского.

Как церковное таинство и как осмысленное сознательное религиозное действие (с психологической точки зрения) причастие закрепляет исповедь, выстраивая в личности барьер против соблазнов мира, в том числе криминальных. О мистической стороне вопроса мы здесь не говорим.

Значение этого таинства еще недостаточно понимается осужденными, что подтверждается тем, что весь график лежит в области «причащаюсь раз в год», а, следовательно, при условии нормального распределения данных более 50% причащались еще реже, и только оставшиеся 50% из тех, кто считает себя верующими в местах лишения свободы, причащаются раз в несколько месяцев и чаще. Следует отметить, что психологическое понимание важности причастия является достаточно сложным и требует существенных знаний Закона Божьего. В связи с этим нам следует уделить особое внимание тому, как в местах лишения свободы происходит приобщение к религиозным знаниям у осужденных мужчин и женщин молодежного

возраста на разных этапах отбывания наказания.

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Мужской путь духовности, духовно-религиозного роста в молодежном возрасте в местах лишения свободы направлен от телесно-душевной организации к духовному росту, то есть прежде всего обусловлен жесткими ограничениями свободы (и услаждения, утешения...) души и тела. В связи с этим пик духовно-религиозных отправлений и личностного роста приходится на основной период отбывания наказания. При подготовке к освобождению мужчины готовятся устроить свою телесно-душевную жизнь на свободе, чтобы, успокоив тело, идти к Духу (если он, конечно, успокоится).

2. Женский путь духовности, духовно-религиозного роста в молодежном возрасте в местах лишения свободы направлен от духовной организации, духовного роста, изначально свободного от жестких ограничений свободы (и услаждения, утешения...) души и тела, в сторону упорядочения телесно-душевной организации в соответствии с внешними условиями. На основании этого пик духовно-религиозных отправлений и личностного роста приходится на период подготовки к освобождению. В это время женщина особое внимание уделяет духовно-религиозному росту как источнику телесно-душевного устройства в условиях свободы.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОВОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

О. Б. Панова

Аннотация: автор статьи представляет экзистенциальный подход к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Основная идея экзистенциальной педагогики отражает проблему выбора жизненного пути; в отношении правовой ресоциализации такой выбор связан с самоопределением подростка в правовом пространстве; он базируется на имеющихся социально-правовых компетенциях и персональном социальном опыте.

Ключевые слова: правовая ресоциализация, экзистенциальная педагогика, выбор жизненного пути, самоопределение в правовом пространстве, жизненно важные правовые компетенции, социальный опыт.

The summary: the author proposes existential approach to legal resocialization of infant prisoners. The main idea of existential pedagogic reflects the problem of a life-line choice. In reference to legal resocialization the choice is connected with self-determination of infants in legal sphere and is based on their vital legal skills and personal social experience.

Keywords: legal resocialization, existential pedagogic, life-line choice, self-determination in legal sphere, vital legal skills, social experience.

Общегосударственная тенденция гуманизации правового воспитания в России не изменила его идеологизированной сути применительно к лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы за совершенные преступ-

ления; оно по-прежнему характеризуется авторитарностью, сопровождается откровенным демонстрированием карательной функции права и, как следствие, не достигает декларируемых целей. По-видимому, именно такая модель подвергается ироничной критике В.Н. Дружинина, который в книге «Варианты жизни или очерки экзистенциальной психологии» пишет о том, что «идеал «правильной жизни» обеспечивает стабильность общества и процветание обывателя. Риск новаций и целедостижений берут на себя творцы и «люди действия» [2, с. 74].

В действительности, в контексте подчинения, уподобления окружающим в угоду общественным традициям правовая личность едва ли может стать идеалом для подражания для несовершеннолетних осужденных. Основу противоправных установок несовершеннолетних, отбывающих наказания в воспитательных колониях, составляет дисгармония между установленными правовыми нормами и их несоблюдением в отношении осужденных. Господство анти-норм, таких как «выживает сильнейший»; «прав тот, у кого больше прав»; «порядочность — удел слабых» и др. существенно снижает значимость правовых ценностей. Несовершеннолетний теряет ориентацию в общественных отношениях, задаваясь вопросом: «Почему я должен быть законопослушным?». При таких обстоятельствах актуализируется обращение к учению, призванному способствовать правовой ресоциализации

несовершеннолетних осужденных через постижение смысла следования нормам права.

По нашему мнению, роль приоритетного методологического основания может принадлежать экзистенциальной педагогике, в центре внимания которой находится развитие экзистенциальной сферы человека, выполняющей функцию отбора идей и ценностных ориентиров. Фундаментальный анализ философских идей экзистенциализма с позиций педагогической науки дается в трудах О.Ф. Больнова, О.С. Гребенюка и Т.Б. Гребенюк, М.И. Рожкова.

Представители экзистенциальной философии (Н. Бердяев, С. Кьеркегор, Хайдеггер, Ясперс, Бубер, Ж.-П. Сартр и др.) предложили в качестве предмета исследования бытие индивидуального человеческого субъекта, причем не действительное бытие человека, а его рефлексированное бытие, отражающее феномены сознания. Экзистенциализм — учение, утверждающее, что существование человека, его экзистенция, то есть способ личностного бытия, предшествует его сущности. Это означает, что человек сам творит свое бытие, и чтобы осознать свою экзистенцию, человек должен оказаться в некой критической ситуации. По сути, представители экзистенциальной философии заявили о том, что изучение проблем науки, морали, религии и т. д. актуально исключительно в плоскости их соотносительности со смысложизненными вопросами. Следуя этой логике, можем утверждать, что право не составляет исключения. Приобщение индивида к правовым ценностям возможно при наличии осознания их смысла. Представляется актуальным выявить, видит ли какой-либо смысл в

праве экзистенциальная философия, если да, то, какой именно?

Анализ научных трудов показал неоднозначность восприятия права среди экзистенциальных философов. Вместе с тем мы находим здесь абсолютное понимание его роли. Наиболее полный ответ по этому поводу дает Н. Бердяев в книге «О назначении человека», заявляя о том, что «этика закона разом и в высшей степени человечна», поскольку «она приспособлена к человеческим нуждам и потребностям, к человеческому уровню» [1, с. 87]. Давая традиционную трактовку неминимости появления права, он пишет о социальном характере закона, который «требует победы над первобытным хаосом» [1, с. 89]. Н. Бердяев утверждает, что право охраняет личную жизнь и свободу человека. Ибо, если бы не было права, то каждый человек зависел бы от нравственных качеств и духовного совершенства, присущего окружающим людям, а «в мире греховном личность частью своего существа обречена жить в социальной обыденности», в которой она «охраняется законом и правом» [1, с. 91].

Аналогичную аргументацию в защиту права мы находим у А.И. Ильина. В противовес представлению о том, что есть лишь два варианта соответствия нормам права: нарушать или не нарушать закон, великий философ показывает третий, связанный с добровольным следованием закону. В этой идее заложен высочайший смысл права, состоящий в том, что оно предназначено не только для обявывания и устрашения человека, но и в первую очередь выступает средством гармонизации человека с обществом. Исполнять закон выгодней, чем нарушать или не нарушать его.

Человеку *достойно* уважать то правило, которому он повинуется, и повиноваться ему именно *из уважения* [3, с. 193].

Изложенное позволяет считать, что экзистенциальная философия своим содержанием естественно вписывается в правовую ресоциализацию несовершеннолетних осужденных, для которых отбывание наказания в виде лишения свободы есть не что иное, как критическая ситуация, своеобразное пограничное состояние между тем, что было (преступный опыт), и тем, что будет (правовой или противоправный вариант жизнедеятельности, опосредованный выбором). Представляется, что правовое воспитание этой категории детей приобретает более жизненные и реалистические основания в связи с его наполнением идеями: о смысле жизни, состоящем в реализации своей индивидуальности в противовес шаблонной модели поведения референтной группы и проживанию чужой, а не своей жизни; о способности каждого человека к выбору и ответственности за выбор в конкретной ситуации; о свободе, понимаемой как способность взять на себя ответственность за свою судьбу, прислушиваться к своей совести и принимать решения о своей судьбе; признании того, что каждый человек — творец своей собственной жизни, признающий и ценящий внутренний субъективный мир себя и другого; о смысле следования нормам права. Экзистенциальная философия ориентирует на наполнение правовой ресоциализации воспитанников событиями, рассматриваемыми с точки зрения их значения для каждого отдельного воспитанника.

В связи с этим актуализируется обращение к базовым идеям экзистенци-

альной педагогики. Сфера ее интересов включает в себя исследование разнообразных аспектов: индивидуального развития человека, его самобытности и нестабильности; соотношения человека и общества; направлений и пределов развития; природы индивидуальных различий; воспитуемости и ее детерминированности внешними обстоятельствами; смысла и назначения жизни человека; целей и задач, преследуемых человеком в жизни; познаваемости мира; сущности и истинности знания и др.

Основная идея экзистенциальной педагогики связывается М.И. Рожковым с «выделением в качестве идеальной цели — формирования человека, умеющего оптимально прожить свою жизнь, максимально используя свои потенциалы и реализуя себя в социально значимой деятельности. Реализация этой цели возможна только через педагогическое влияние на жизнь ребенка, которая состоит из определенных значимых для него событий» [4, с. 44]. Специфические особенности, отличающие события от иных ситуаций, включают в себя глубокие эмоциональные переживания, активизирующие процесс экзистенциального выбора, побуждающие к принятию решения о своем жизненном предназначении на основе рефлексивно-ценностного осмысления имеющихся вариантов.

Одним из базовых положений экзистенциальной педагогики является идея диалектической связи между педагогическими воздействиями на субъект воспитательного процесса и адекватным отражением этих воздействий субъектом. Содержание докторской диссертации А.П. Чернявской убеждает в том, что степень педагогического влияния

во многом определяется тем, какую позицию в отношении воспитанников занимает педагог. При этом она аргументировано обосновывает приоритетность партнерской позиции, предусматривающей взаимное участие в проектировании, организации и осуществлении деятельности, ведущей к социализации детей [7, с. 15].

Безусловную ценность для настоящего исследования представляют идеи М.И. Рожкова, в соответствии с которыми ресоциализация делинквентных детей базируется на формировании представлений о последствиях своих поступков. В связи с этим актуализируется развитие рефлексивных способностей детей, автономность и готовность к осознанному поведению. В качестве средства соотнесения самопознания и анализа своих возможностей в процессе реализации социально-правовых функций в экзистенциальной педагогике рассматриваются социальные пробы, представляющие собой совокупность последовательных действий, связанных с выполнением специально организованной общественной деятельности на основе выбора способа юридически значимого поведения [4, с. 44].

Т.Н. Сапожникова отмечает, что педагогический аспект экзистенциального выбора человека, заключающийся в принятии решения о смысле жизни и ее стратегии на основе рефлексивно-ценностного осмысления пережитых событий и самореализации в соответствии с принятым решением, связан с созданием условий, обеспечивающих формирование личностной и функциональной готовности воспитанников к экзистенциальному выбору [5, с. 5]. Мы разделяем ее точку зрения по поводу особой

роли педагогического сопровождения жизненного самоопределения человека, понимаемого как особый вид педагогической деятельности, стимулирующий осознание воспитанниками смысла собственной жизни и ее ценностных составляющих. К наиболее продуктивным средствам развития способности к выбору относится метод дилемм, позволяющий определить ценностные ориентации человека; каждая дилемма должна отвечать определенным требованиям, к числу которых отнесены: соотнесенность с реальной жизнью воспитанников; доступность для понимания; незаконченность; содержание двух или более ситуаций морального (правового) выбора.

Анализ научных трудов по проблеме ресоциализации осужденных позволяет охарактеризовать правовую ресоциализацию несовершеннолетних осужденных как процесс постепенного освоения ими актуального правового пространства и выработки правовых форм поведения и жизнедеятельности при соответствующем отказе от субкультурных норм преступного мира. С точки зрения экзистенциальной педагогики правовая ресоциализация может быть определена как контролируемый процесс столкновения воспитанника с правовым пространством. Правовая ресоциализация не рассматривается как заверченный процесс; воспитанник не может достичь конечной, завершенной, правовой социальности [6, с. 273]; его позиция по отношению к праву находится в процессе становления. Содержание правовой ресоциализации предусматривает реализацию требования к каждому воспитаннику, заключающегося в осознании значимости правовых ценностей в жизни, овладении социально-правовым

опытом. В таком контексте воспитанник является собой не нечто заранее данное, а потенциал для самоактуализации себя в правовом пространстве.

Экзистенциальная педагогика означает поддержку, помощь при встрече с экзистенциальным опытом. Педагогическое сопровождение правовой ресоциализации воспитанников предусматривает опору на события, произошедшие с ними ранее; взаимодействие педагога и воспитанников событийно, вызывает у участников яркие эмоции. Несовершеннолетний осужденный в ВК рассматривается не как изолированный, отдельный субъект, а как человек, тесно связанный с правовой реальностью и окружающим миром, в том числе за пределами колонии. «Педагогика жизни» в качестве приоритетного условия правовой ресоциализации предусматривает проникновение воспитателя в специфические возможности бытия воспитанника с целью раскрытия его экзистенции. Необходимо включить в цели формирования правовой личности раскрытие жизненного смысла права, поиск ответов на вопросы: каким быть, как жить, какие идеи исповедовать, каким нормам следовать, на что ориентироваться. Осознание смысла права рассматривается нами как средство, обуславливающее усвоение его норм на достаточном уровне для того, чтобы успешное функционирование в правовом поле стало обычным атрибутом жизни.

В ходе правовой ресоциализации каждый воспитанник овладевает опытом правового поведения, решения жизненно важных вопросов с юридическим контекстом. В условиях воспитательных колоний следует стимулировать духовную деятельность несовершеннолетних, «труд

души» (В.А. Сухомлинский), включать воспитанников в обстоятельства принятия решения, связанного с выбором; в содержание дилемм целесообразно внести актуальные для подростков право-значимые ситуации, затрагивающие их интересы, потребности, проблемы.

Анализ подходов к исследованию правовой ресоциализации осужденных позволяет рассматривать в качестве ее целей развитие и формирование у них личностных качеств, обуславливающих успешное функционирование в правовом пространстве. По нашему мнению, различные правовые параметры личности могут рассматриваться как составные элементы единого понятия «правовая личность», как формы, различаемые лишь в теоретической абстракции. По сути каждый из них олицетворяет различные способы бытия и выражения одного и того же правового начала в личности. Они не являются следствием один из другого, они подразумевают друг друга и взаимно коррелятивны. Исходя из этого изучение каждого из названных элементов в отдельности представляет собой разные возможности постижения сущности правовой личности, заключенной в едином личностном образвании. В качестве базового индикатора правовой личности воспитанника может быть представлено личностное ядро, интегрирующее мировоззренческий и поведенческо-деятельностный аспекты его функционирования в значимых жизненных обстоятельствах с юридическим контекстом. В роли такого полифункционального личностного образвания нами рассматривается правовая позиция как наиболее оптимальная система личностных отношений к правовой реальности.

Литература

1. Бердяев Н. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
2. Дружинин В.Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. — М.; СПб.: ПЕР СЭ; Имантон-М, 2000. — 135 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч.: в 10 т. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 4. — С. 149–415.
4. Рожков М.И. Концепция экзистенциальной педагогики // Ярослав. пед. вестн. — 2002. — № 4. — С. 38–46.

5. Сапожникова Т.Н. Педагогическое сопровождение жизненного самоопределения старшеклассников: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Ярославль, 2010. — 42 с.

6. Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация (общая концепция) // Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / под общ. ред. Д.В. Сочивко. — М.: МПСИ, 2009. — 456 с.

7. Чернявская А.П. Становление партнерской позиции педагога: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Ярославль, 2007. — 39 с.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УИС

Е. В. Берлейн

Аннотация: в статье изложены результаты комплексного исследования организационной культуры в учреждениях и органах УИС. Определены ее особенности и негативные проявления, которые позволили подготовить психологически обоснованные рекомендации, программы индивидуальных и групповых психокоррекционных мероприятий, направленных на её оптимизацию.

Ключевые слова: организационная культура, эффективность труда, изучение, коррекция, особенности, негативные проявления, субъективная привлекательность, руководство, орднерная модель.

The summary: The article presents results of complex research of organizational culture in institutes of penal system. Its features and negative displays were determined, that allow to develop psychologically valid recommendations, programs of individual and group psycho-correctional actions directed on its optimization.

Keywords: organizational culture, work efficiency, learning, correction, especially negative aspects, the subjective attractiveness, leadership, warrant model.

Уголовно-исполнительная система России (далее — УИС) находится в настоящее время в процессе реформирования. Гуманизация УИС предусматривает не только изменение подхода к исполнению наказания, но и пересмотр сотрудниками способов и методов своей работы, необходимость внедрения инноваций. Большую актуальность приобретает также формирование в обществе положительного образа системы. Всего этого невозможно добиться без изменения организационной культуры, тщательного изучения существующей ситуации и определения возможных путей ее преобразования.

В связи с изложенным было предпринято изучение организационной

культуры УИС, которое позволило не только конкретизировать представления о ней, определить ее особенности и негативные проявления, но и наметить пути коррекции.

Проведенное изучение организационной культуры в учреждениях УИС включало в себя анализ научной литературы, нормативных и документально-отчетных источников; экспертные опросы и беседы-интервью с сотрудниками; наблюдение; анкетный опрос сотрудников; психодиагностическое обследование руководителей; методы статистической и математической обработки данных.

Эмпирические исследования проводили в подразделениях ФСИН России по Саратовской, Оренбургской и Пензенской областям, выборка исследования — 1571 сотрудник из 40 подразделений.

Анализ эмпирических результатов позволил выявить следующие особенности организационной культуры учреждений УИС.

Так, *наиболее значимыми факторами* для большинства сотрудников являются работа в коллективе с хорошими взаимоотношениями (96,08 %), предоставляющая возможность иметь время для личной и семейной жизни (89,64 %), и приемлемые условия труда (86,90 %). Менее значимыми факторами для сотрудников УИС можно назвать информированность о последних достижениях научно-технического прогресса (57,51 %) и работа на какой-то конкретной должности (73,21 %).

Интересные данные получены при изучении влияния удовлетворенности сотрудников УИС своей работой: 43,89 % опрошенных сотрудников отметили, что они довольны условиями работы, треть (32,09 %) — высказались от-

рицательно, остальные затруднились с ответом. Таким образом, удовлетворенность опрошенных сотрудников своей работой невысокая. Тем не менее большая часть из них (72,80 %) все же планирует проработать в организации достаточно долго. Их привлекает в первую очередь стабильность и льготный стаж службы.

В процессе эмпирического исследования были выявлены и негативные признаки организационной культуры [1], среди которых особенно важно отметить «слепое подчинение» (21,91 %), «равнодушие» (10,55 %), «текучесть кадров» (13,72 %), «наличие слухов, сплетен, подрывающих авторитет учреждения у работников, общественности и партнеров» (9,86 %). Несмотря на сравнительно небольшой процент каждого из подобных ответов, в сумме получается достаточно внушительная цифра — 86,96 %, и всего 13,04 % опрошенных затруднились с ответом.

В качестве *негативного фактора* можно отметить и то, что на недопустимость нарушения норм указывают лишь 64,21 % сотрудников. Таким образом, к нарушению существующих норм относятся спокойно более трети опрошенных (35,79 %).

Тревогу вызывает и то, что в качестве характерных принципов поведения были указаны такие, как «наличие двойных стандартов» (20,52 % — в основном верно, 34,65 % — верно), «не пойман — не вор» (соответственно 15,61 и 24,71 %), «цель оправдывает средства» (соответственно 19,84 и 28,89 %).

Кроме того, большое количество (40,43 %) опрошенных сотрудников придерживаются того мнения, что при решении проблем в основном ищут край-

него, а не истинные причины неудач. 42,23% респондентов отметили, что часто нервничают на работе. Социально-психологический климат по десятибалльной системе все опрошенные оценили в среднем на 5,5 балла.

Наиболее часто опрошенные сотрудники указывали на следующие негативные факторы: вредные для человека санитарно-гигиенические условия труда; отсутствие хороших помещений для работы, удобная мебель, современное оборудование; частое привлечение к неоплачиваемой сверхурочной работе; отсутствие вознаграждения сотрудников за более качественную работу; недостаточная организованность отдыха и досуга сотрудников, в том числе с привлечением членов семей сотрудников (вечера отдыха, выезды за город и пр.).

Большое внимание было уделено изучению *особенностей взаимоотношений с руководством*. Так, половина опрошенных сотрудников считает, что «непосредственный руководитель обычно выполняет функцию контроля» (50,85%), в то время как большинство сотрудников в основном предпочитают работать с консультативным типом руководителя (80,11%). При этом большинство респондентов отмечают, что непосредственный руководитель не может восприниматься на равных (67,91%). Распоряжения начальника обязательны к выполнению, отмечают 62,93% опрошенных, однако около трети (29,66%) указывают на то, что распоряжения начальника могут сразу не выполняться, более половины считают критику распоряжений руководителей допустимой (54,82%), хотя несогласие с мнением руководства большинство респондентов выражают редко (74,01%).

Обычно сотрудники встречаются с руководителем в соответствии с заранее установленным сроком (38,85%) или ждут, когда их вызовут (31,42%). По мнению опрошенных, инициатива либо наказуема (39,72%), либо не принимается во внимание (31,60%), а конструктивных предложений, как правило, ждут от руководителей (73,03%). Такое положение дел никоим образом не может способствовать разработке и внедрению инновационных методов работы. Более того, сложившаяся ситуация становится серьезным препятствием на пути реформирования УИС.

На вопрос: «Как руководство учреждения закрепляет (поощряет) желательные установки, ценности и нормы поведения персонала?» — половина (50,13%) опрошенных сотрудников ответили, что начальство их чаще всего не поощряет, треть (33,39%) — поощряет морально (благодарность, устная похвала, занесение на доску почета и др.), чуть меньше трети (30,88%) — поощряет материально (денежной премией). В том, что нематериальное вознаграждение зависит от результатов работы, уверены в общей сложности менее половины опрошенных (46,82%). Следовательно, необходимо пересмотреть систему поощрений сотрудников, расширить как материальные, так и нематериальные формы стимулирования.

При анализе оценок, касающихся субъективной привлекательности культуры организации [3], был обнаружен высокий (-2,07) уровень рассогласования реального и желаемого ее состояния: опрошенные сотрудники сравнительно невысоко оценивают все составляющие реальной работы, в то время как оценки желаемого состояния существенно выше.

**Средние значения оценки особенностей работы в УИС сотрудниками
в сравнении с их ожиданиями**

№ п/п	Название шкалы	Реальная работа	Желаемая работа	Разность
1	Содержание работы	5,64	7,49	-1,85
1.1	Потребность в творческой и напряженной работе	6,44	7,83	1,39
1.2	Потребность в простой работе	4,84	7,15	-2,31
2	Утилитарная потребность	6,05	8,52	-2,47
2.1	Хорошие условия труда	5,29	8,39	-3,10
2.2.	Материальное и финансовое обеспечение труда	6,81	8,64	-1,83
3	Потребность в хороших взаимоотношениях	5,76	8,26	-2,50
4	Потребность в признании, в личном авторитете	6,38	8,52	-2,14
5	Мотивация	5,60	7,80	-2,20
5.1	Трудовая мотивация работника	5,72	8,22	-2,50
5.2	Участие персонала в управлении	5,47	7,38	-1,91
6	Патриотизм	5,49	7,80	-2,31
6.1	Потребность в успехах организации.	5,34	7,47	-2,13
6.2	Сплоченность коллектива организации	5,64	8,12	-2,48
7	Организация труда в организации	6,07	7,31	-1,24
7.1	Определенность в организации труда	6,29	8,30	-2,01
7.2	Неопределенность в работе	5,85	6,32	-0,48
	Среднее значение	5,82	7,88	-2,07

Это говорит о достаточно низкой степени удовлетворенности сотрудников сложившейся организационной культурой.

Наименее реализованными, имеющими наибольшее рассогласование

между реальной ситуацией и желаемым состоянием, являются следующие потребности: хорошие условия труда (-3,10), хорошие взаимоотношения (-2,50), трудовая мотивация работника

(-2,50), сплоченность коллектива организации (-2,48).

Еще одним методом исследования был опрос сотрудников с использованием адаптированного варианта опросника для диагностики организационной культуры на основе ордерной концепции, предложенной Л.Н. Аксеновской, согласно которой структура организационной культуры включает в себя три основных оргкультурных ордера: «семью», «армию», «церковь» [2].

В результате анализа ответов опрошенных сотрудников было выявлено, что в настоящее время в организационной культуре УИС доминирует субордер «армия» (39,99 %, средний балл — 7,23), который формирует специфичный «уклад жизни» организации, когда человек хоть и ценен, но к нему относятся как к ресурсу, инструменту, когда организация готова пожертвовать людьми ради достижения цели, интересы коллектива преобладают над интересами отдельно взятого человека, чьи ошибки наказываются сурово [2, с. 81]. Доминирующей моделью управленческого взаимодействия при этом является армейская, в которой начальники выступают в роли командиров, заботящихся в первую очередь «о победе», то есть о достижении цели. В качестве желательной перспективы также заявлен армейский субордер (34,59 %, средний балл — 8,3). Достаточно выражены в УИС и черты «семейного» типа социопсихологического ордера (29,76 %, средний балл — 5,38), когда сотрудника «взрачивают», обучают, а ответственность за рядовых членов группы несут руководители. Церковный субордер занимает последнюю позицию (30,25 %, средний балл — 5,47), в то время как именно он отражает суть проводимых в

УИС реформ, совпадает с декларируемыми целями («улучшение внутренней человеческой природы») и задачами УИС и может рассматриваться «как ключ к решению проблем» [2, с. 65].

Наиболее высокий уровень *рассогласования, то есть различия между реальной и желаемой ситуациями*, выявлен в семейном субордере (в среднем — 2,61), затем — в субордере «церковь» (среднее = — 2,20). Наименьший уровень *рассогласования* выявлен в субордере «армия» (среднее = -1,11).

Необходимо также отметить, что при перемещении по иерархической лестнице вверх (от исполнителей к руководству), увеличивается значимость армейского субордера, в то время как значимость семейного субордера возрастает при перемещении по иерархической лестнице вниз (от начальников к непосредственным исполнителям).

Отдельно выяснялось отношение сотрудников к происходящим изменениям и реформам. Было выявлено, что около половины опрошенных сотрудников считают, что реформирование УИС необходимо, хотя около трети уверены в том, что в реформе нет необходимости. Одна четвертая часть респондентов указали, что при смене руководства становится только хуже, еще меньше опрошенных сотрудников считают, что никаких изменений не произойдет.

Кроме того, в ходе исследования были определены особенности привлекательности организационной культуры для *сотрудников УИС разного статусного уровня* и обнаружена *рассогласованность их мнения*: наибольшее количество значимых различий выявлено при сравнении мнений младшего и старшего начальствующего состава, представите-

ли же среднего и старшего начальствующего состава в целом придерживаются одной позиции. Такое распределение мнений говорит о наличии большой дистанции власти и, как следствие, наличии затруднений в понимании между начальниками и подчиненными, непосредственными исполнителями.

Итак, можно назвать особенности организационной культуры учреждений и органов УИС:

1) жесткая правовая регламентация,

2) иерархичность структуры и вертикальный характер системы власти;

3) бюрократизм в принятии решений, формальный характер работы;

4) высокая степень ригидности, консерватизм взглядов, косность мышления, инертность в реагировании на изменения, установка сотрудников на поддержание сложившихся особенностей организационной культуры; неготовность и непонимание сотрудниками УИС происходящих и планируемых изменений и реформ;

5) неразвитость системы обратной связи и неформальных отношений, стремление (особенно руководителей) к соблюдению субординации в системе межличностных отношений, дистанцированию, строгому соблюдению дисциплины и приверженность к директивно-авторитарному стилю руководства;

6) низкий показатель гласности в отношении как всей системы, так и каждого отдельного сотрудника: сотрудники не только не информированы относительно перспектив развития организации, но и имеют весьма туманное представление о том, чем занимаются другие отделы и службы; часто не знают, как и по какому принципу распределяются ма-

териальные вознаграждения, надбавки за сложность и напряженность и другие выплаты;

7) низкая организация труда сотрудников, выражающаяся прежде всего в том, что непосредственные руководители не ставят четких задач и не доводят до подчиненных конкретные критерии оценки их выполнения;

8) при возникновении проблем руководство и рядовой персонал не спланируют для их решения, а напротив, пытаются обезопасить себя, сделать все, чтобы снять с себя ответственность, не оказываясь виноватыми, даже если это происходит в ущерб другим сотрудникам;

9) негативное отношение сотрудников к своей профессионально-трудовой деятельности и организации в целом, высокая неудовлетворенность трудом по всем показателям (то есть средний балл по всем показателям в реальной ситуации ниже среднего балла оценки желаемого состояния) и прежде всего условиями труда, взаимоотношениями с вышестоящим руководством, а также недостаточной сплоченностью коллективов организации и организацией материального и морального стимулирования труда.

С учетом изложенного были разработаны *рекомендации по устранению негативных проявлений организационной культуры в учреждениях и органах УИС*, которые могут быть учтены как при подготовке нормативных актов, концепций, рекомендаций для подразделений ФСИН России, так и руководителями территориальных органов при оптимизации организационной культуры в подразделениях.

Была научно обоснована и апробирована *программа по устранению нега-*

тивных проявлений и оптимизации корпоративной культуры в учреждениях и органах УИС, которая включает в себя:

- программу социально-психологической подготовки руководителей, состоящую из индивидуальных консультаций и психокоррекционных мероприятий с начальниками отделов и служб, направленные на коррекцию ценностей и «Я»-концепции руководителя, теоретические занятия (лекции), позволяющие ознакомиться с основами управления персоналом, практические занятия (социально-психологические тренинги), развивающие профессионально-значимые умения и навыки;

- программу групповых психокоррекционных мероприятий (социально-психологические тренинги) для коллективов сотрудников УИС, проводимых при непосредственном участии руководителей;

- программу проведения отбора вновь принимаемых сотрудников.

Эти программы могут быть использованы психологами учреждений и ор-

ганов УИС при проведении психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий с руководителями и коллективами сотрудников.

Таким образом, изучение организационной культуры УИС позволило не только конкретизировать представления о ней, определить ее особенности и негативные проявления, но и подготовить психологически обоснованные рекомендации и программы индивидуальных и групповых психокоррекционных мероприятий, направленных на ее оптимизацию.

Литература

1. Абрамова С.Г. Психологические механизмы управления, и о том, как их использовать. М.: Известия, 2002. 312 с.

2. Аксеновская Л.Н. Ордерная модель организационной культуры. М.: Академический Проект; Трикста, 2007. 303 с.

3. Магура М.И., Курбатова М.Б. Оценка работы персонала: подготовка и проведение аттестации // Б-ка журн. «Управление персоналом». М., 2002.

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ПОЗИЦИИ В СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С. Н. Толстикова

Аннотация: в статье рассматривается процесс становления толерантности личности в системе образования. На основе теоретического обзора исследований по проблеме автор проводит анализ существующей типологии взаимодействия индивидов и устанавливает связь с толерантными качествами, позиция определяется им как статусно-ролевая характеристика личности, а

коммуникативная толерантность — как отношение личности к людям.

Ключевые слова: образование, коммуникативная толерантность молодежи, диагностика, толерантное взаимодействие, сотрудничество, компромисс, приспособление, соперничество.

The summary: in article process of formation of tolerance of the person in an education system is considered. On the

basis of the theoretical review of researches on a problem the author carries out the analysis of existing typology of interaction of individuals and connection with tolerant qualities, position determined it as the statusno-role characteristic of the person, and communicative tolerance as establishes the relation of the person to people.

Keywords: *formation, communicative tolerance of youth, diagnostics, tolerant interaction, cooperation, the compromise, the adaptation, rivalry.*

Интеграционные процессы в Европе и мире находятся в прямой зависимости от прихода в активную жизнедеятельность нового поколения молодежи. В России, как и во всем мире, наблюдается усиление расслоения общества по социальным, религиозным, экономическим и иным признакам, обостряются межэтнические отношения. Локальные войны, терроризм, национальная и религиозная нетерпимость на межгосударственном уровне тесно связаны с возрастанием конкуренции, нетерпимости и насилия на уровне взаимодействия отдельных индивидов. Молодежи последнего поколения в этой атмосфере все сложнее сохранить психическую гармонию и здоровье.

На современном этапе высшее образование наряду с традиционными задачами приобретает ряд новых качеств: оно становится важным составным фактором интернационализации мировых процессов, решения таких глобальных проблем, как взаимопонимание между народами, экологическая опасность, народонаселение. Общеизвестно, что роль образования возрастает и будет возрастать в строительстве новой цивилизации XXI в.

Теоретический обзор проблемного поля нашего исследования предполагает рассмотрение толерантности как явления с разных сторон: на философском уровне (Г.С. Батищев, В.М. Золотухин, В.И. Гараджа, Б.С. Гершунский, В.Т. Лекторский, А.Ю. Шадже, В.В. Шапин и др.), на педагогическом уровне (Л.В. Байбородова, О.Б. Скрыбина, М.И. Рожков, М.А. Ковальчук, А.Н. Шмаков и др.), на психологическом и этнопсихологическом уровне (Н.М. Борытко, А.М. Байбаков, В.А. Гончарова, В.В. Глебкин, А.И. Донцов, Г.У. Солдатова и др.). Изучение психологической природы толерантности как свойства личности базировалось на позициях, изложенных в психолого-педагогических работах А.Г. Асмолова, Н.А. Асташова, Л.В. Байбородовой, С.К. Бондырева, Р. Брислина, И.Б. Гриншпуна, Р.Р. Валитова, Д.В. Колесова, Л.Я. Коломинского, А.М. Прохорова, А.А. Реана, М.И. Рожкова и др.; а коммуникативная компетентность и коммуникативная толерантность на идеях, ставших предметным исследованием в трудах В.В. Бойко, Ю.Н. Емельянова, Ю.М. Жукова, В.И. Кашницкого, О.А. Скрыбиной, А.И. Тимонина, С.Н. Толстиковой и др.

Значительную роль в решении данной задачи многие авторы отводят системе образования, и в частности, высшего профессионального образования, так как эта сфера имеет реальную возможность вносить свой вклад в процесс сближения и диалога различных религий, культур, может и должна инициировать развитие человеческих контактов на самых разнообразных уровнях, влиять на выработку правовых норм и важнейших политических решений, преодоление межгосударственных, между-

циональных и многих других противоречий.

Проанализировав различные подходы к определению толерантной позиции личности, мы сделали вывод, что толерантность в стратегии взаимодействия — это совместная деятельность, приводящая к общему продуктивному решению, а ее участники должны быть равноправными.

В педагогической и психологической литературе (А.А. Бодалев, А.Ю. Борисов, Л.П. Буева, В.К. Дьяченко, М.С. Каган, Р.Д. Льюис) понятие «взаимодействие» определяется как универсальная форма развития, обоюдно изменяющая взаимодействующие объекты, явления и приводящая каждое из них в новое состояние. В настоящее время существует множество типологий взаимодействия. Остановимся на той, которая связывает взаимодействие и толерантность. Эта типология представляет следующие типы взаимодействия: сотрудничество, компромисс, приспособление, соперничество и пр.

В первом типе — *сотрудничестве* — проявляется индивидуальность и постигается своеобразие другого, так сотрудничество подразумевает равенство позиций в общении, характеризуется высоким уровнем эмпатии, чувством партнера, умением принять его таким, каков он есть, отсутствием стереотипности в восприятии других, гибкостью мышления, умением видеть свою индивидуальность, адекватно принимать (оценивать) свою личность.

Р.С. Немов дает такое определение этому процессу: «Сотрудничество есть стремление человека к согласованной, слаженной работе с людьми. Готовность поддержать и оказать им помощь. Про-

тивоположно соперничеству» [4].

Своеобразие сотрудничества выявлено еще древним философом Платоном. Всем известно его высказывание «Познай себя!», которое может трактоваться как «узри себя в других» (понимая других, пойми себя).

Второй тип взаимодействия — *компромисс* — подразумевает совместное определение целей деятельности, ее планирование, распределение сил и средств на основе возможностей каждого. Это уровень толерантного поведения, который может быть охарактеризован следующими признаками: контактность; доброжелательность (отсутствие агрессии, в том числе самоагрессии); отсутствие тревожности; вежливость (учтивость); терпение; доверительность; социальная активность.

Приспособление является видом взаимодействия, также соотносимым с понятием толерантности. Данный вид взаимодействия возможен только тогда, когда обе стороны принимают друг друга и терпимо друг к другу относятся. Подобный уровень толерантных отношений характеризуется следующими признаками: эмоциональная стабильность; экстравертность; социальная активность; умение прийти на помощь.

Толерантность не означает отказа от собственных взглядов. Она свидетельствует об открытости участников диалога [2].

Остальные типы взаимодействия (подавление, индифферентность, конфронтация и конфликт), хотя и совместимы с понятием толерантности, но, скорее связаны с ее негативным проявлением, поэтому о них не следует забывать и нужно стремиться минимизировать проявление этих процессов.

Понятие «позиция» активно используется в научных работах. Приведем формулировку из словаря под общей редакцией А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского: «Позиция (от лат. *positio*) — 1) устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении и поступках. Позиция — развивающееся образование. Зрелость позиции характеризуется непротиворечивостью и относительной стабильностью; 2) интегральная, наиболее обобщенная характеристика положения индивида в статусно-ролевой внутригрупповой структуре».

По мнению А.Г. Асмолова, Н.А. Асташовой, В.П. Бездухова и А.В. Кирьяковой, толерантность может рассматриваться как ценность социокультурной системы, своего рода внутренний стержень социально-психологического бытия. Это комплексный феномен, определяющий отношение человека как к себе, так и к окружающему миру. Вне отношения к человеку нельзя говорить о толерантности-ценности. Следовательно, толерантность-ценность выступает как некий поведенческий ориентир, представляющий цель активности личности.

Образ толерантной личности можно охарактеризовать с точки зрения психолого-этических человеческих отношений следующим образом:

гуманность, предполагающая внимание к самобытному внутреннему миру человека, веру в его доброе начало, человечность межличностных отношений, отказ от методов принуждения и форм подавления достоинства человека;

рефлексивность — знание личностных особенностей, достоинств и недостатков, установление их соответствия

толерантному мировосприятию; свобода, выражающаяся в дисциплине и долге, не приемлющая насильственных предписаний и запретов;

защищенность — гарантия понимания и поддержки, ощущение безопасности и объединение с другими людьми в противостоянии пагубному воздействию социума;

гибкость — умение в зависимости от состава участников событий и возникших обстоятельств принять решение, выстраивание системы отношений на основе владения полноценной информацией;

уверенность в себе — адекватная оценка собственных сил и способностей, вера в возможность преодолеть препятствия;

самообладание — владение собой, управление эмоциями, поступками;

вариативность — многомерный подход к оценке окружающей жизни и принятие адекватных сложившимся обстоятельствам решений;

перцепция — умение подмечать и выделять различные свойства людей, проникать в их внутренний мир;

эмпатия — сопереживание проблемам других людей, эмоциональная оценка событий;

чувство юмора — ироническое отношение к несуразным обстоятельствам, непродуманным действиям, умение посмеяться и над собой [6, с. 77].

При проведении исследования нами учитывались возрастные, личностные особенности и познавательные способности студенческой молодежи, которые достаточно представлены в современной психолого-педагогической литературе (Э.Ф. Зеер, Е.П. Климов, И.С. Кон, Г. Крайг и др.).

В период обучения в вузе наибольшие трудности в развитии коммуникативной компетентности возникают по компетенциям, связанным с применением знаний в сфере общения: несформированность мотивационно-ценностной компетенции проявляется как отсутствие желаний и готовности к построению профессионального общения, операциональной — как неспособность его эффективно реализовывать. В учебном процессе используются различные формы и методы, которые можно охарактеризовать следующим образом:

- формы и методы проблемно-поискового характера предполагают создание и рассмотрение некоторых типичных проблемных (а иногда и конфликтных) ситуаций, возникающих при межличностном общении. Задачей студентов является: выстроить модель своего поведения, найти наиболее оптимальное и верное решение. Это способствует развитию ценностных ориентаций личности: идеалов, положительных примеров, общественной и личной значимости, накоплению представлений, знаний, определенных эмоциональных впечатлений и переживаний;

- формы и методы имитационно-ролевого характера способствуют выработке тактики поведения, алгоритма действий и поступков по отношению к людям независимо от их принадлежности, профессии, возраста, пола, взглядов и др. и преодолению трудностей и барьеров в межличностном взаимодействии. Основная их задача — научить студентов правильно ориентироваться в различных жизненных ситуациях, давать объективную оценку своему поведению, а также поведению других, устанавливать контакты с людьми, вставать на позицию

другого, высказывать свою точку зрения и отстаивать ее, признавать свою неправоту в ситуации спора, столкновения точек зрения, мнений и оценок. Непредсказуемость делает эти формы и методы специфической формой познавательной деятельности, дает возможность «прожить» некоторое время в «реальных» жизненных условиях.

На психологическом уровне формирование толерантного сознания молодежи во многом обеспечивается развитием ее коммуникативной толерантности. Известно, что межличностная коммуникация является доминантой в развитии личности, его рефлексии, самосознания; об этом свидетельствуют исследования В.М. Басовой, М.И. Волка, Б.З. Вульфо-ва, И.В. Дубровиной. Наиболее продуктивные идеи для развития коммуникативной толерантности молодежи содержатся в методологических, теоретических и технологических основаниях гуманистической педагогики (Ш.А. Амонашвили, М.А. Данилов, М. Монтессори, В.А. Сухомлинский) и педагогики сотрудничества (О.С. Газман, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, И.П. Иванов, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, Д.Б. Эльконин и др.).

Коммуникативная толерантность одна из важнейших информативных черт личности и общества. Она является собирательной, интегративной, поскольку в ней отражаются архетипы и типы воспитания, опыт общения личности и различные ее проявления в культуре, ценностях, потребностях, интересах, установках, характере, темпераменте, привычках, особенностях мышления, ментальности. «Коммуникативная толерантность — это характеристика отношений личности к людям, показывающая

степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию». Коммуникативная характеристика личности относится к стержневым, ибо в значительной степени определяет ее жизненный путь и деятельность, положение в ближайшем окружении, профессии и семье. Коммуникативная толерантность человека свидетельствует о его психическом здоровье, внутренней гармонии (или дисгармонии), способности к самоконтролю и самокоррекции (или неспособность к ним).

Коммуникативная толерантность проявляется в тех случаях, когда человек либо не видит принципиальных различий между собой и другим, либо, фиксируя их, не испытывает негативных переживаний по этому поводу.

Таким образом, и это особенно важно и достижимо на путях образования, воспитания, чем меньше неприятных и неприемлемых для себя различий находит человек в другом, тем больше у него предпосылок для коммуникативной толерантности, тем меньше для интолерантности, он не раздражается, не осуждает. Повышение уровня толерантности зависит от умения преодолевать или сглаживать негативные впечатления от различий с другими, не акцентировать внимание на них, то есть принимать других такими, какие они есть, и, если возможно, продуктивно устранять обстоятельства, вызывающие или подчёркивающие эти различия.

Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, предсказуем в своих отношениях с партнерами и совместим с очень разными людьми.

Благодаря этим достоинствам создается психологически комфортная обстановка для совместной жизни и деятельности. Общаясь с толерантной личностью, большинство людей испытывает комфортное состояние.

Отсутствие же коммуникативной толерантности или ее низкий уровень объясняются негативными реакциями индивида на обнаруженные различия с другими.

Показателем уровня коммуникативной толерантности является принятие/непринятие других, альтруизм/эгоцентризм, гибкость/категоричность в оценках, коммуникабельность/некоммуникабельность, отсутствие стремления/стремление изменить других, подстроить их под себя, и, наконец, то, чему учили религии мира, — умение/неумение прощать, умение/неумение приспособливаться. Исследование учеными указанных ранее, дает науке инструментарий измерения уровней толерантности, ее показателей.

С целью измерения общего уровня толерантности нами в процессе практического исследования использован экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева и Л.А. Шайгеровой. Утверждения опросника отражают общее отношение к окружающему миру и другим людям, социальные установки в разных сферах взаимодействия, где могут проявиться толерантность/интолерантность человека. Его результаты помогают выявить отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия, позволяют оценить толерантные/интолерантные

проявления в отношении различных социальных групп (меньшинств, психически больных людей, представителей низших социальных слоев), диагностировать личностные черты, установки и убеждения (уважение к мнению оппонентов, готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству), которые определяют отношение человека к окружающему миру. При этом разработка и проведение в студенческой аудитории тренинга, направленного на формирование коммуникативных навыков и умений, дает возможность проявить в смоделированных условиях коммуникативную компетентность, составной частью которой выступает толерантность.

Анализ научно-педагогической литературы, изучение состояния учебно-воспитательного процесса в вузе, собственный опыт воспитательной деятельности позволили выявить требования, необходимые для эффективного воспитания толерантности: проектирование профессиональной деятельности осуществляется с учетом структуры и содержания толерантности, возможностей образовательного процесса в вузе, которые являются методологическими предпосылками воспитания толерантности; реализация задач воспитания толерантности основывается на принципах гуманизма, диалога культур, сотворчества субъектов взаимодействия, обеспечивающих право человека на свободу, развитие и проявление своей индивидуальности, духовное взаимообогащение студентов как представителей различных культурных общностей, развитие инициативы и самостоятельности студентов; осознание студентами

ценности толерантности как качества личности происходит при адекватном содержании образовательного процесса, обусловленном целостностью знаний о толерантности; формы и методы проблемно-поискового, имитационно-ролевого характера способствуют позитивному взаимодействию с представителями различных культур, которое проявляется в сотрудничестве, компромиссе, приспособлении.

В содержании вузовского образования можно выделить три взаимосвязанных блока, обеспечивающих:

- возможность личности самоидентифицироваться по принадлежности к той или иной культуре, общности, социальной группе и т. д.;

- условия для вступления личности в равноправный диалог с имеющимся инокультурным, инациональным, иноконфессиональным, иносocиальным окружением;

- включенность личности в современные мировые общецивилизационные процессы.

Система образования в России в настоящее время развивается в трехмерном пространстве национальной, российской и мировой культур. Следовательно, этот факт должен учитываться в современном образовании, что означает: для продуктивного, толерантного взаимодействия с другими культурами и общения с их представителями важно знать и уважать психологические основы межкультурных различий, особенности вербальной и невербальной коммуникации у разных народов и наций. Эти проблемы исследуются социальной психологией (такими ее разделами, как кинесика, изучающая язык тела — жесты, мимику, позы; проксемика, иссле-

дующая отделение личной территории и пространственно-временные закономерности общения), языкознанием (паралингвистикой, занимающейся особенностями звучащей речи (сила, тембр, интонация, паузы) и формой преподнесения информации). Приобщаясь к ним, студент сможет приобрести знания и умения взаимопонимания, взаимоуважения и дружелюбия. При этом заметим, что овладение данным блоком знаний и умений требует не столько репродуктивных технологий и получения знаний в готовом виде, сколько добывания их в сюжетно-ролевых играх, тренингах с помощью интерактивных методов.

Литература

1. *Гасанов З.Т.* Проблемы воспитания патриотизма, дружбы народов, веротерпимости // Педагогика. — 2001. — № 4.
2. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. — М., 1995.
3. На пути к толерантному сознанию / под ред. А.Г. Асмолова. — М., 2000.
4. *Немов Р.С.* Психология: учебник: в 3 т. — М., 2001. — Т. 1.
5. *Солдатова Г.У.* Кодекс толерантности: как жить в мире с собой и другими // Учительская газ. — 2003. — № 1.
6. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. — М., 2002.

КОРРЕКЦИЯ НЕБЛАГОПОЛУЧНОЙ ОБСТАНОВКИ В СЕМЬЕ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. Е. Реуцкая

Аннотация: статья посвящена проблеме психологической и социально-педагогической коррекции родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих свои обязанности по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними, и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении.

Ключевые слова: психологическая коррекция, социально-педагогическая коррекция, несовершеннолетний, неблагополучная семья.

The summary: the paper is devoted to psychological and socio-pedagogical correction of parents or other legal representatives of minors who do not perform their duties according to their education, training and (or) content and (or) negative impact on their behavior of either abused them and juveniles at social risk.

Keywords: psychological adjustment, socio-pedagogical correction, minor, dysfunctional family.

Субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2001 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите

их прав, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел [1, ст. 4].

С целью решения основных задач по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних субъекты профилактики осуществляют различные виды помощи неблагополучным семьям и воспитываемым в них детям: психологическую, социальную, педагогическую, социально-педагогическую, экономическую, правовую, медицинскую.

Коррекция неблагополучной обстановки в семье, то есть воздействие с целью устранения факторов, обуславливающих семейное неблагополучие, может осуществляться прежде всего в рамках оказания психологической и социально-педагогической помощи.

Объектами коррекции неблагополучной обстановки в семье являются родители или иные законные представители несовершеннолетних, не исполняющие своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияющие на их поведение либо жестоко обращающиеся с ними, и несовершеннолетние, находящиеся в социально опасном положении.

Психологическая коррекция в отношении неблагополучных семей, состоящих на учете в подразделениях

по делам несовершеннолетних (ПДН), осуществляется в системе органов внутренних дел семейными инспекторами-психологами, а также психологами из различных других учреждений профилактики.

Психологическая коррекция представляет собой систему мероприятий, направленных на исправление недостатков психологии или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия [4, с. 7].

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время существуют следующие теоретические подходы к психокоррекционной работе: психоаналитический (основанный на глубинной психологии), поведенческий (включает тренинги умений и программы модификации поведения); нейролингвистическое программирование, гештальттерапия, экзистенциально-гуманистический подход, и клиент-центрированная терапия [5, с. 301].

Психокоррекционная помощь может быть реализована индивидуально и в группе (в семье). Однако индивидуальные формы психологической коррекции в методологическом, психотехнологическом аспектах во многом схожи с процедурами индивидуального психологического консультирования. Данная форма работы особенно актуальна при наличии в семье постоянных конфликтов, использовании родителями негативных стилей воспитания детей, наличии в семье члена(ов), злоупотребляющего(их) психоактивными веществами (ПАВ). В соответствии с Международной классификацией болезней 10-го пересмотра к ПАВ относятся: алкоголь, наркотики, психотропные и токсические вещества [3, с. 207]. В то же время наличие в се-

мье трудной жизненной ситуации, обусловленной различными факторами (медико-биологическими, социально-экономическими, психологическими, педагогическими), негативно влияющими на воспитание детей, также является основанием для проведения психологического консультирования ее членов.

Следует отметить, что при наличии проблем в семье для достижения эффективности психологического консультирования данной формой работы рекомендуется охватить (по возможности) всех ее членов. Однако осуществлять психологическое консультирование можно только на добровольной основе.

Перед реализацией психологического консультирования необходимо провести психодиагностику индивидуально-психологических качеств его участников (родителей и несовершеннолетнего из неблагополучной семьи). При этом надо помнить, что в соответствии со ст. 21 Конституции Российской Федерации психодиагностика может осуществляться только на основании добровольного согласия человека.

Для оптимизации психологического консультирования лиц из неблагополучных семей целесообразно использовать психодиагностические методики, направленные на выявление индивидуально-типологических черт личности и ее акцентуаций, эмоциональной сферы человека, а также изучение социального взаимодействия в семье и др.

Осуществление психологического консультирования сопряжено с применением психоконсультационных моделей (психоаналитической, когнитивно-бихевиориальной, экзистенциально-гуманистической, трансметодической и др.) в зависимости от индивидуально-

психологических особенностей консультируемого, особенностей семейной ситуации и типа проблемы. Однако следует отметить, что психологическое консультирование лиц, зависимых от ПАВ, возможно только в отношении зависимых от алкоголя и лишь тогда, когда они находятся в трезвом состоянии. В отношении лиц, больных наркоманией и токсикоманией, возможно только информирование о наличии и адресах специализированных организаций, где они могут получить помощь. Психоконсультационная работа с близкими зависимых от ПАВ направлена на преодоление созависимости, то есть состояния полной подчиненности эмоциональному состоянию зависимого от ПАВ лица. При этом задача консультанта состоит в помощи родственнику, чтобы он начал говорить о себе (а не о близком человеке, страдающем зависимостью от ПАВ), своих чувствах и переживаниях, видеть и принимать болезненную ситуацию (реальность), исследовать его стили и способы взаимодействия с зависимым от ПАВ человеком и другими людьми, научиться чувствовать личные границы и разделять ответственность [2, с. 183].

Групповую психокоррекционную работу можно осуществлять в виде группового тренинга. В настоящее время разработаны методики проведения различных психокоррекционных групп, отличающихся направленностью цели (коррекция межличностных, детско-родительских отношений, самоактуализация), характером решаемых задач (оптимизация преодоления сложной ситуации, развитие навыков социально-компетентного поведения), теоретико-методологической концепцией (гештальт-группы, группы телесной терапии, группы встреч, группы

трансактного анализа, психоаналитические группы, НЛП-группы, психодраматические группы, группы терапии искусством и т. д.).

Социально-педагогическая коррекция в отношении детей из неблагополучных семей осуществляется социальными педагогами образовательных, социальных и других учреждений, оказывающих помощь семье и детям.

Социально-педагогическая коррекционная работа способствует помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, нуждающимся в защите, а также изменению взаимоотношений в семье. Таким образом, социально-педагогическая коррекция предполагает работу с конкретными отклонениями и направлена, прежде всего, на ребенка.

Социально-педагогическую работу с детьми из неблагополучных семей осуществляют с опорой на следующий алгоритм.

1. Выявление детей этой категории в детской среде и организация работы с ними. В выявлении отклоняющегося поведения у детей, свидетельствующего о семейном неблагополучии, значительная роль принадлежит школе, поскольку одним из тревожных сигналов неблагополучия являются частые пропуски ребенком занятий без уважительной причины. В связи с этим школа должна разработать систему работы по предупреждению пропусков уроков, вести индивидуальную работу с детьми, пропускающими уроки. Механизмом, запускающим социальные отклонения, часто выступает учебная неуспешность (неуспеваемость) ребенка.

2. Непосредственная индивидуальная или групповая работа с детьми может быть направлена на коррекцию пе-

дагогической запущенности ребенка, создание системы специальной помощи ребенку, испытывающему учебное и социальное неблагополучие.

К мерам специальной помощи относятся конкретные психопрофилактические и психокоррекционные занятия, проводимые на основе общей и симптоматической диагностики; формирование мотивации достижения ребенка; снятие нервно-психического напряжения, эмоциональных расстройств.

3. Создание благоприятных для воспитания, обучения и развития условий в окружающей ребенка среде (семье, образовательном учреждении, месте непосредственного проживания). Решение этой проблемы сопряжено с решением задач в работе с родителями неблагополучного ребенка:

- диагностика семьи и семейного воспитания;
- показ условий оптимального развития ребенка;
- повышение педагогической культуры и воспитательной активности родителей;
- ознакомление родителей с возрастно-психологической характеристикой несовершеннолетнего;
- ознакомление с перспективами развития несовершеннолетнего (альтернативы);
- разработка совместных мер профилактической работы, основанных на сотрудничестве и взаимодействии;
- помощь в разрешении семейных и школьных конфликтов несовершеннолетнего.

Существуют различные формы работы социальных педагогов.

1. *Социальный патронаж* (посещение несовершеннолетних на дому с

адаптационно-реабилитационными, а также социально-педагогическими и социально-экономическими целями). Данная форма работы позволяет своевременно выявлять проблемные ситуации в семье и оказывать ей незамедлительную помощь. В отношении неблагополучных семей, прежде всего, находящихся в социально опасном положении, необходимы регулярные патронажи. Это позволяет своевременно выявлять и противодействовать кризисным ситуациям.

2. *Консультационные беседы* позволяют оказывать помощь членам неблагополучных семей в самостоятельном решении жизненных задач.

3. *Социально-психологический тренинг* направлен на развитие компетентности в общении, что способствует оптимизации детско-родительских отношений.

4. *Социально-педагогический мониторинг семьи* позволяет принимать решения в отношении неблагополучной семьи на основе научно-обоснованной системы периодического сбора, обобщения и анализа социально-педагогической информации о процессах, протекающих в семье.

Коррекционная и профилактическая работа с неблагополучной семьей носит системный характер и осуществляется комплексно специалистами различных служб (субъектов профилактики неблагополучной обстановки в семье). Такая работа может вестись с опорой на алгоритм «междисциплинарного ведения случая», технология оказания помощи которого включает в себя следующие этапы:

1. Выявление случая, поступление сигнала о ребенке, находящемся в со-

циально опасном положении, и установление контакта с семьей.

2. Первичная оценка состояния и потребностей ребенка и семьи.

3. Углубленная оценка ребенка и семьи.

4. Разработка плана реабилитации в рамках индивидуальной профилактической работы.

5. Осуществление плана реабилитации в рамках индивидуальной профилактической работы (оказание междисциплинарной помощи).

6. Промежуточная оценка эффективности помощи.

7. Закрытие случая.

1 этап. На первом этапе выявляет ся ребенок или семья, находящиеся в трудной жизненной ситуации, устанавливается контакт с членами неблагополучной семьи.

При наличии сведений о нарушении прав несовершеннолетних или семьи (на образование, труд, отдых, жилище и др.) органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений осуществляют деятельность в пределах своей компетенции:

– органы прокуратуры — при нарушении прав и свобод несовершеннолетних;

– комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН) — в случаях нарушения прав несовершеннолетних на образование, труд, отдых, жилище и др., а также при наличии недостатков в деятельности органов и учреждений, препятствующих предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

– органы опеки и попечительства — при выявлении несовершеннолетних, оставшихся без попечительства родите-

лей или законных представителей либо находящихся в обстановке, представляющей угрозу их жизни, здоровью или препятствующей их воспитанию;

– органы управления социальной защитой населения — при выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с безнадзорностью или беспризорностью, а также семей, находящихся в социально опасном положении;

– органы внутренних дел — при выявлении родителей несовершеннолетних или их законных представителей и иных лиц, жестоко обращающихся с несовершеннолетними и (или) вовлекающих их в совершение преступлений и/или антиобщественных действий или совершающих по отношению к ним другие противоправные деяния, а также несовершеннолетних, совершивших правонарушение или антиобщественные действия;

– органы управления здравоохранением — при выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в обследовании, наблюдении или лечении в связи с употреблением спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ;

– орган управления образованием — при выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с самовольным уходом из детских домов, школ-интернатов и других детских учреждений либо в связи с прекращением по неуважительным причинам занятий в образовательных учреждениях;

– органы по делам молодежи — при выявлении несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и поэтому нуждающихся в оказании

помощи в организации отдыха, досуга, занятости.

В случае выявления нарушений прав несовершеннолетних информация об этом поступает в один из названных органов (субъектов профилактики), а затем передается в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав. Специалист комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав формирует состав комиссии, в задачи которой входит посещение места нахождения ребенка, оценка обстановки в семье и установление контакта с ее членами. В состав комиссии должны входить не менее двух человек, один из которых является сотрудником органа опеки и попечительства. Для повышения объективности оценки ситуации при посещении семьи целесообразно приглашать сотрудников из различных служб — субъектов профилактики (органов опеки и попечительства, органов внутренних дел, учреждения социальной защиты, здравоохранения, образования и др.). После посещения неблагополучной семьи определяется целесообразность проведения с ребенком и семьей индивидуальной профилактической работы.

2 этап. На этом этапе проводится первичная оценка потребностей ребенка и семьи. Специалисты комиссии, осуществлявшей первое посещение семьи, должны определить, представляет ли ситуация угрозу жизни и здоровью ребенка. По результатам посещения семьи составляется акт обследования условий жизни ребенка и семьи.

3 этап. В ситуации наличия непосредственной угрозы жизни и здоровью ребенка информация доводится до компетентных органов. Если непосред-

ственной угрозы для жизни и здоровья ребенка нет, но по другим основаниям семью можно причислить в категории семей, находящихся в социально опасном положении или трудной жизненной ситуации, специалист КДН совместно со специалистами соответствующих органов производят углубленную оценку ребенка и семьи. Цель подобной оценки — точное определение потребностей семьи, определение ключевой проблемы и причин возникновения трудностей. Такая оценка будет способствовать эффективному планированию оказания помощи семье. Идеальные условия для осуществления углубленной оценки — это наличие взаимоотношений сотрудничества с ребенком и семьей, которые максимально привлекаются к работе, в том числе к процессу принятия решений, их касающихся. Полученные данные помогают специалистам принимать решения и составлять краткосрочные и долгосрочные планы в отношении ребенка.

4 этап. В целях осуществления индивидуальной профилактической работы на основе проведенной оценки ребенка и семьи в каждом компетентном органе или учреждении (субъекте профилактики) назначается специалист, который выбирает и описывает комплекс услуг и действий. Все намеченные услуги и действия представляются в виде плана реабилитации в рамках индивидуальной профилактической работы. План реабилитации разрабатывается при участии ребенка и его семьи. Ответственность за координацию работы по плану, его выполнение, ведение необходимой документации несет сотрудник КДН.

План реабилитации в рамках проведения индивидуальной профилактической работы должен включать описание

краткосрочных (на 3–6 месяцев), долгосрочных целей и задач, способствующих достижению ребенком конкретных позитивных целей, а также содержать сведения об ответственном специалисте (или учреждении) и дату выполнения.

В связи с тем что участие в реализации плана реабилитации ребенка и семьи должно быть добровольным, объекты реабилитации (семья и ребенок, если он способен) должны подтвердить согласие своей подписью.

5 этап. Осуществление плана реабилитации предполагает организацию услуг, направленных на улучшение жизненной ситуации ребенка и семьи. В зависимости от результатов оценки семьи план может иметь различные цели. Если ребенок будет продолжать воспитываться в биологической семье, содержащиеся в плане мероприятия должны быть направлены на оказание реабилитационной помощи семье. При изъятии ребенка из семьи (например, при лишении родителей родительских прав) план может быть подчинен цели — вернуть ребенка в биологическую семью или найти для него замещающую семью.

6 этап. Технология междисциплинарного ведения случая предполагает постоянную координацию предоставляемой помощи и оценку текущего состояния ситуации. На основе резуль-

татов мониторинга план реабилитации может пересматриваться и уточняться в соответствии с актуальной семейной ситуацией.

7 этап. Закрытие случая может производиться по ряду причин: на основании достижения поставленных целей; в результате отказа ребенка и семьи от совместной работы; при отсутствии адекватных услуг, отвечающих потребностям ребенка и семьи (в этой ситуации целесообразно передать ребенка и семью в ведение другой организации). Идеальным завершением работы с неблагополучной семьей можно считать ситуацию, когда положение ребенка стало стабильным, и при этом он остался в биологической семье.

Литература

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1999. — № 26. — Ст. 3177.
2. Мастерство психологического консультирования / А.А. Бадхен, М.В. Бадхен, С.М. Зелинский [и др.] / под ред. А.А. Бадхена, А.М. Родиной. — 2-е изд. — СПб.: Береста; Ин-т психотерапии и консультирования «Гармония», 2003.
3. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. — М.: Генезис, 2005.
4. *Осипова А.А.* Общая психокоррекция: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Сфера, 2000.
5. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

М. В. Пряхина

Аннотация: в статье рассматриваются технологии оценки и прогнозирования эффективности управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел, даётся анализ эмпирических исследований и описание критериев эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД.

Ключевые слова: психологические критерии эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД МВД России, технология оценки эффективности управленческой деятельности, технология прогнозирования эффективности управленческой деятельности.

The summary: the article deals the technology of the estimation and forecasting of the efficiency of managerial activities of the heads of the internal affairs bodies, provides an analysis of the empirical research and a description of the criteria of the efficiency of managerial activities of the heads of the police department.

Keywords: the psychological criteria of the efficiency of managerial activities of the heads of the internal affairs bodies, the technology of the estimation of the efficiency of managerial activities, the technology of forecasting of the efficiency of managerial activities.

Среди различных направлений совершенствования правоохранительной системы важное место занимает организация научных исследований в области психологии управления. Современ-

ные изменения в системе МВД России определили объективную потребность в совершенствовании форм и методов руководства органами, подразделениями и учреждениями внутренних дел. Достижение высокого уровня результативности оперативно-служебной деятельности возможно только при профессиональном управлении, осуществляемом руководителями всех уровней.

По мнению Ю.Е. Аврутина «отсутствие научных разработок в области теории социального управления ведет к тому, что попытки улучшить результативность функционирования правоохранительной системы осуществляются бессистемно, зачастую ограничиваются изменениями в организационной структуре и кадровыми перестановками» [1, С.3]. Для достижения реальных, а не «отчетно-количественных» результатов противодействия преступности, обеспечения здорового и безопасного «качества жизни» населения необходимо творческое переосмысление философии управления и технологий управленческой деятельности в системе МВД России.

Следует заметить, что подобное переосмысление может принести практические позитивные результаты только в том случае, если в правоохранительной системе на руководящие должности будут назначаться профессионалы, а не «лично преданные» сотрудники. Необходимо ориентировать систему на под-

готовку и назначение руководителей-профессионалов, только тогда мы можем ожидать организационно-культурных изменений в правоохранительной системе.

Понятие «профессионализм» зачастую используется в разных смыслах. Когда говорят «эта работа требует профессионализма», имеются в виду нормативные требования профессии к личности человека. В данном случае профессионализм — это совокупность, набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения труда [8]. В другом смысле употребляется это слово, когда говорят «этому человеку присущ профессионализм». Здесь речь идет о том, что человек обладает этим необходимым нормативным набором психических качеств, и профессионализм становится внутренней характеристикой личности человека [4].

Структура профессионализма руководителя предопределяется внешними для человека требованиями, вытекающими из особенностей типа деятельности, и внутренними общими и индивидуальными особенностями субъективного механизма деятельности [7]. Чем более высокой степенью ответственности за результаты управления характеризуется профессиональная деятельность, тем большую значимость приобретают личностные характеристики руководителя, его гражданские качества. Чем в большей степени деятельность опирается на профессиональные знания, основанные на преобразованиях значительного количества информации, тем выше требования к познавательным свойствам психики руководителя, индивидуальным особенностям процессов восприятия, внимания, мышления, памяти. Для

управления сложными процессами, необходимы способности, позволяющие оперировать образно-концептуальными моделями, принимать решения в условиях дефицита времени и информации о быстро меняющихся процессах. При этом неизбежна высокая стрессовая нагрузка на руководителя.

Дополняя эту точку зрения и соотнося с существующими проблемами управленческой психодиагностики, В.А. Урываев отмечает: «Сложность вопроса заключается в необходимости искать компромисс между требованиями системы управления (сформулированными, как правило, на языке системного подхода) и психологии личности, оперирующей иными категориями. Безусловно, богатство психики человека, в принципе, позволяет отождествить эти требования, но, в строгом смысле, речь может идти только об аналогии. Гораздо серьезнее этот вопрос встает при необходимости определить психодиагностические критерии профессиональной пригодности: зачастую, либо личностные характеристики сотрудника оцениваются как слепок с должностных требований, либо в качестве критериев профессионализма рассматриваются психологические характеристики, достаточно произвольно соотносимые с требованиями оптимального функционирования системы управления» [10, С. 48].

На сегодняшний день прогностическая валидность существующей системы отбора в ОВД на руководящие должности неизвестна даже ориентировочно. Психодиагностическое обследование, которое в обязательном порядке проходят сотрудники ОВД при назначении и выдвигении в резерв на руководящие должности, строится на основе той же

тестовой батареи, которая используется при поступлении кандидатов на службу и на учебу. Как отмечают Г.В.Шутко, Н.И. Мягих, М.А.Бельченко психологическое обследование при назначении на различные должности в ОВД в настоящее время в значительной мере ориентировано на выявление психической патологии, чем на определение профессионально важных качеств личности к определенному виду деятельности [11]. Одной из причин подобного противоречия является поверхностное знакомство или вовсе незнание психологами специфики профессиональной деятельности специалистов различных служб и подразделений системы МВД России. Другой причиной противоречивой ситуации является отсутствие критериев психологического отбора на различные должности, в том числе, и на руководящие должности в ОВД МВД России.

Поэтому одной из прикладных научных проблем является разработка критериев психологического отбора сотрудников при назначении и выдвижении на руководящие должности в ОВД. Однако, решение этой проблемы невозможно без разработки критериев оценки эффективности деятельности руководителей ОВД, оценки их личностного потенциала, обеспечивающего эту эффективность, на основе чего и может осуществляться психологическое прогнозирование при проведении профессионального психологического отбора на должности управленцев.

В 2005-2010 гг. нами были проведены научные исследования по данной проблеме. В качестве объекта исследования выступили руководители среднего звена различных структурных подразделений органов внутренних дел. Общая

численность выборки составила 332 человека [3, 5, 9].

В юридической психологии, психологии труда и организационной психологии нет общепринятых методов оценки эффективности управленческой деятельности. Согласно точке зрения В.Д. Балина, через характеристики качества, производительности и нервно-психических затрат можно оценить эффективность как физической, так и умственной трудовой деятельности [2].

Нами был разработан комплексный метод оценки эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД на основе формально-количественных и психологических критериев. Производительность управленческой деятельности оценивалась нами через формально-количественные результаты деятельности руководимого подразделения за отчетный период. Нервно-психические затраты мы оценивали на основе показателя качества адаптации руководителя, который был получен с помощью психодиагностических процедур. Качество управленческой деятельности мы оценивали через показатели уровня выработанности профессионально-важных качеств и профессиональной компетенции «принятие управленческих решений», полученные нами на основе экспертного опроса.

Специалисты в области организационной психологии считают, что суть управления состоит в воздействии на организацию и изменении ее структуры на основе принятия оптимальных решений. Принятие решений — это сквозная функция руководителя, определяющая процессуальное и результативное содержание всей управленческой деятельности. Многие исследователи сходятся

во мнении, что эффективность принимаемых решений может служить средством измерения эффективности деятельности как отдельного руководителя, так и всего управленческого аппарата [6]. Однако, принятие управленческих решений — психологический процесс, в ходе которого переплетаются логика, интуиция, эмоции, мотивация и другие личностные факторы. Столь сложный, многоаспектный процесс может быть осложнен различными «подводными камнями», которые обозначаются в науке как психологические сдвиги при принятии решения. Поэтому одним из критериев оценки эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД был показатель уровня профессиональной компетенции управленца «принятие управленческих решений».

Согласно данным наших исследований, системообразующими психологическими факторами, определяющими эффективность управленческих решений руководителей ОВД, являются: разрешающий тип эмоционального-волевого реагирования в ситуации принятия решения с фиксацией на защите собственной личности; высокий уровень субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями, в первую очередь, в области профессиональных отношений; инициативный стиль руководства, выражающийся в активности, самостоятельности, решительности, склонности к разумному риску с ориентацией на дело и на себя; доминирование в ценностно-мотивационной сфере ориентаций личности на рационализм, свободу и самостоятельность, осмысленность и целенаправленность жизни, твердую волю, сохранение мира в стране, эстетических ценностей. Кроме этого, руководители

ОВД — женщины, имеющие социально-значимые ценности и ориентированные на активное участие в жизни своей организации, умеющие гибко реагировать на изменение профессиональной ситуации, проявляющие отзывчивость и чуткость к людям, способны принимать эффективные управленческие решения [9].

Еще одним немаловажным критерием эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД является их копинг-поведение. Совладающее со стрессом поведение определяет качество адаптации личности и является одним из показателей профессионализма руководителя.

Проведенное исследование позволило нам определить детерминанты интенсивности профессионального стресса руководителей ОВД (табл. 1).

Таким образом, факторный анализ психологических показателей позволил выявить наиболее значимые психологические конструкты, влияющие на интенсивность профессионального стресса руководителей ОВД. Факторная структура психологических показателей у руководителей с низкой интенсивностью профессионального стресса обладает более высокой степенью интегрированности (суммарная дисперсия пяти факторов — 85,4%) и единой её направленностью на высокую личностную зрелость и стремление к самореализации через управленческую деятельность. Факторная структура психологических показателей руководителей с высокой интенсивностью профессионального стресса интегрирована в меньшей степени (суммарная дисперсия шести факторов — 75%), что говорит о большем числе переменных, способствующих высокой интенсивности профессионально-

Таблица 1

**Качественный состав факторов у руководителей ОВД
с высокой и низкой интенсивностью профессионального стресса**

Название фактора и его факторный вес	
Руководители с <i>высокой</i> интенсивностью проф. стресса	Руководители с <i>низкой</i> интенсивностью проф. стресса
F1- $\%ДП=18,9$ «личностная незрелость», 12 переменных	F1- $\%ДП=25,2$ «самореализация через управленческую деятельность», 16 переменных
F2- $\%ДП=14,2$ «агрессивное поведение в деятельности», 7 переменных	F2- $\%ДП=22,5$ «творческий подход к деятельности», 13 переменных
F3- $\%ДП=12,8$ «подозрительность и осторожность в решении служебных задач», 6 переменных	F3- $\%ДП=14,9$ «установка на достижение успеха в деятельности», 9 переменных
F4- $\%ДП=10,8$ «формализм в деятельности», 5 переменных	F4- $\%ДП=11,7$ «установка на интеграцию всех сторон жизни», 4 переменные
F5- $\%ДП=9,9$ «отсутствие гибкости при решении служебных задач», 6 переменных	F5- $\%ДП=11,1$ «готовность к реализации интуитивных решений», 6 переменных
F6- $\%ДП=8,4$ «неспособность к решению служебных задач», 3 переменные	
Суммарная дисперсия — 75%	Суммарная дисперсия — 85,4%

го стресса и более слабой взаимосвязи их между собой. В целом они указывают на личностную незрелость этих руководителей и отсутствие у них способности к управленческой деятельности.

У руководителей ОВД с высокой интенсивностью профессионального стресса достоверно более низкие показатели использования активной адаптивной копинг стратегии «ассертивные действия», в то время как, отмечаются достоверно более высокие показатели использования пассивных стратегий «осторожные действия», «избегание», манипулятивной стратегии «непрямые действия», а также активной дезадаптивной стратегии «асоциальные действия». Поэтому, одной из причин высокой интенсивности профессионального стресса руководителей ОВД является преимущественное использование ими в своей профессиональной деятельно-

сти пассивных и активных дезадаптивных копинг-стратегий, что приводит не к решению имеющихся проблем, а зачастую к их углублению [5]. .

Используя метод полярных групп (изучение руководителей ОВД с высокой и низкой эффективностью управленческой деятельности), корреляционный и факторный метод выделения главных компонент, мы описали эталонную модель личности эффективного руководителя ОВД, которая включает в себя социально-психологические и социально-демографические характеристики (возраст, стаж службы в ОВД, стаж службы в должности). В результате множественного регрессионного анализа матрицы психологических показателей мы получили диагностическое уравнение, в которое вошли высокоинформативные критерии эффективности управленческой деятельности: уровень вы-

раженности коммуникативных качеств личности; показатель нравственно-ценностной ориентации личности и ее мотивации; уровень управленческого мышления; тип эмоционального реагирования в ситуации принятия управленческого решения; качество адаптации личности.

Предложенный нами подход дает возможность с известной долей вероятности прогнозировать эффективность управленческой деятельности и определять профессиональную психологическую пригодность сотрудника ОВД к управленческой деятельности. Описанные нами «группы пригодности» на руководящие должности учитывают степень соответствия психологических особенностей личности сотрудника критериям психологической пригодности к управленческой деятельности в системе органов внутренних дел и позволяют производить отбор на руководящие должности более профессиональных руководителей [3].

Таким образом, выдвижение и назначение сотрудников на руководящие должности в системе МВД России целесообразно, с нашей точки зрения, проводить с учетом изучения психологических и социально-демографических характеристик личности кандидатов на основе предложенной технологии психологического прогнозирования эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД.

Литература

1. *Аврутин Ю.Е.* Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования). Автореф. дис. доктор юрид. наук. СПб., 1998. — 30 с.
2. *Балин В.Д.* Системный анализ электрофизиологических показателей эффективности умственного труда. Дисс. ... канд. психол. наук — СПб., 1980.
3. *Гайворонская И.Б.* Психологическая модель прогнозирования успешности управленческой деятельности сотрудников ОВД. Дисс. ... канд. психол. наук. — СПб., 2008. — 214 с.
4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. — М., 1995. — 260 с.
5. *Пряхина М.В., Кобозев И.Ю.* Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика. — Монография. — СПб., 2011. — 158 с.
6. *Пряхина М.В.* Технология принятия управленческих решений в деятельности руководителей органов внутренних дел // Вестник психотерапии. № 24(29). — СПб., 2007. С. 144-148.
7. Психология менеджмента: Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. — 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Питер, 2004. — 639 с: ил.
8. *Самоукина Н.В.* Психология и педагогика профессиональной деятельности. — М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство ЭКМОС. 1999. — 352 с.
9. *Сорокин В.А.* Психологические основы управленческих решений руководителей органов внутренних дел. Дисс. ... канд. психол. наук. — СПб., 2006. — 210 с.
10. *Урываев В.А.* Применение психодиагностических методов в работе с кадрами на выдвижение: Дисс. ... канд. психол. наук. — М., 1990. — 176 с.
11. *Шутко Г.В., Мягких Н.И., Бельченко М.А.* Актуальные проблемы и направления совершенствования профессионального психологического отбора в органах внутренних дел: учебно-методическое пособие. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2011. — 190 с.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КРАТКОСРОЧНОЙ КОРРЕКЦИИ НА ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛОВ ОХРАНЫ УИС, НЕСУЩИХ СЛУЖБУ С ОРУЖИЕМ

Е. В. Овчарова

Аннотация: в статье рассматривается технология единовременного изучения и изменения пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием.

Ключевые слова: пограничные психические состояния, краткосрочная коррекция, адаптивность, сотрудники отделов охраны, несущие службу с оружием.

The summary: This article considers the technology of one-time study and modify borderline psychic states of specialists of departments, are serving with the weapon.

Keywords: borderline psychic states, short-term correction, adaptivity, specialists of departments, are serving with the weapon.

Пребывание в сложной экстремальной ситуации, связанной с риском для жизни и здоровья, оказывает истощающее действие на человека, нередко приводящее к состояниям психической дезадаптации. По исследованиям психологов, среди представителей опасных профессий (в частности, охранников) 34,5% имеют пограничные психические расстройства, что значительно выше, чем в других профессиях, связанных с эмоциональным стрессом.

Установлено, что состояния, возникающие под воздействием экстремальных факторов и угроз, существенно снижают успешность и качество вы-

полнения работы, увеличивают уровень психофизиологических затрат деятельности, а также вызывают целый ряд социально-экономических и социально-психологических последствий: повышение текучести кадров, снижение удовлетворенности трудом, деформацию личностных и характерологических качеств, увеличение риска суицида (Т. Волкова, 2001).

Деятельность сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, протекает «в условиях продолжительных стрессовых факторов, способствующих развитию невротических расстройств, личностных акцентуаций и дезадаптивных нарушений». К неблагоприятным условиям относятся условия, приближенные к боевым (обращение с табельным оружием); монотонность несения службы; вынужденная изолированность; дефицит времени; постоянное пребывание в замкнутом пространстве; необходимость применения оружия на поражение; прерванность режима «сон-бодрствование» и необходимость длительного пребывания «на ногах»; постоянная готовность к провокациям со стороны осужденных; необходимость соблюдать меры предосторожности; иное восприятие мира в сравнении с другими категориями людей (А.В. Кокурин, А.И. Мокрецов, Д.А. Красов, 2008).

Наибольшее число погибших сотрудников за первое полугодие 2010 г. приходится на младший инспекторский со-

став отделов охраны исправительных учреждений (50%). Это более одной трети от общего числа чрезвычайных происшествий. За последние годы количество нарушений, в том числе уголовно наказуемых, допущенных сотрудниками отделов охраны, остается довольно высоким. В первом полугодии 2010 г. выявлено 21 нарушение законности. При этом среди таких нарушений наиболее часто встречаются незаконное приобретение и хранение наркотических средств, а также пронос (провоз) запрещенных предметов. Как правило, данные нарушения совершают младшие инспекторы отделов охраны ИУ. В остальных случаях (2%) нарушения законности заключались в злоупотреблении служебным положением в основном руководящим составом отделов охраны (В.И. Злобин, С.А. Хохрин, 2010).

Таким образом, указанные неблагоприятные факторы профессиональной деятельности, постоянные физические и психологические перегрузки приводят к возникновению у сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, пограничных психических состояний, на фоне которых возможны проявления деструктивных форм поведения, попытки суицида и расстрела других лиц.

Целям гармонизации психических состояний сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, на наш взгляд, соответствует сочетание модифицированного психоанализа с гештальтоориентированной арт-коррекцией, воздействующее на сознательные и бессознательные личностные структуры и уровни.

Нами предлагается диагностико-коррекционный подход, направленный на гармонизацию психических состоя-

ний сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, перевод их из пограничного состояния в нормальное. Для диагностики пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, мы предлагаем следующие методики: ММПИ с дополнительной шкалой «адаптивность» (И.Н. Гильяшева, Л.Н. Собчик, Т.Л. Федорова, 1984), КСПФЗЛ (В.И. Серов, 2000) и LSI (Р. Плутчик, К. Келлерман, Х. Конте, 1979), для краткосрочной коррекции — Краткосрочный ассоциативный эксперимент и Медитативный рисуночный тест, разработанные В.И. Серовым (2002), а также тест Люшера, позволяющий отследить эффект от психологического воздействия и оценить, какой коррекционный метод являлся наиболее эффективным.

Всего в исследовании приняли участие 372 сотрудника отдела охраны УФСИН России по Рязанской, Воронежской и Московской областям, а также на базе учреждений УФСИН России по Пермскому краю из числа рядового и младшего начальствующего состава: 273 мужчины в возрасте 20–53 лет и 99 женщин в возрасте 20–47 лет.

Изучение и изменение пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны УИС, несущих службу с оружием, проводились в несколько этапов.

Этап 1 — диагностический, целью которого выступало выявление пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, методами ММПИ, КСПФЗЛ и LSI.

Этап 2 — коррекционный. На данном этапе проводились сеансы краткосрочной коррекции пограничных психических состояний сотрудников отделов охраны,

отнесенных к группе с низким уровнем психической адаптации, методами Краткосрочного ассоциативного эксперимента и Медитативного рисуночного теста по 5 сеансов с каждым сотрудником. Эффективность коррекционных встреч замерялась методом Люшера, который проводился до, во время и после каждого сеанса. После окончания каждого сеанса проводилась одночасовая беседа.

Этап 3 — посткоррекционный. В его рамках проводилась повторная диагностика психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, входящих в группу риска, методами ММПИ, КСПФЗП и LSI. Цель этапа — изучение динамики психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием.

Этап 4 — пролонгированной психологической коррекции. Этот этап характеризовался разработкой алгоритма самостоятельной психокоррекции сотрудниками отделов охраны, несущими службу с оружием, своих психических состояний. Внешним критерием являлось стабильное несение службы. При нарушении дисциплины или иных служебных обязанностей данный сотрудник вновь попадал в поле зрения психолога и повторно проходил курс психологической коррекции.

После психодиагностики по указанным методикам на основе результатов тестирования по методике ММПИ и шкале адаптивности сотрудник попадал в одну из 4 групп как в совокупности по двум показателям (по методике ММПИ и по шкале адаптивности), так и в отдельности по одному из показателей.

1. Группа с высоким уровнем психической адаптации. В данную группу вошли испытуемые с показа-

телями в 50–55-T баллов по ММПИ и 0–5 баллов по шкале адаптивности. По мнению Л.Н. Собчик (2000), Ф.Б. Березина (1994) и И.С. Дорошенко (2001), 50 T-баллов является точкой отсчета и отвечает идеально-нормативному среднему профилю, соответствующему теоретической усредненной норме. Показания по ММПИ в 50–55 T-баллов не выявляют достаточно выраженных индивидуально-личностных свойств и характерны для полностью сбалансированной личности (Л.Н. Собчик, 2000). Кроме того, при выделении групп нами использовалась шкала адаптивности В.А. Дюка (1994), согласно которой высоким уровнем психической адаптации обладали лица с показателями от 0 до 5 баллов. У данной категории лиц отсутствовали признаки нервно-психической неустойчивости, они легко и быстро приспособлялись к новым условиям. По имеющимся данным к первой группе принадлежало 9% из числа мужчин и 11% из числа женщин всего контингента обследованных ($p \leq 0,05$). Данная группа имела благоприятный прогноз профессиональной деятельности, с ней сеансы психологической коррекции не проводились, проводились сеансы обучения методам самостоятельной регуляции (релаксация, дыхательная гимнастика, медитация).

2. Группа с повышенным уровнем психической адаптации. В указанную группу вошли испытуемые с показателями по ММПИ в 56–60 T-баллов. Полученные показатели свидетельствовали о характерологических особенностях индивида (Л.Н. Собчик, 2000). По шкале адаптивности испытуемые набирали 5–11 баллов, что свидетельствовало о повышенном уровне психической

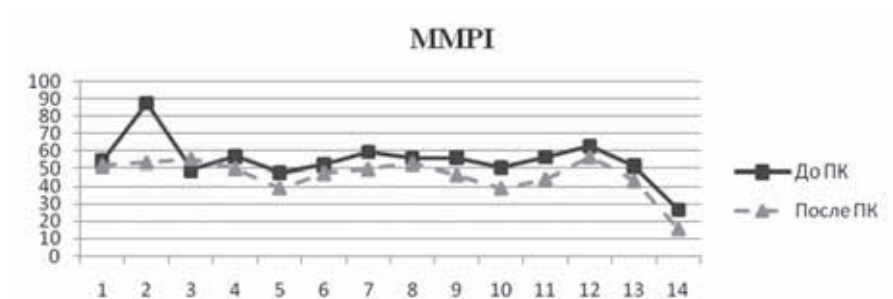
адаптации. У рассматриваемой категории лиц выявлялись психологические дефекты, связанные с неблагополучием в семье, неблагоприятной наследственностью, ярко выраженные особенности характера, однако испытуемые всегда находили рациональные выходы из сложных ситуаций, быстро адаптировались к новым условиям среды. Ко второй группе принадлежало 38 % из числа обследованных мужчин и 35 % из числа обследованных женщин ($p \leq 0,05$). Эта группа имела благоприятный прогноз профессиональной деятельности, с ней проводились не сеансы психологической коррекции, а сеансы обучения методам самостоятельной регуляции (релаксация, дыхательная гимнастика, медитация).

3. Группа с пониженным уровнем психической адаптации. В данную группу вошли испытуемые с показателями в 61–70 Т-баллов по MMPI, что свидетельствовало об акцентуированных чертах характера, которые временами затрудняли социально-психологическую адаптацию человека (Л.Н. Собчик, 2000). Показания по шкале адаптивности в 11–19 баллов указывали на пониженный уровень психической адаптации. Для лиц этой группы характерны признаки нервно-психической неустойчивости, акцентуации характера, они адаптировались к одному из видов деятельности, при этом испытывали трудности в другом. К третьей группе принадлежали 34 % из числа обследованных мужчин и 32 % из числа обследованных женщин ($p \leq 0,05$). Упомянутая группа испытуемых имела неблагоприятный прогноз в профессиональной деятельности и нуждалась в психологическом сопровождении, с ней проводились сеансы психо-

логической коррекции по мере необходимости.

4. Группа с низким уровнем психической адаптации. В нее вошли испытуемые с показателями по MMPI в 70–Т баллов и более, что свидетельствовало о нарушенной адаптации и пограничном состоянии индивида. Это были психопатические черты характера, состояние стресса, вызванное экстремальной ситуацией, невротические расстройства и т. д. Показания по шкале адаптивности 20 баллов и более подтверждали низкий уровень психической адаптации. Лица из указанной группы имели высокий уровень нервно-психической неустойчивости, отличались наличием дезадаптации нервно-психической деятельности, испытывали трудности во всех видах деятельности, были склонны к асоциальным поступкам (В.А. Дюк, 1994). К четвертой группе принадлежало 19 % из числа обследованных мужчин и 21 % из числа обследованных женщин ($p \leq 0,05$). Эта группа была обозначена как группа риска, имела наиболее неблагоприятный прогноз как по отношению к здоровью индивида, так и в отношении профессиональной деятельности и нуждалась в повышенном внимании со стороны психолога. С ней проводились сеансы психокоррекции.

В сеансах психокоррекции приняли участие 23 сотрудника отдела охраны УИС, несущих службу с оружием: 11 мужчин и 12 женщин. Акцент в коррекционной работе был сделан на группу с низким уровнем психической адаптации, так как она имела наиболее неблагоприятный прогноз в профессиональной деятельности. Сеанс психокоррекции проходил по следующему алгоритму: сотруднику предлагалось сделать два выбора

	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	A
До	55	87	49	57	48	52	59	56	56	51	57	63	52	27
После	52	53	55	50	39	47	50	53	47	39	44	56	43	16

Рис. 1. Усредненный профиль типов психологических защит и уровня психической адаптации экспериментальной группы испытуемых до и после ПК

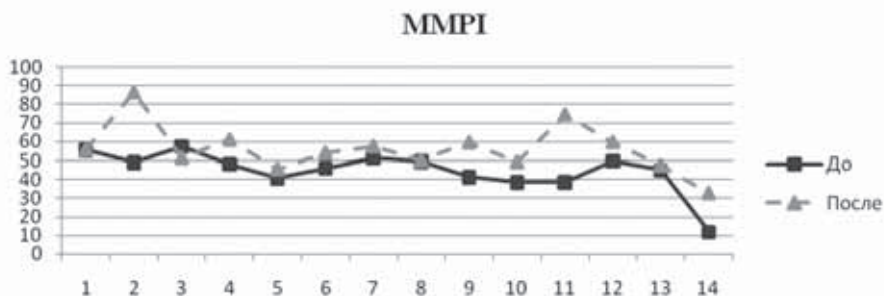
по тесту Люшера, после этого проводился КАЭ. Затем сотруднику вновь предлагалось сделать два выбора по цветам теста Люшера. После этого проводился МРТ. В заключение сотрудник вновь делал два выбора по тесту Люшера. Контрольную группу составили 23 сотрудника отдела охраны, несущие службу с оружием, идентичные по половым и возрастным характеристикам с испытуемыми экспериментальной группы.

Мониторинг психических состояний испытуемых экспериментальной и контрольной групп представлен на рис. 1–4.

Как видно на рис. 1, у экспериментальной группы испытуемых все показатели по шкалам методики MMPI и дополнительной шкале адаптивности после коррекции снизились и находились в пределах нормы, актуальные психические состояния гармонизировались, испытуемые перешли из пограничного состояния в нормальное. У испытуемых экспериментальной группы повысилась

самооценка, уверенность в себе, активность, мотивация достижения, творческий подход к решению проблем, устойчивость к стрессам, уровень психической адаптации. Снизилась конфликтность, агрессивность, возбудимость, склонность к риску и необдуманным поступкам, беспокойство о состоянии здоровья, замкнутость, тревожность.

У испытуемых контрольной группы (рис. 2) после повторного обследования наблюдалось повышение показателей по шкалам: индивидуалистичность, сверхконтроль, ригидность, оптимистичность, эмоциональная лабильность, импульсивность, тревожность, пессимистичность, адаптивность, что свидетельствовало о появлении негативных психических состояний, переходе испытуемых данной группы в пограничное состояние. У испытуемых контрольной группы повысилась замкнутость, отчужденность, эмоциональная холодность, оторванность от реальных жизненных проблем, озабоченность состоянием здоровья, по-

	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	A
До	56	49	57	48	41	46	51	50	41	39	39	50	45	12
После	56	86	51	61	45	54	58	50	60	49	75	60	47	33

Рис. 2. Усредненный профиль типов психологических защит и уровня психической адаптации контрольной группы испытуемых

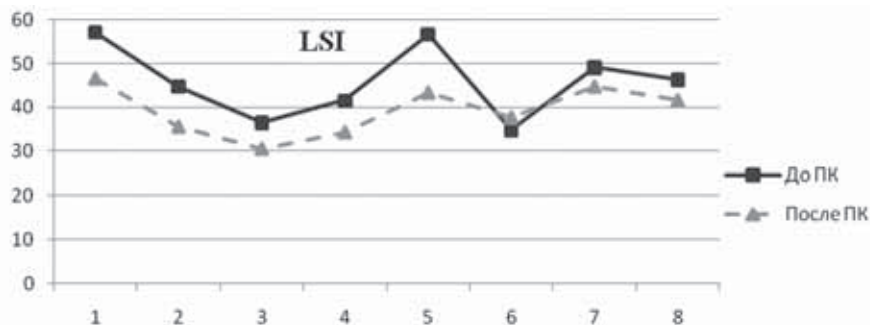
дозрительность, обидчивость, недовольство окружающими, чувствительность к неудачам, фиксация на проблеме, негибкость мышления, возбудимость, агрессивность, склонность к риску, конфликтность, неспособность контролировать поведение в соответствии с устойчивыми мнениями, неустойчивость эмоций, тревожность. Снизились адаптивные способности, настроение и самооценка, уменьшилась энергичность и активность.

Как следует из рис. 3, у экспериментальной группы испытуемых по методике LSI ведущими механизмами психологических защит являлись: отрицание, проекция, интеллектуализация. После проведения ПК показатели по шкалам снизились, выраженность защитных механизмов у испытуемых уменьшилась. У контрольной группы испытуемых по методике LSI ведущими механизмами психологических защит выступили: отрицание, интеллектуализация, проекция (рис. 4). После повторного обследования

в контрольной группе испытуемых изменений не произошло.

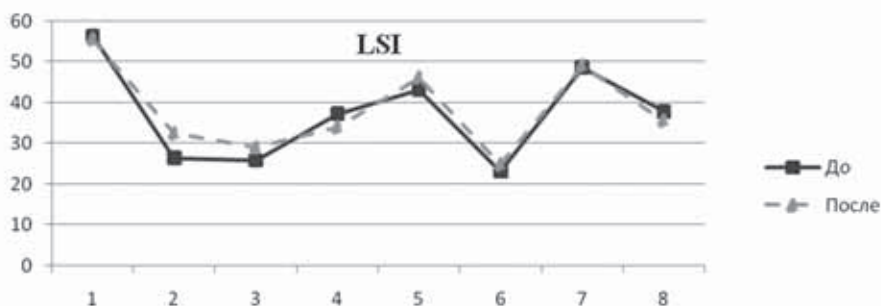
По данным методики КСПФЗЛ, у экспериментальной группы испытуемых в реальной и проективной модели комплексы «Творчество», «Личность», «Среда» находились во взаимоотношении как Л>С>Т и Л>Т>С до коррекции и как Л>С>Т и Т>Л>С после нее, что соответствовало 5 из 36 моделей Б.Д. Парыгина (2003), где 1-я модель — лучшая, 36-я — худшая. В реальной и проективной модели комплексы «Активация», «Перемена», «Угнетение» находились во взаимоотношении как П>А>У до и П>А>У после коррекции. В реальной и проективной модели комплексы «Функция», «Метаболизм», «Структура» находились во взаимоотношении как О>С>Ф и С>О>Ф до и О>С>Ф и С>О>Ф после коррекции.

Таким образом, коррекция изменяла соотношение комплексов от 17-й до 5-й модели в лучшую сторону на социальном уровне, не изменяла соотношение ком-

	1	2	3	4	5	6	7	8
До	57	45	36	42	57	35	49	46
После	47	36	30	34	43	38	45	42

Рис. 3. Усредненный профиль механизмов психологических защит экспериментальной группы испытуемых до и после ПК

	1	2	3	4	5	6	7	8
До	56	26	26	37	43	23	49	38
После	56	32	29	34	46	25	49	36

Рис. 4. Усредненный профиль механизмов психологических защит контрольной группы испытуемых

плексов, соответствующих 15-й модели на психологическом уровне и 32-й модели на физиологическом уровне.

У контрольной группы испытуемых, по данным методики КСПФЗЛ, в реальной и проективной модели комплексы «Творчество», «Личность», «Среда» нахо-

дились во взаимоотношении как Л>С>Т и Л>Т>С до коррекции и как Л>С>Т и Л>Т>С после нее, что соответствовало 17-й модели. В реальной и проективной модели комплексы «Активация», «Перемена», «Угнетение» находились во взаимоотношении как П>А>У и П>А>У до и

после коррекции, что соответствовало 15-й модели. В реальной и проективной модели комплексы «Функция», «Метаболизм», «Структура» находились во взаимоотношении как $O > C > F$ и $C > O > F$ до и после коррекции, что соответствовало 32-й модели. Следовательно, у контрольной группы испытуемых изменений не происходило.

Таким образом, краткосрочная коррекция способствует стабилизации психических состояний сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, переводу из пограничного состояния в нормальное: у 70 % испытуемых экспериментальной группы пограничные состояния перешли в нормальные; приводит к гармонизации типов психологических защит, изменению механизмов психологических защит; позволяет

остановить деформацию социального и психологического уровней защиты личности. Наибольшую трудность представляет коррекция физиологического уровня защиты личности, что требует дополнительных методов для восстановления гомеостаза.

Литература

1. Волкова Т. Душа телохранителя или что таится под железными мускулами? // Управление персоналом. — 2001. — № 3. — С. 53–58.
2. Дюк В.А. Компьютерная психодиагностика. — СПб.: Братство, 1994. — 364 с.
3. Злобин В.И., Хохрин С.А. Проблемы совершенствования организации несения службы отделами охраны // Вестн. Перм. ин-та ФСИН России. — 2010. — № 2. — С. 4–6.
4. Кокурин А.В., Мокрецов А.И., Красов Д.А. Психология служебной деятельности сотрудников подразделений охраны ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2008. — № 6. — С. 27–33.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

А. Н. Сухов

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с социальными детерминантами ресоциализации осужденных. Представлена историческая справка введения общественно полезных работ в деятельности УИС, в частности проблемы «пробации».

Ключевые слова: осужденные, ресоциализация, асоциализация, социальные детерминанты, деформация, пробация, социальная адаптация.

The summary: this paper discusses issues related to social determinants of resocialization of convicts. Presented historical background of introducing community service activities in the penal system, in particular the problem of «probation».

Keywords: prisoners, resocialization, asotsializatsiya, social determinants, deformation, probation, social adaptation.

Ресоциализация осужденных складывается из двух периодов: 1) пени-тенциарного; 2) постпени-тенциарного. Иными словами, ресоциализация осужденных осуществляется как в период отбывания наказания, так и после их освобождения из исправительных учреждений.

В историческом плане необходимо отметить следующее обстоятельство: до начала современного реформирования УИС автор данной статьи в течение года руководил темой НИР: «Социальная институализация УИС». Именно тогда были поставлены и теоретически сформулированы многие задачи и проблемы, связанные с ресоциализацией осужденных с учетом западных стандартов в этой

сфере. На основании этого, чтобы не повторяться, обозначим только дискуссионные аспекты темы ресоциализации осужденных.

В связи с этим возникают следующие дискуссионные вопросы: можно ли говорить о ресоциализации в полном объеме применительно ко всем категориям осужденных без исключения? все ли хотят этого? а не честнее ли говорить сегодня о желании определенных категорий осужденных более профессионально повышать свою криминальную квалификацию? что выгоднее: ресоциализация или вторичная асоциализация (когда отклоняющееся поведение стало во многих случаях нормой, а норма — отклонением, когда не срабатывает внутриличностный конфликт, когда — совесть помеха, прибыль не приносит, когда успех достигается любой ценой). Вероятно, в данном случае значительное число осужденных ориентируются не на позитивные социальные ценности, а на криминальные (субкультуру). Это очевидный факт. Существует большое количество теорий девиантного поведения, нет недостатка и в теориях ресоциализации.

Однако, на наш взгляд, им не хватает концептуальной основы, учитывающей современные реалии.

В своей докторской диссертации автор статьи обосновал и исследовал различные виды деформации в среде осужденных. Ключ к пониманию эффективности ресоциализации осужденных лежит в плоскости анализа противодействия их субкультуры, различных видов деформа-

ции закона, организационной культуре пенитенциарных учреждений.

Ресоциализация определяется соотношением этих двух процессов. Чтобы последствия столкновения двух взаимоисключающих детерминант были позитивными, необходимо по возможности устранить изоляционную деформацию. Отметим, что реформа УИС идет именно по этому пути, все последние инициативы связаны с устранением последствий социальной изоляции. Однако при этом ценность свободы должна возрасти. Однако имеет место обратная связь. Если на свободе есть, что терять, то любой вид наказания существенен, и наоборот, если на свободе нечего терять, то тюрьма становится вторым домом.

Об этом свидетельствует уровень сезонной преступности. Для повышения эффективности ресоциализации осужденных важна и другая группа детерминант, связанная с устранением жестко нормативной и нравственной деформации осужденных. К сожалению, есть множество факторов, которые усложняют этот процесс, создают трудности (реклама, фильмы и т. д.).

Третья группа детерминант ресоциализации осужденных связана с устранением их криминальной деформации. В данном случае имеет место самое серьезное осложнение ситуации.

Недавно по пятому каналу (в открытой студии) была показана передача о реформе УИС. Задавался единственный вопрос: «В ходе отбывания наказания осужденные исправляются или получают дополнительный преступный опыт?». Результаты ответов: более 50 % опрошенных указали, что в условиях отбывания наказания происходит вторичная асоциализация.

Следует отметить, что вторичная асоциализация является самым серьезным анти-фактором ресоциализации осужденных.

В свою очередь, в основе вторичной асоциализации осужденных лежат различные факторы, в том числе недофинансирование исправительных учреждений, что нередко приводит к зависимости персонала тюрем и колоний от представителей криминального мира. При этом большую заинтересованность в распространении криминальной идеологии проявляют представители организованной преступности. Они рассматривают исправительные учреждения в качестве базы рекрутирования и рынка сбыта наркотических и других запрещенных предметов. Именно поэтому представители организованной преступности так заинтересованы в сохранении и развитии криминальной деформации осужденных.

Что касается ресоциализации осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений, то в данном случае без рассмотрения проблем их социальной адаптации не обойтись. Этот процесс двухсторонний: с одной стороны, помощь оказывают сотрудники исправительных учреждений, а с другой... а вот кто с другой стороны? Вопрос неоднозначный.

Раньше после освобождения нужно было преодолеть осуждение со стороны населения. В настоящее время такой проблемы не существует. Нередко освободившегося встречают как «брата».

Социальной адаптацией освобожденных из исправительных учреждений занимаются различные структуры. Есть положительный опыт в создании реабилитационных центров и т. д. Одна-

ко единой службы, которая выполняла бы координирующую роль нет. В то же время на Западе и в ряде стран СНГ такая служба имеется. Речь идет о службе пробации.

Чаще всего термин «пробация» употребляется в связи с деятельностью по исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы, которые осужденные отбывают в обществе. Пробация рассматривается как уголовный надзор (уголовная опека). Интерес к службе пробации возникает в первую очередь в связи с ее функцией исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также условного наказания. В английском языке используется словосочетание «community service», что может быть переведено (и часто переводится) как общественные работы. Этот термин многозначен, он подчеркивает как элемент общественной полезности работ, так и элемент отсутствия изоляции от общества. Указанный вид наказания — явление сравнительно новое и не только для уголовного права России, но и зарубежных государств.

Впервые общественно полезные работы были введены в Швейцарии в 1971 г. Изначально это наказание назначалось только несовершеннолетним правонарушителям в возрасте от 7 до 18 лет. Позже в Швейцарии общественно полезные работы стали назначаться несовершеннолетним в качестве основного наказания, а в ряде швейцарских кантонов — и взрослым, но в качестве дополнительного наказания. Среди скандинавских стран первыми общественно полезные работы как вид уголовного наказания ввели Дания (1982) и Норвегия (1984). С 1990 г. данный вид наказания стали применять в Финляндии, а с

1991 г. — в Швеции. В Дании, Финляндии и Швеции общественно полезные работы вводились постепенно: сначала в качестве эксперимента в ряде областей, а потом уже — после серьезной оценки последствий применения — на территории всей страны. Важно отметить, что в Швеции этот вид наказания в течение первых 8 экспериментальных лет назначался только правонарушителям в возрасте до 21 года. Опыт деятельности служб пробации скандинавских стран, в которых применение альтернативных санкций достаточно широко распространено, например, Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии, полезен для России и тем, что в этих странах фиксируется сравнительно невысокий уровень преступности. При этом указанные страны уделяют особое внимание проблеме преступности несовершеннолетних и социальной защите детства. Введение наказаний, альтернативных лишению свободы, в систему уголовных наказаний обусловлено тем, что лишение свободы доказало свою неэффективность с точки зрения влияния на исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Во-первых, потому, что отбывание наказания в виде лишения свободы препятствует последующей социальной адаптации личности, ее возвращению в общество: человек в условиях изоляции утрачивает социально значимые навыки, познает в местах лишения свободы основы криминальной субкультуры, что также не способствует ресоциализации личности.

Во-вторых, отбывание наказания без изоляции от общества под надзором квалифицированного персонала (под уголовной опекой, пробацией) позволя-

ет избежать негативных нравственных, психологических и физических последствий изоляции, поскольку при альтернативном наказании навыки социального взаимодействия сохраняются и развиваются под воздействием социальной среды и при активной помощи сотрудников служб пробации.

В-третьих, санкции, не связанные с изоляцией от общества, обладают также значительными экономическими преимуществами, их применение дает возможность разгрузить учреждения лишения свободы, перераспределить ресурсы, направить усилия государства на более адресную работу с гражданами, нуждающимися в помощи и поддержке

и не представляющими угрозы для безопасности общества и государства.

Государственная служба пробации — это государственное учреждение, которое заботится об общественной безопасности, работая с людьми, которые отбывают уголовное наказание не в местах лишения свободы, а в обществе (условные наказания, принудительные работы), и помогает бывшим заключенным вернуться в общество. Основными направлениями работы служб пробации являются развитие и организация политики исполняемых в обществе уголовных наказаний и оказание помощи лицам после освобождения из учреждений лишения свободы.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ПОЛИГРАФОЛГОВ

В. Ю. Неклюдов

Аннотация: в статье на конкретном примере автор рассматривает проблемы организации подготовки специалистов-полиграфологов на базе ведомственного высшего учебного заведения, ранее опыта работа по данному направлению не имевшего.

Ключевые слова: полиграф, специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа, Академия ФСИН России.

The summary: This article on a specific example, the author examines the problem of providing training of polygraph-based departmental institution of higher education, previous experience working in this area who had not.

Keywords: polygraph, special physiological investigating the use of the

polygraph, the Academy of the FPS of Russia.

В соответствии с распоряжением директора ФСИН России от 31 марта 2010 г. № 68-р «О применении специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфных устройств» управлению кадров было поручено организовать подготовку сотрудников военно-врачебных комиссий по учебной категории «Специалист по опросам с использованием полиграфа в УИС». Подготовка специалистов планировалось осуществлять на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (ВИПК МВД России, г. Домодедово). Однако в силу того обстоятельства,

что ВИПК МВД России отказал в подготовке специалистов на своей базе, было принято решение об организации курсов в Академии ФСИН России (г. Рязань).

С учетом того, что подготовку специалистов необходимо было начать в 2011 г., в экстренном порядке была разработана программа обучения для данной категории сотрудников — «Специалист по опросам с использованием полиграфа в УИС», а также предприняты меры по оборудованию помещения для проведения занятий. В качестве преподавателя по подготовке специалистов в области инструментальной детекции лжи был привлечен один сотрудник из числа преподавателей Академии ФСИН России, который прошел подготовку по проведению специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа (далее — СПФИ) в ВИПК МВД России. Поскольку данный сотрудник не обладает достаточными практическими навыками, которые крайне необходимы для проведения занятий с будущими полиграфологами, автор настоящей статьи был привлечен для оказания содействия в их обучении.

Учитывая изложенное, считаем необходимым высказать свое мнение по программе обучения указанной категории специалистов. Однако прежде всего напомним, что в уголовно-исполнительной системе подготовка специалистов в области инструментальной детекции лжи возложена на одно из структурных подразделений центрального аппарата и проводится в полном объеме самостоятельно уже свыше 10 лет. При этом осуществляется как теоретическое, так и практическое обучение, методическое сопровождение, контроль над качеством

работы специалистов, а также обеспечение техники.

Именно качеству обучения и работы все эти годы уделялось особое внимание. Так сложилось, что сотрудники центрального аппарата, принимающие участие в обучении, несут практически личную ответственность за работу каждого специалиста, а в связи с этим и требования к сотрудникам во время обучения выдвигаются самые жесткие. Не все кандидаты выдерживают такую нагрузку и из группы периодически отчисляются 1-2 сотрудника. Обучение очень непростое в силу своей информативности, необычности, объемности, длительности. Както через несколько дней после начала обучения курсанты с грустной улыбкой сказали: «Вы говорили, что обучение настолько необычное, и ни на что не похожее, что «вывернет нам мозги». Мы думали, что на это уйдет не меньше недели. Но нет — хватило трех дней».

Менять свое мировосприятие хотят и могут не все. И надо иметь известное мужество, чтобы признаться и себе, и окружающим в том, что эта профессия не для тебя.

Бытует мнение, что всю работу при проведении СПФИ делает полиграф, а специалист просто нажимает кнопки; специалистов, порой, называют «операторами полиграфа» — приехал с чемоданчиком, поговорил пару часов — уехал. Это типичное мнение обывателей, руководителей силовых структур, работодателей, сотрудников служб безопасности различных фирм, имеющих либо поверхностную информацию об инструментальной детекции лжи из СМИ, либо вообще не имеющих представления о том, что конкретно делают грамотные специалисты-полиграфологи.

Только по окончании обучения будущие специалисты понимают, насколько трудна, деликатна и ответственна новая работа. Специалисты, прошедшие подготовку в центральном аппарате, после освоения материала стажировались в течение года в своих подразделениях, и только после этого, при условии выполнения всех требований сложнейшей программы стажировки имеют право на получение документа государственного образца, позволяющего осуществлять деятельность в области детекции лжи с применением полиграфа. На то, чтобы набраться опыта и понять, чем ты все-таки занимаешься, уходит около трех лет. В связи с этим раз в 3 года, специалисты ФСИН России проходили курсы повышения квалификации, что существенно снижает риск профессионального выгорания.

В 2011 году во исполнение распоряжения директора ФСИН России Академией ФСИН России были приняты экстренные меры по реализации обучения полиграфологов:

1. Оборудован полигон рабочего места специалиста СПФИ, который отвечает всем требованиям к помещениям для проведения СПФИ. Кабинет оборудован по последнему слову техники, со стационарным видеонаблюдением, которое позволяет негласно оценивать работу специалиста и поведение субъекта во время СПФИ. Также был оборудован класс для обучения специалистов. Вместе и класс и полигон представляют собой отличное место для получения специальных знаний и проведения СПФИ. Что, конечно, достойно внимания.

2. В ВИПК МВД России прошли обучение два специалиста по проведению СПФИ из числа преподавателей Акаде-

мии ФСИН России. О качестве данного обучения можно спорить долго. Даже если предположить, что целью этого обучения было получение исключительно теоретических знаний для дальнейшего преподавания по направлению СПФИ, то этого недостаточно потому, что непрактикующий специалист не может в полном объеме донести до слушателей суть метода и ответить на их вопросы в дальнейшем.

3. В кратчайшие сроки специалистами была разработана уже упоминавшаяся рабочая программа профессиональной переподготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы категории «Специалист по опросам с использованием полиграфа в УИС». Из названия программы сразу же возникает вопрос: специалист по опросам с использованием полиграфа в УИС по какому направлению? Как указано в распоряжении — для подбора кадров (скрининга)? Или для проведения служебных проверок? Для расследования преступлений? Для всех направлений? Мы уже отмечали, что в УИС есть подразделение, которое всем этим занимается уже более 10 лет.

Следует отметить, что программа обучения не выдерживает никакой критики потому, что составлена без анализа различных программ обучения МВД, ФСБ, Минобороны России, без учета уже сложившегося опыта ФСИН России в обучении специалистов СПФИ.

В частности, по тексту программы не прослеживается главная цель — подготовка сотрудников по единой методической схеме; материал не поддается логическому осмыслению, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на усвоении слушателями материала. На-

пример, лекция по основам физиологии «Кожа человека, ее функциональное значение» была доведена до слушателей не на начальном этапе обучения, когда это важно и своевременно, а перед убытием на стажировку, когда они уже должны были уметь составлять тесты и выделять информативные физиологические признаки, что является грубым нарушением всех методических правил.

Состав дисциплин в расписании носит хаотичный характер, не учитывалось единое методическое раскрепление по блокам. Занятия начинались ежедневно с отдельно взятой темы, которая не завершалась закреплением знаний в ходе семинарских занятий, и сразу переходили к другой практической части, что не позволяло слушателям усваивать материал, данный в ходе лекционных занятий.

Заметим, что преподавательский состав для реализации учебной программы был подобран из числа штатных преподавателей Академии ФСИН России, с которыми (практически с каждым) знаком лично. Отношусь к преподавателям кафедр психологического факультета с глубоким уважением. Все преподаватели — заслуженные, высокообразованные специалисты, прекрасные ораторы, профессионалы, имеют ученые степени. Однако они не имеют представления о специфике подготовки специалистов СПФИ, не обладают специальными знаниями в области инструментальной детекции лжи, что привело к их формальному участию в обучении слушателей. Они всего лишь участвовали в лекционном процессе. Это стало причиной отсутствия какого-либо вида контроля над усвоением материала и заданий для самостоятельной и лабора-

торной работы, что в направлении СПФИ крайне важно.

Еще одна проблема заключается в отсутствии методического, практического и раздаточного материала, подготовкой которого обязано заниматься образовательное учреждение. Организаторами обучения не было подготовлено ни одной полиграммы, которые просто необходимы для закрепления навыков специалистов-полиграфологов. Именно полиграммы, полученные в ходе СПФИ, являются тем наглядным материалом, с которым работает специалист. Специалист должен четко определять информативные физиологические признаки, на основании которых он принимает решение об искренности или неискренности субъекта, также при анализе полиграмм закрепляются навыки их обсчета, что играет важнейшую роль в принятии специалистом того или иного решения по результатам исследования. Мы подготовили необходимый материал, но работа в авральном режиме неприемлема для уважающего себя вуза. За время практических занятий полиграммы пришли в негодность, для следующей группы нужно готовить новый материал.

Так называемый раздаточный материал, своего рода помощь, подсказка, которую можно использовать, если по пройденному материалу возникают вопросы (а они возникают, они не могут не возникнуть), также пришлось готовить самому, потому что по себе знаю, что он необходим, как воздух. Особенно по месту прохождения службы, где рядом нет преподавателя и не с кем обсудить возникающие проблемы. Раздаточный методический материал нужен именно в распечатанном виде, а не в электронном, так как особенности вос-

приятия человека таковы, что материал полиграфолог усваивает лучше с листа, нежели с экрана компьютера, а все то, что дается слушателям в электронном виде, как показывает практика, просто «забрасывается» в компьютер, в лучшем случае в отдельно созданную папку. Это аксиома.

Группа обучающихся состояла из 18 человек, что привело к тому, что занятия пришлось проводить не в подготовленной для этого аудитории, а в коридоре. Специфика обучения специалистов-полиграфологов и подачи теоретического материала не позволяет качественно обучать группы составом более 12 человек. В идеале численность группы не должна превышать 8–12 сотрудников при условии, что с ними будет заниматься группа практических специалистов. Именно группа специалистов нужна для того, чтобы «достучаться» до каждого слушателя, обсудить с каждым недостатки и пробелы в усвоении материала, ответить на все вопросы, возникающие в процессе обучения по работе с полиграфом. К сожалению, в Академии ФСИН России я оказался единственным специалистом-практиком.

Техническая сторона обучения также не соответствовала требованиям. Слушатели прибыли с полиграфами одной фирмы, но с различными версиями программного обеспечения, не имея навыков работы с данным оборудованием. Что добавило сложностей в обучении, так как у разных версий программного обеспечения полиграфов «ДИАНА» различные интерфейсы. Представители или заинтересованные лица фирмы-разработчика данного оборудования не были приглашены для доведения до слушателей особенностей функциони-

рования программного обеспечения и работы с интерфейсами различных версий оборудования, которое им предстоит использовать в дальнейшем.

В процессе обучения обязательно должен принимать участие преподаватель-«технар», отслеживающий все изменения в программном обеспечении полиграфов, на которых обучаются и работают специалисты, чтобы грамотно доносить до слушателей все нюансы по работе с техникой, а также консультировать слушателей по своему направлению во время стажировки и службы в дальнейшем.

Стажировка была определена программой в 40 суток. Это очень, очень, очень мало! Исключаем 10 выходных, учитываем требования о том, что на проведение одного СПФИ отводиться 3 суток, заключение подготавливается не позднее 10 суток со дня проведения СПФИ, нагрузка составляет не более 2 человек в день... Очень сложно за 40 суток провести 15–20 качественных СПФИ, повторяю, качественных с полной их обработкой, обчетом и принятием решения.

Работа специалиста-полиграфолога заключается не в количестве, а в качестве проделанной работы, потому что в руках специалиста деликатный метод детекции лжи, требующий высочайшего профессионализма. Тот, кто хотя бы раз проходил полиграфную проверку, ощутил на себе «тяжесть датчиков», общение со специалистом и прочувствовал настроение, которое грамотный специалист формирует в ходе СПФИ, согласится со мной.

Помимо практического задания за те же 40 суток нужно было подготовить объемную дипломную работу, на подго-

товку которой в вузах дается не менее 4 месяцев.

Сложность еще заключается и в том, что специалисты в данном случае были первыми на местах. У них возникнет много проблем и вопросов, которые они привезут со стажировки, и с учетом этих проблем нужно будет вносить изменения в процесс обучения, корректировать программу. Не уверен, что каждый справится с условиями стажировки и успешно закончит курс. Однако только после этого, после проработки всех тонкостей, которые возникнут, можно набирать последующие группы. Специалисты убыли на стажировку без какого-либо временного удостоверения, позволяющего проводить СПФИ. Вопрос: на каком основании они будут их проводить? Без подобного документа специалисты не имеют права составлять заключения по результатам проведенного СПФИ. Не уверен, что руководитель подразделения, выдавший задание на проведение СПФИ, и не получивший ответы на свои вопросы, выдаст его еще раз, даже если ему будет разъяснено, что СПФИ проводилось в качестве «домашнего задания», то есть было учебным.

Еще вопрос, кто будет контролировать деятельность новоявленных специалистов. В Инструкции 2011 г. вроде бы прописаны категории — кто и как. Однако в кадровой службе ФСИН России, на которую возложены обязанности по исполнению распоряжения директора ФСИН России, нет подразделения, которое может этим заниматься. Нет полиграфолога должного уровня подготовки, обладающего специальными знаниями и достаточным практическим опытом работы в направлении СПФИ, который квалифицированно и четко ответит на

вопросы специалистов с мест, даст четкие инструкции по устранению тех или иных недостатков, а также квалифицированные разъяснения по методике проведения СПФИ. Кто будет отслеживать материал, отработанный специалистами? Кто будет давать оценку их практической деятельности? У кого специалисты с мест будут получать качественные консультации по теоретическим, правовым и практическим вопросам по направлению своей деятельности?

Нужно отдавать себе отчет, что полиграфные проверки — это не дань моде, а очень сложный, тонкий и деликатный процесс работы с отдельно взятым человеком со своей психикой, нравственностью, моралью, принципами, устоями, и если непрофессионально на все это воздействовать, результат будет, мягко говоря, отрицательный. Отсюда вопрос: КОГО ГОТОВИМ? НАСКОЛЬКО КАЧЕСТВЕННОЙ БУДЕТ РАБОТА ТЕХ, КОГО ГОТОВИМ?

В связи с изложенным считаю, что каждое подразделение УИС должно заниматься своим делом. В частности, Академия ФСИН России, обладающая огромнейшим потенциалом в ряде областей различных наук, но не имеющая опыта в деле подготовки специалистов по направлению инструментальной детекции лжи, готовит кадры как для силовых ведомств, так и для гражданских структур, а подготовкой специалистов СПФИ должны заниматься сотрудники, обладающие соответствующими теоретическими и практическими навыками и знаниями. Только такой подход можно считать ГОСУДАРСТВЕННЫМ. Считаю необходимым функции подготовки специалистов СПФИ оставить за структурным подразделением центрального

аппарата уголовно-исполнительной системы, на которое возложено обучение специалистов в области инструментальной детекции лжи, которое проводит обучение в данном направлении в полном объеме самостоятельно уже более 10 лет.

Почему мы решили поделиться этими мыслями? Очень хочется сохранить лицо Академии ФСИН России — сильнейшего вуза по подготовке различного рода специалистов ФСИН России (и не только). Каждый выпускник Академии ФСИН России обладает тем необходимым объемом знаний, который позволяет ему работать в любой силовой и гражданской структуре. «Бывших не бывает», именно Академия ФСИН России и УИС дали автору настоящей статьи путевку в жизнь. УИС имеет свою отличную, устойчивую полиграфную школу, где автор и еще много специалистов проходили и проходят обучение полиграфному делу, и сколько бы потом нам не приходилось повышать квалификацию, можно сказать, что так трепетно и профессионально к обучению специалистов СПФИ, как в центральном аппарате ФСИН России, мало где подходят.

Справка:

Неклюдов Владимир Юрьевич имеет высшее психологическое образование, в 1998 г. окончил психологический факультет Рязанского института права и экономики МВД России, так же прошел обучение:

– в Вологодском институте права и экономики Минюста России по программе «Подготовка специалистов по проведению инструментальных психофизиологических опросов при рассле-

довании преступлений» (свидетельство № 164 выдано в 2002 г.);

– краткосрочное повышение квалификации по программе «Подготовка специалистов по проведению инструментальных психофизиологических опросов» ФГОУ «Учебный центр УФСИН России по городу Москве» (удостоверение № 478 от 29.04.06 г.);

– краткосрочное повышение квалификации по программе «Подготовка специалистов по проведению инструментальных психофизиологических опросов» ФГОУ «Межрегиональный учебный центр ФСИН России» (сертификат № 609 от 23.04.09 г.);

– краткосрочное повышение квалификации по направлению «Информационное и правовое обеспечение психофизиологических исследований с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве» ФПКП Московского Государственного института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета) (удостоверение № 09-71 от 18.12.09 г.);

– краткосрочное повышение квалификации по «Программе повышения квалификации специалистов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации в области применения полиграфа в работе с кадрами» в Региональном учебно-научном центре «Безопасность» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (удостоверение П-042 22.02.11 г.).

Основной опыт своей работы получил в подразделениях ФСИН по Республике Коми, ФСИН по Рязанской области. Общий стаж работы в качестве специалиста полиграфолога — 10 лет.

ПСИХОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ НА ПОДЧИНЕННЫХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

А. В. Сомов, Т. В. Мальцева

Аннотация: статья посвящена проблеме оптимизации управленческого воздействия руководителя на подчиненных, в ней анализируются результаты проведенного экспериментального исследования качеств и свойства личности, способствующие конструктивному психолого-управленческому воздействию на подчиненных.

Ключевые слова: руководитель, управление, психологическая управленческая компетентность, психолого-управленческое воздействие, качества и свойства личности руководителя, психологически компетентная модель отношения к подчиненному.

The summary: *this paper is devoted to optimizing the impact of managerial leader on subordinates, it analyzes the results of a pilot study skills and personality traits conducive to constructive psychological impact on the Management of subordinates.*

Keywords: *manager, management, psychological management competence, psychological and managerial impact, quality and properties of the manager's personality, psychological competence model of relationship to the slave.*

За многие годы в нашем обществе сложилось представление об управлении как о специфической деятельности, а об управленцах — как о людях, которые уже имеют какой-то управленческий опыт. Руководителями, как правило, становились лучшие специалисты или чьи-то протече-

же. Лучшее, что они могли сделать, так это перенести свои профессиональные знания на управление организацией, а затем, приобретая практический опыт и получая отдельные знания на курсах повышения квалификации, достичь того, что называется профессионализмом (Л. Шипилина, 1997, 1998; М.А. Картавый, А.Н. Нехамкин, 1999).

Уже не вызывает сомнения очевидная истина: управление — это не просто опыт, который может приобрести каждый, это область компетентного научного знания, которым необходимо овладеть, это деятельность, которая требует природных задатков, особого таланта, лидерских качеств (А.Л. Свенцицкий, 1986; Р. Таундсенд, 1991; Д. Фуллер, 1992; А.В. Файоль, 1994; Э.А. Уткин, А.И. Кочеткова, А.П. Егоршин, 1996; Б.Г. Туренко, 1998).

Проблема оценки резервов и повышения уровня культуры управления является весьма актуальной. Это связано с тем что данный вид управленческой деятельности признается одним из важных факторов успеха любой деятельности. Отсюда стремление самих руководителей выявить потенциал психологической управленческой компетентности, внутренних резервов, отыскать возможность самоактивизации (В.М. Bass, 1985; У.Д. Дункан, 1995; П.С. Гуревич, 1996).

Использование эффективных методов воздействия недостаточно для достижения целей компетентного психологического управления. Необходимым

дополнением к ним выступают личностные психологические качества руководителя. Они обеспечивают достижение целей в неформальных ситуациях и служат дополнительными средствами воздействия. С этих позиций одной из главных трудностей в реализации методов и приемов воздействия на подчиненных является нехватка руководителей, обладающих определенными психологическими качествами, развитыми коммуникативными навыками и умением компетентно воздействовать на подчиненных.

В проведенном исследовании рассматривались результаты отечественных ученых (Ф.Ф. Аунапу, В.Л. Васильев, А.А. Годунов, П.С. Емшин, А.Л. Журавлев, Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, Ю.Н. Емельянов, Б.Д. Лебин, М.Н. Перфильев, А.Н. Капустина, А.И. Китов, А.Г. Ковалев, Л.М. Колодкин, С.В. Кошелева, В.Л. Марищук, С.М. Михеева, А.Л. Свенцицкий, В.А. Чикер, Э.С. Чугунова, В.А. Ядов) и зарубежных (J. Biranas, W. Larry, P.E. Mobley, R.H. Ruhleder) авторов по теории качеств и классификации свойств личности руководителя.

Данное исследование основывается на положении, что управленческое воздействие и реализация намеченных методов его осуществления возможны лишь при знании индивидуальных особенностей подчиненных, социально-психологической мотивации и формировании соответствующего отношения руководителей к подчиненным. При этом отношение служит основным системообразующим фактором управленческого воздействия.

Американский индустриальный психолог Е. Гизели, обследуя группы менеджеров, еще в 70-х годах XX в. пришел к выводу, что отношение между интел-

лектом и эффективностью руководства носит криволинейный характер [6, с. 11–18].

Исследования психологов Ф. Фидлера и А. Лейстера также показали, что существует взаимосвязь между уровнем интеллекта и эффективностью работы, на которую оказывают воздействие и другие факторы, такие как инициативность, авторитет, уверенность, демократичность, умение выслушивать подчиненных, адекватно воспринимать и оценивать деятельность подчиненных, ответственность [5, с. 141–148].

Для более детального анализа в ходе эмпирического исследования были отобраны качества и свойства личности, способствующие конструктивному психолого-управленческому воздействию на подчиненных. К данным качествам и свойствам личности были отнесены: инициативность, демократичность, последовательность, авторитет, уверенность, умение выслушивать подчиненных, адекватно воспринимать и оценивать их деятельность [9, р. 17–23].

В процессе исследовательской работы был сделан вывод о том, что обнаруженные явления и готовность отдавать предпочтение объектам своего пола должны ориентировать управленческие структуры в правоохранительных органах на дальнейшее изучение и улучшение отношений руководителей с подчиненными. В многочисленных управленческих ситуациях, когда невозможно быстро получить какую-либо информацию о намерениях, поступках или поступках объекта, руководитель строит свои предположения, осуществляя воздействия в специальном направлении, определяемом его перцептивной и нормативной установками.

Частными проявлениями установок могут быть различные управленческие позиции. Б.Д. Парыгин считает, что «позиция личности — это отношение человека к системе норм, правил, шаблонов поведения, вытекающих из его социального положения и предписываемых окружающей его средой». Применительно к руководителю — это система взглядов на коллектив и система действий, вливающаяся в систему особых норм, правил и ожиданий, характерных для данного коллектива.

В данном исследовании была взята идея методики незаконченных предложений, разработанная Саксом и Леви. Она относится к аддитивным проективным методикам, где в тестовом задании предлагается дополнить незаконченные конструкции. Методика была адаптирована и переработана. Разработанный список неоконченных предложений включал в себя 156 пунктов.

С целью более детального уточнения нормативной позиции руководителя в процессе психолого-управленческого воздействия рассматривались реакции респондентов на незаконченные предложения. Изначально в эксперименте использовался список из 156 предложений, носящих акциональный характер и содержащих нормативные правила воздействия или обращения с объектом.

В инструкции по работе с перечнем представленных предложений говорилось, что испытуемый должен выступить в роли помощника какого-либо знакомого ему руководителя коллектива. Те незаконченные предложения, которыми следует руководствоваться, нужно было отметить в регистрационном бланке знаком «+», те, которые помешают в обращении с подчиненным — знаком

«-». Допускалось и отсутствие выбора «0», как реакция на противоречивость или неясность ситуации либо содержания утверждения.

В качестве респондентов выступили руководители правоохранительных органов (21 чел.), преподаватели (9 чел.), слушатели (108 чел.) и курсанты учебного центра (36 чел.), неаттестованные служащие (18 чел.). Всего 192 человека, из них — 162 мужчины и 30 женщин.

В целях отбора наиболее информативных позиций и сокращения размерности списка применялся факторный анализ. Процедура позволила осуществить анализ главных компонент с вращением по методу варимакс. Выделено 5 факторов. Отбирались переменные, нагружающие по возможности только один фактор. Выбрано по 10 переменных для каждого фактора, что в сумме дало 50 наиболее информативных признаков.

В процессе факторного анализа результатов, полученных в ходе исследования по первому варианту вопросника с выделением главных компонентов и вращением по методу варимакс, получено 5 шкал.

1 шкала, обозначенная нами как «*Общепринятые нормы воздействия*», определяется первым фактором. Очевидная функция таких высказываний этой группы состоит в том, чтобы в образной форме выразить основные правила воздействия: не наказывай дважды за один проступок, не хвастай, будь правдив и последователен, сочетай доверие с контролем, не переключивай свои заботы на других, не увлекайся наказаниями, знай меру шуткам, не наказывай в состоянии гнева, проявляй индивидуальный подход и не потворствуй ябедникам и угодникам.

II шкала названа условно — «*Адекватность*». В этом блоке мы видим выражения, объединенные нормой, регламентирующей последовательность воздействий и соответствие действия ситуации. Незаконченное предложение призывает к экономной трате сил, отказу от воздействий на объект, который заведомо не поддается изменению или не заслуживает внимания. Первое же незаконченное предложение следует толковать как призыв противодействовать кому-либо или избавляться от чего-либо тем же методом, которым воздействовал инициатор.

III шкала — «*Категоричность*». Требование применения крайних мер и проявления активности составляет нормативный стержень авторитарного стиля. С точки зрения автократа вполне оправданной будет позиция требовательности, принципиальности, жестких санкций за проступки, ускорения темпа деятельности подчиненных. Нередко первая часть фразы противопоставляется второй в целях усиления символического поля и увеличения дистанции с объектом.

IV шкала определяет шкалу «*Дружелюбие*». Этот блок представлен фразами совсем иного рода, чем предыдущие. Они указывают на целесообразность сближения с объектом и предписывают проявлять терпение, предоставлять свободу действий, не мучить, не причинять боли, выражать благодарность, бороться не с людьми, а с недостатками в их работе. Нормы этой группы вписываются в концепцию демократического стиля.

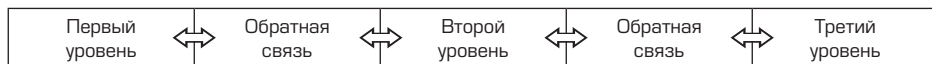
V шкала — «*Демократичность*». Позиция человека, придерживающегося рекомендаций предложений этого блока, — позиция сторонника, не вмешивающегося в стиль руководства. Рас-

суждения оставались в сфере самого человека, как бы он не высказывался: «Все здесь плохо или не имеет смысла. Плохо хвалить молодого сотрудника, потому что зазнается. Незачем вообще хвалить, потому что похвала не приносит материальных выгод».

При проведении опроса по методике, представляющей собой сокращенный список незаконченного предложения, сравнение показателей испытуемых мужчин и женщин выявило значимые различия лишь по шкале «адекватность». По этой позиции женщины существенно опередили мужчин, набрав в среднем 7,7 баллов из 10. В то же самое время мужчины были более радикальными (4,18), чем женщины (2,98), хотя эти различия и не достигли уровня значимости. Полученные результаты свидетельствуют, что у женщин-сотрудниц формируется особая организационная культура, включающая в себя специфический набор взглядов, ценностных ориентаций, трудовую мораль, довольно существенно отличающуюся от «мужской».

В целях успешного осуществления психолого-управленческих воздействий предлагается реализовать *психологически компетентную модель отношения к подчиненному*. Такая модель строится на утверждении, что управленческое воздействие есть результат сочетания разнообразных индивидуальных особенностей руководителя и подчиненных: их установок, отношений их на сформированный рефлексивный уровень интеллекта и его включенность во все мыслительные процессы, аналитическую и управленческую деятельность. Следовательно, позитивные изменения отношений руководителей с подчиненными необратимо приводят к значительным

переменам в управлении правоохранительными органами и повышению эффективности оперативно-служебной деятельности. Процесс воздействия при этом может состоять из трех уровней с обратной связью в виде изменяемых переменных для каждого фактора выделенных главных компонентов.

Первый уровень связан с установлением эффективных взаимоотношений с подчиненными, мотивацией и формированием социально-психологических установок.

Второй уровень связан с организацией при исполнении приказов, устранением рассогласований в деятельности подчиненных за счет увеличения их информации, средствами деятельности и формирования способностей к деятельности в правоохранительных органах, при выработке и заключении *нравственно-психологического контракта* с подчиненными, в котором фиксируется совокупность ожиданий руководителя и сотрудника.

Третий уровень связан с контролем и оценкой результативности деятельности подчиненных. Проведение циклов занятий с руководителями, посвященных изучению методов и приемов психолого-управленческого воздействия на подчиненных, создание учебно-тренировочных курсов, создание письменных стандартов (правил, этических кодексов) поведения сотрудников в различных служебных ситуациях и возможных мер реагирования на нарушения, избежание публичных и чрезмерных наказаний или критики подчиненных, информирование

сотрудников о возможных изменениях в требованиях и др.

Итак, следует отметить, что предлагаемая модель имеет две составляющие: человеческие и управленческие ресурсы. Данные ресурсы, в свою очередь, имеют два ситуативных блока: реальный и перспективный (возникает в результа-

те личностных напряжений и при накоплении руководителем управленческих знаний, навыков и способностей), и соответственно три уровня взаимодействия успешной реализации психологически компетентной модели воздействия руководителя на подчиненных в его управленческой деятельности.

Литература

1. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: учебник / под общ. ред. В.Я. Кикотя. — М.: ЦОКР МВД РФ, 2009. — 582 с.
2. Практическая юридическая педагогика: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 693 с.
3. Прикладная юридическая педагогика: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. — М., 2008. — 597 с.
4. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: в 2 т. — М., 2001. — Т. 1. — С. 14–18.
5. *Ревская Н.Е.* Психология менеджмента. — СПб.: Альфа, 2001. — С. 235.
6. *Рыбакова О.* Феномен лояльности персонала персоналу // Управление персоналом. — 2006. — № 10. — С. 11–18.
7. *Шестаков А.Г.* Психологическая модель оптимизации отношения начальника к подчиненному // Новые технологии обучения и пути их внедрения в учебный процесс вузов МВД РФ. — СПб.: СПб ВИ ВВ МВД России, 1997. — С. 55–69.
8. *Шипилова О.А.* Психологический портрет менеджера по персоналу // Управление персоналом. — 2005. — № 5. — С. 41–48.
9. *Biranas J.* High-tech executive skills: what new research shows // Journal European Industrial Training. — 1987. — № 4. — P. 17–23.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ФАКТОРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У ОФИЦЕРОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВОЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

А. С. Кузнецова, П. А. Семяничева

Аннотация: статья раскрывает восприятие офицерами общей ситуации и психологической обстановки в современной армии. В работе определены основные факторы риска, включающие воздействие как традиционных для данного вида труда стрессоров, так и инновационных процессов в организации. Показано, что при выраженной мотивационной направленности на выполнение профессионального труда в рамках выбранной профессии пониженный уровень удовлетворенности трудом выступает как признак наличия негативных изменений в системе средств саморегуляции военнослужащих.

Ключевые слова: профессиональный стресс, удовлетворенность трудом, копинг-поведение, мотивационные ресурсы, реформа в вооруженных силах.

The summary: the article reveals the military officers perception of the overall situation and the psychological atmosphere in the army during the beginning of military reforms. The research defines the main risk factors, including the impact of both types of work stressors: the traditional for this kind of work and the innovative factors. The results reveal the maintaining of motivational orientation towards work in the chosen profession in spite of the work tension increase; at the same time the reduced level of work satisfaction indicates the negative changes in the self-regulation system.

Keywords: occupational stress, work satisfaction, coping, motivational resources, military reforms.

Военная служба является особым видом федеральной государственной службы. Это весьма специфичная деятельность, осуществляющаяся в условиях жестких нормативных предписаний, строгой временной регламентации, особых взаимоотношений между военнослужащими в общении друг с другом. Данный вид профессиональной деятельности требует постоянного напряжения физических сил, психической стабильности, высокой мобилизационной готовности, повышенной бдительности, а также осознания высокой личной ответственности перед обществом и государством. Жизнь офицеров насыщена стрессогенными ситуациями не только в боевой, но и в повседневной деятельности, основное содержание которой составляют всесторонняя подготовка и поддержание постоянной боевой готовности воинских частей. Повседневная служба не меньше, чем боевая сопряжена с опасными ситуациями. Важно, что жизнедеятельность офицеров осуществляется в соответствии с правилами внутренней службы, которые требуют организованных действий военнослужащих независимо от их желаний.

Общеизвестно, что в течение нескольких десятилетий функционирова-

ние Вооруженных сил (ВС) РФ в условиях реорганизации общественной системы привело к накоплению комплекса проблем, которые постепенно снижали эффективность армии по обеспечению безопасности страны. По словам В.В. Путина, «армия была фактически деморализована и небоеготова... денежное довольствие военнослужащих было откровенно нищенским, да и выплачивалось несвоевременно...» [16]. Сложившаяся ситуация требовала признания необходимости вывода оборонного ресурса страны из кризисной ситуации как неотложной задачи общества и государства. По инициативе Правительства РФ и Министерства обороны (МО) РФ в 2008 г. в ВС были развернуты процессы стратегической, структурной, технологической и культурной реорганизации.

В середине последнего десятилетия планируемые перемены в ВС России были обозначены как создание «нового облика» российской армии. МО РФ поставило целью сделать армию компактной, мобильной, технически оснащенной и способной противостоять современным военным угрозам. Для реализации возложенных на МО функций в 2008 г. были увеличены объемы ассигнований на 26 % по сравнению с 2007 г.

Принципиальные изменения вводились в рамках кадровой реформы ВС об оптимизации численности военнослужащих согласно выписке из Указа Президента РФ от 29 декабря 2008 г. № 1878 [13]. Оптимизации численности военнослужащих должно было способствовать и сокращение набора абитуриентов в военные вузы, а количества самих вузов — до десяти. Было также принято решение о сокращении штатного состава: ежегодно было запланиро-

вано увольнять около 40 тыс. военнослужащих (параллельно с реализацией программы соцобеспечения увольняемых военнослужащих и решением вопроса о предоставлении им жилья). За счет сокращения офицерских должностей отчасти было запланировано повысить денежное довольствие сохраненного офицерского состава. Кроме того, в 2008 г. Президент РФ Д.А. Медведев одобрил предложение о создании специального поощрительного фонда министра обороны на сумму 100 млрд рублей, денежные средства которого должны были пойти на поощрение лучших военнослужащих.

Однако главным направлением кадровых реформ в армии стала реализация идеи сохранения наиболее профессионально подготовленных и мотивированных на военную службу кадров. В связи с этим в конце 2008 г. началась аттестация военнослужащих, результаты которой должны были стать основой для определения уровня и потенциала каждого офицера. В целях реализации соответствующего приказа № 400 были составлены особые списки офицеров (около 30 тыс. человек), которым назначалось дополнительное ежемесячное денежное вознаграждение в зависимости от воинской должности и квалификации [12].

Изменения в армии были восприняты в рядах ВС неоднозначно. Особенно непривычным был вводимый приказом № 400 элемент соревновательности. По мнению министра обороны, «офицеры отчасти не были готовы к такой постановке вопроса. Быть может, потому что даже в лучших частях приказ разделил людей на достойных и не достойных премии...» [5, с. 1]. В подобных условиях

сопротивление переменам со стороны служащих организации было совершенно естественно. И без того измученные тяжелым положением военнослужащие были поставлены перед необходимостью участвовать в процессе реформирования армии при отсутствии адекватного уровня психологической готовности к таким широкомасштабным инновациям. Результатом стали вполне ожидаемые психологические последствия отсутствия готовности офицерского состава к инновационным преобразованиям: опасения по поводу слишком большой цены перемен, беспокойство относительно качества предлагаемых нововведений, эмоциональные реакции сожаления по поводу необходимости расстаться с привычным образом жизни.

Представленное в данной статье исследование было выполнено в декабре 2009 г. — январе 2010 г., то есть в период начала инновационных преобразований в кадровой сфере. К этому времени военнослужащие уже достаточно долго находились под прессингом стресс-факторов в связи с проводимыми реформами. Надо также учитывать, что жизнь офицера не ограничена только служебными обязанностями — события стрессогенного характера часто случаются и в личной жизни. Нетрудно представить всю сложность положения офицеров армии, их замешательство от проводимых реформ, чувство неопределенности как в настоящем, так и в будущем. На момент проведения исследования уже начались массовые сокращения, при этом военнослужащие не всегда были достаточно и адекватно информированы о происходящем, часто не знали, вступят ли в силу ожидаемые изменения, а постоянное переживание

чувства неопределенности сказывалось на их эмоциональном состоянии, вызывая апатию и подавленность. Служащие пытались узнавать друг у друга, появились ли где-то изменения, ввелись ли где-то изменения, произошли ли увольнения, дали кому-то материальное поощрение или же нет, кто «попал в 400-й приказ», а кто — нет. Армия была заполнена организационными слухами, по большей части отрицательными, негативно влиявшими на состояние военнослужащих. Естественно было ожидать роста эмоциональной напряженности и, как результата, возможных сбоев в функционировании системы адаптационных ресурсов.

Данное исследование выполнено на контингенте офицеров Космических войск. Безусловно, все основные требования служебной деятельности в ВС РФ и стресс-факторы реформирования ВС полностью распространяются и на офицерский состав Космических войск. Вместе с тем этот род войск имеет и свою особую специфику: военная деятельность офицеров Космических войск представляет собой особую разновидность операторского труда по управлению орбитальной группировкой, которая является второй по величине в мире. Военнослужащие Космических войск являются высококвалифицированными специалистами, выполняющими военные задачи в условиях крайне высокой ответственности за результаты труда.

Обзор научной литературы по открытым публикациям показал, что в течение 20 лет психологические исследования среди этого профессионального контингента не проводились. Одно из последних масштабных исследований аналогичного по содержанию труда кон-

тингента выполнено рабочей группой сотрудников факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова под руководством А.Б. Леоновой в 1985–1991 гг. В указанном исследовании был выявлен основной вектор перестройки системы средств саморегуляции деятельности — интенсивная эмоциональная гипермобилизация как механизм адаптации к стресс-факторам роста уровня сложности рабочих задач [1; 2; 9].

Важно подчеркнуть, что одним из специфичных факторов риска развития неблагоприятных состояний по типу стресса является необходимость постоянно в течение всей рабочей смены обеспечивать высокий уровень надежности и мобилизационной готовности [6; 7; 11; 15]. Именно поэтому в данном виде труда эффективная саморегуляция выступает ключевым психологическим ресурсом и интерпретируется как одна из основных профессиональных компетенций [6].

Следует отметить, что военные операторы сложных технических систем всегда относились к элите ВС. В советское время огромное внимание уделялось обеспечению высокого качества их жизни, в том числе для того, чтобы предоставить военным специалистам все возможности для полноценного восстановления после напряженных рабочих смен. Сложившееся на данный момент положение дел в военной сфере свидетельствует об очевидном ухудшении объективных условий жизни и росте субъективной напряженности в ответ на нестабильность ситуации и неуверенность в своем профессиональном будущем даже в этом особом, элитном роде войск. В связи с этим в настоящее время

крайне актуальными являются исследования по проблеме анализа влияния факторов субъективной оценки качества жизни и степени напряженности труда на динамику ресурсов психологической саморегуляции специалистов.

Цель нашего исследования — выявление взаимосвязи особенностей субъективного образа составляющих качества жизни, факторов профессионального стресса и удовлетворенности трудом на начальном этапе кадровой реформы в ВС. Было выдвинуто предположение, что в условиях реформирования ВС РФ воздействие процесса инновационных изменений, вызывающего чувство неопределенности в будущем и повышение беспокойства, будет проявляться в субъективном образе рабочих ситуаций как значительно напряженных и стрессогенных. В подобных обстоятельствах интегративная оценка удовлетворенности трудом будет высока только в тех случаях, когда человек увлечен своей работой (как правило, в таких случаях содержательная специфика профессионального труда выступает как мощный внутренний мотиватор), вследствие чего функционирование системы средств саморегуляции обеспечивает успешное преодоление негативных последствий общеотраслевых, организационных и профессиональных стресс-факторов и обеспечивает эффективную ситуативную адаптацию.

В исследовании приняли участие 42 офицера, все — мужчины. Средний возраст респондентов — 24 года, средний срок выслуги — 7 лет. Для выполнения поставленных задач был сформирован диагностический пакет с целью сбора эмпирических данных. В него были включены: анкета для оценки удовлет-

воренности работой [3], опросник для оценки качества жизни [15] и опросник трудового стресса в адаптации [11]. Заполнение методик происходило на условиях полной анонимности и конфиденциальности. Полученные данные обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS 16.0 для Windows.

Анализ собранных эмпирических материалов позволил установить следующие факты. Офицеры оценивают общий уровень своего *качества жизни* как нормальный. Максимально высоко по сравнению с другими параметрами военнослужащие оценивают наличие социальной поддержки ($M=85,95$ бал./ $\sigma=16,829$), состояние здоровья ($M=80,71$ бал./ $\sigma=11,769$) и сексуальной жизни ($M=80,48$ бал./ $\sigma=19,248$). Сниженные оценки качества жизни получены по показателям оценки материального достатка ($M=33,45$ бал./ $\sigma=19,047$), жилищных условий ($M=32,86$ бал./ $\sigma=22,090$) и степени реализации духовных потребностей ($M=55,71$ бал./ $\sigma=24,409$). Важно подчеркнуть, что к границе диапазона сниженной оценки близка оценка работы ($M=61,48$ бал./ $\sigma=15,171$).

Анализ данных представлений офицеров об основных источниках *трудового стресса* позволил выявить 8 основных стрессоров: несправедливость в оплате труда ($M=48,33$ / $\sigma=22,882$), сверхурочная работа ($M=37,02$ / $\sigma=18,961$), ограниченные возможности профессионального роста ($M=31,50$ / $\sigma=18,272$), несоответствие поручаемых задач профессиональным обязанностям ($M=37,02$ / $\sigma=20,235$), необходимость пользоваться плохим или неподходящим для работы оборудованием ($M=32,69$ / $\sigma=13,776$), чрезмерная нагрузка по работе с доку-

ментацией ($M=32,05$ / $\sigma=20,635$), необходимость выполнять работу за других ($M=37,55$ / $\sigma=18,210$), низкая трудовая мотивация сослуживцев ($M=36,21$ / $\sigma=17,841$). При этом показатель *удовлетворенности трудом* у офицеров составил в среднем 39,21 балла, что свидетельствует о наличии чувства недовлетворенности своей работой в настоящее время. По результатам корреляционного анализа были обнаружены значимые отрицательные связи между показателями удовлетворенности работой и такими параметрами качества жизни, как: материальный достаток ($r=-0,550$ / $p=0,0$), район проживания ($r=-0,372$ / $p=0,015$), отдых (сон, физическая активность) ($r=-0,312$ / $p=0,045$), положение в обществе ($r=-0,391$ / $p=0,01$), работа ($r=-0,539$ / $p=0,0$) и жизнь в целом ($r=-0,382$ / $p=0,012$).

Интерпретация собранных материалов позволяет выдвинуть некоторые предположения об особенностях функционирования системы средств саморегуляции состояния в сложившихся напряженных условиях труда. Эти предположения основаны на анализе данных о соотношении субъективно значимых факторов нестабильности жизни/работы и удовлетворенности трудом как одним из интегративных критериев эффективности адаптации в эмоционально напряженных условиях.

Наиболее низкую оценку качества жизни офицеры дают в отношении оплаты труда, качества жилья и удовлетворенности духовных потребностей. Как известно, материальное благополучие имеет большое значение для удовлетворенности работой и качеством жизни в целом: офицеры в обследованной выборке не просто недовольны своим

материальным положением — это недовольство выступает как одна из важнейших причин неудовлетворенности и работой. В то же время офицеры высоко оценивают такие показатели качества жизни, как социальная поддержка, хорошее состояние здоровья и сексуальной жизни. Вероятно, это можно рассматривать как те ресурсы, которые помогают им справляться со сложной жизненной и профессиональной ситуацией.

Имеет смысл отдельно проанализировать специфику таких значимых для офицеров источников стресса, как необходимость выполнять работу за других и низкая трудовая мотивация сослуживцев. В современной армии указанные стресс-факторы могут проявляться и из-за того, что некоторые военнослужащие «не появляются» на службе при существовании определенной договоренности с нужными людьми, и из-за общей нехватки количества военнослужащих на объектах. Определенную долю приносят и происходящие в армии изменения, а именно сокращение числа военнослужащих. Все это в конечном итоге приводит к тому, что «служить некому», и считанному числу военнослужащих приходится служить «за всех», что проявляется в регулярных переработках, а следовательно, росте рабочей нагрузки, недостатке отдыха, снижении удовлетворенности своей работой и т. д. Причины низкой трудовой мотивации в настоящее время во многом проистекают из сложившейся неблагоприятной обстановки в армии (плохая социально-экономическая ситуация, снижение значимости и престижа профессии) и особенностей субъективного восприятия проводимых организационных инноваций (пессимистическое отношение к ре-

формам и неготовность к ним; переживание неопределенности, страх совершить ошибку; перспектива сокращения или преждевременного выхода на пенсию; представления о несправедливой, неравной оплате труда и т. п.).

Эмпирические данные показали низкую степень удовлетворенности работой. При этом важно, что специфика содержания работы и социальной миссии профессионального труда офицеров (обеспечение обороноспособности России) остаются важными внутренними мотиваторами. До определенной степени действию объективных условий организационных и отраслевых перемен как мощным стресс-факторам противостоит внутренняя направленность на сохранение себя как профессионала и мотивационная ориентация на субъективную привлекательность содержания труда. Можно считать этот факт свидетельством относительно стабильного функционирования мотивационных ресурсов саморегуляции, основанных на значимости содержательных мотиваторов профессиональной деятельности [4; 10]. Это позволяет надеяться на то, что повышенные требования к морально-этическим качествам военнослужащих и надежности их профессионального труда [6; 14; 17] являются не просто декларативными заявлениями, давно и прочно устаревшими из-за многолетнего пренебрежения к труду военнослужащих и падения социального престижа военного труда, но и реально функционируют как важные регуляторы в системе психологических ресурсов.

Вместе с тем чувство гражданского долга, требования к любому военнослужащему быть честным и храбрым, проявлять патриотизм и разумную инициа-

титу, быть способным в случае необходимости оказать решительное сопротивление противнику нельзя эксплуатировать до бесконечности. В настоящее время объективные трудности и субъективная напряженность жизни офицеров — это весомые факторы риска, способные перевесить интерес к профессии и способствовать «вымыванию» лучших специалистов из рядов ВС. Эмпирические данные подтверждают эти опасения. Регрессионный анализ показал, что на показатель удовлетворенности работой значимо влияют: 1) оценка качества жизни по параметру материальный достаток ($\beta = -0,428 / p < 0,001$); 2) наличие неприятных обязанностей и противоречивых поручений ($\beta = 0,365 / p = 0,001$); 3) конфликты с другими подразделениями организации ($\beta = -0,342 / p = 0,001$); 4) ограниченные возможности профессионального роста ($\beta = 0,298 / p = 0,006$). Регрессионная модель, включающая в себя приведенные показатели, объясняет 65 % дисперсии переменной удовлетворенность трудом ($R^2 = 0,650 / p < 0,001$) и дает хорошее представление о воздействующих факторах.

Таким образом, интерпретация полученных данных помогла выявить специфику оценки офицерами Космических войск общей ситуации в армии и происходящих в ней перемен и потенциально определить основные факторы риска, специфичные для сложившейся ситуации в ВС: офицеры испытывают стрессогенное воздействие традиционных для содержания профессионального труда факторов и одновременно к этому добавляется специфика инновационных стресс-факторов.

В качестве основных выводов можно обозначить следующие результаты:

1. Офицеры весьма низко оценивают многие важные параметры качества жизни и остро воспринимают влияние профессиональных стрессогенных ситуаций; они испытывают чувства нестабильности в социальных и материальных условиях жизни, неуверенности в своем статусе и надежности профессионального положения. Это можно рассматривать как психологические последствия переживания негативной социально-экономической ситуации в армии в целом, непонимания проводимых инновационных реформ, а также отсутствия психологической готовности к их проведению.

2. По оценкам офицеров, они не вполне удовлетворены своей работой. Не исключено, что сниженный уровень удовлетворенности работой можно интерпретировать как косвенное свидетельство возможных негативных сдвигов в системе слаженного функционирования адаптационных ресурсов и сбоев в работе системы средств саморегуляции состояния. Вместе с тем чрезмерно низких значений удовлетворенности трудом получено не было. Предполагаем, что этот факт отражает мотивационную направленность на работу в данной сфере за счет сохранения привлекательности содержания труда.

3. Факторы материального вознаграждения крайне значимы для понимания причин неудовлетворенности офицеров своей работой. Опасения резкого ухудшения уровня жизни (и так достаточно низкого у большинства военнослужащих) выступают как основные причины риска снижения адаптационного потенциала офицеров за счет изменений в структуре базовых мотиваторов труда. Как следствие, система средств саморе-

гуляции состояния не может обеспечить эффективное выполнение деятельности и успешную адаптацию к сложному жизненному периоду.

В заключении необходимо подчеркнуть, что в данном исследовании было важно обратить внимание на качество функционирования системы ресурсов психологической саморегуляции в условиях инновационных перестроек ВС, на которое оказывает влияние не только специфика конкретной профессии, но и особенности сложившейся ситуации в организации и в отрасли в целом. Негативная обстановка в армии провоцирует снижение эффективности функционирования системы психологической саморегуляции как результат изменения мотивационных ресурсов личности. Это выводит на предположение о том, что сохранение внутренней мотивационной направленности на интересную для сотрудников и важную для общества работу является одним из основных факторов стабильности работы системы психологической саморегуляции в условиях инновационных перестроек. Актуальность разработки этого направления психологических исследований очень высока, и работы по проблематике изучения содержательной специфики и механизмов саморегуляции военнослужащих будут продолжены.

Литература

1. *Leonova A.B.* Occupational stress, personnel adaptation, and health // Spielberger C.D., Sarason I.G. (Eds.) Stress and emotion: Anxiety, anger, and curiosity. — Washington, DC: Taylor & Francis, 1996. — Vol. 16. — P. 109–125.
2. *Leonova A.B.* Psychological means for the control and prevention of industrial stress in computerized working places // European Work and Organizational Psychologist. — 1993. — № 3 (1). P. 1–27.
3. *Верещагина Л.А.* Оценка удовлетворенности работой // Практикум по психологии менеджмен-

- та / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. — СПб.: Питер, 2003. — С. 311–321.
4. *Гаврилов Ю.В., Черняк И.А.* Армия при цели // Рос. газ. — 2009. — 24 дек. — С. 1.
 5. *Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л.* Психологические предпосылки эффективности боевой деятельности воинов. — М.: Воениздат, 1999.
 6. *Инженерная психология в военном деле* / под ред. Б.Ф. Ломова. — М.: Воениздат, 1983. — 224 с.
 7. *Котик М.А., Емельянов А.М.* Природа ошибок человека-оператора. — М.: Транспорт, 1993. — 252 с.
 8. *Леонова А.Б.* Психологические средства оценки и регуляции функциональных состояний человека: дис. ... д-ра психол. наук. — М.: ИПАН, 1988.
 9. *Леонова А.Б.* Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. Психология. — 2007. — № 1. — С. 87–104.
 10. *Леонова А.Б., Величковская С.Б.* Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Психология психических состояний / под ред. А.О. Прохорова. — Казань: Центр инновационных технологий, 2002. — Вып. 4. — С. 326–343.
 11. *Лопань А.В.* Психологические аспекты военной службы. — М.: МАИ, 2004. — 120 с.
 12. О награждении деньгами офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министра обороны РФ от 2 августа 2008 г. № 400 // Официальный сайт Министерства обороны РФ. — Режим доступа свободный. — URL: <http://www.mil.ru/849/11873/1062/1347/1816/13139/index.shtml?id=50793>.
 13. О некоторых вопросах Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1878 (выписка) // Официальный сайт Президента России. — Режим доступа свободный. — URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
 14. *Обознов А.С.* На пути построения системной модели психической регуляции операторской деятельности // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. — М.: Ин-т психологии РАН, 2005. — С. 385–404.
 15. Практикум по психологии здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. — СПб.: Питер, 2005. — 351 с.
 16. *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» от 8 февраля 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. — Режим доступа свободный. — URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>.
 17. *Филлимонов Д.А.* Военная психология: в 2 ч. — Пенза: Пензен. гос. пед. ун-т имени В.Г. Белинского, 2002. — Ч. 1. — 215 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СУДЕЙ

Л. И. Бершедова, Н. А. Коваль, К. В. Бершедов

Аннотация: в статье рассматриваются сущностные особенности феномена корпоративной культуры, проводится анализ содержательных оснований корпоративной культуры судей и психологических условий и показателей ее развития.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративная культура судей, судейская позиция.

The summary: This article considers the essential features of the phenomenon of corporate culture, an analysis of substantive bases of the corporate culture of judges and psychological conditions of its development.

Keywords: corporate culture, corporate culture judges, judicial position.

Процессы судебной реформы в значительной степени преобразили современную социальную ситуацию развития системы правосудия в направлении гуманизации ее ценностно-смысловых ориентаций, целей, форм и методов, в основе которых утверждается ценностное отношение к человеку, его правам и свободам. Сближение гуманитарной и нормативной составляющих правосудия обозначили новый этап, в ходе которого его культурные основы приобретают институциональную норму, преобразуя таким образом социально-психологические и ценностные основания интегративного единства профессионального сообщества судей. В научном измерении это актуализирует постанов-

ку проблемы формирования эффективной корпоративной культуры судей. Принципиальная важность изучения указанного вопроса определяется еще и тем, что «корпоративизм» судей в современных общественных оценках трактуется чаще всего в негативном аспекте, как отход от нравственных норм, искажение профессиональных ценностей, проявление коррупции. Спонтанность, стихийность и непредсказуемость как особенности корпоративной культуры судей и их личностной идентичности с культурно-ценностным содержанием своей профессиональной среды в целом выступают существенным препятствием на пути осуществления справедливого правосудия. Психологическое осмысление данной проблемы включает в себя три исходных аспекта — это выделение феноменологических особенностей корпоративной культуры, определение ее содержательно-смысловых характеристик в системе правосудия и выявление психологических закономерностей развития. Рассмотрим эти вопросы в обозначенной логике.

Общая ориентация исследователей в понимании феномена корпоративной культуры связана с признанием ее фактором инновационных культурных преобразований в сфере социальных, профессиональных и деловых отношений организации. В целом анализ исследований свидетельствует, что проблема корпоративной культуры рассматривается с позиций ее сущности и функ-

ций, особенностей функционирования и действенности, специфических закономерностей развития и формирования и раскрывается в следующих характеристиках.

Культура, по определению В.П. Зинченко, едина, универсальна, интегральна [2]. С одной стороны, в корпоративной культуре находят свое специфическое выражение все основные признаки и элементы культуры общества — представления, символы, ценности, идеалы, нормы, образцы поведения и т. д. С другой — она культура является самостоятельным и неповторимым социально-психологическим феноменом, отражающим уникальные характеристики организации, ее духовный фокус, философию судьбы, идеологию, миссию. Культура и корпоративная культура — это системы разного уровня, находящиеся в отношении общего и особенного.

Проявления корпоративной культуры многообразны, о чем свидетельствует широкий спектр ее определений, представленных в исследованиях. Общим для большинства подходов является признание системной организации корпоративной культуры, что определяет ее как целостное, сложно организованное образование.

Элементы корпоративной культуры, как и культуры в целом, отражают ее ценностно-ориентирующий характер и нормативно-регулятивную функцию. Сущностное ядро любой культуры состоит из традиционных — исторически унаследованных и отобранных — идей и связанных с ними ценностей. Уникальность той или иной корпоративной культуры составляет совокупное содержание уровней ценностно-смысловых ориентаций. Благодаря наличию ценностного

ядра корпоративная культура обеспечивает групповую и индивидуальную идентичность. Таким образом, корпоративная культура как система общепринятых символов, ценностей, норм, предпочтений, приобретает значение «социального клея», «силы сцепления» (М. Элвессон), которые удерживают организацию как единое целое и определяют эффективность ее деятельности.

Исходно корпоративная культура представляет собой порождение коллективной жизнедеятельности людей, но существует и развивается через культуру каждого члена сообщества. Эффективность ее функционирования определяется степенью принятия членами организации основных ценностей, приверженности им и реализации в процессе деятельности. Действенность культуры находит свое выражение в индивидуализированных формах поведения. «Личность представляет собой живое ядро культуры. Без нее невозможны акты культурной жизни» [2, с. 48]. Это определяет уровни существования корпоративной культуры: потенциальный — идеальный, определяющий идеологию организации, и актуальный — реальный, как уровень отдельного субъекта, который переводит структуры культуры на уровень функционирования. На уровне организации культура существует как возможность, «приглашающая сила», «субъект для нее есть вероятность, желаемость и ожидаемость» [2, с. 56]. На индивидуальном уровне происходит (или не происходит) деятельное освоение культуры, которое приводит в соответствие индивидуальное с групповым. Корпоративная культура на уровне отдельного субъекта — явление индивидуальное. Таким образом, сила корпора-

тивной культуры определяется степенью принятия и освоения членами организации основных ее ценностей, характером приверженности им и их реализацией в деятельности и поведении.

Процессуально-динамический характер корпоративной культуры, а именно «...жизнь культуры, ее преобладание и постоянное становление» [2, с. 46] задает этапы ее развития, каждый из которых характеризуется специфическим состоянием элементов культуры и их ролью в развертывании процесса развития на всех ее уровнях. В качестве системообразующего основания, обеспечивающего этот процесс и приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие, выступает целенаправленная совместная и профессиональная деятельность.

Полное смысловое и структурно-содержательное понимание этой культурной формы возможно только в ее естественном социальном пространстве и времени, вне которого она теряет свою содержательную наполненность и нормативно-регулятивную функциональность [3]. Обратимся к анализу содержательных оснований корпоративной культуры судей.

Исходно специфические особенности корпоративной культуры судей определяются назначением — миссией правосудия в обществе. По определению юристов, суд есть явление, связанное только с правом. Ценностный приоритет в деятельности суда — это права человека. Обладая монопольными полномочиями в решении правовых споров, суд, таким образом, выступает носителем универсальной власти относительно ограничения прав и свобод человека. Такая власть ограничена двумя требованиями

— суд независим и подчиняется только закону. «Органом законов» (Г.В. Гегель), единственным субъектом судопроизводства выступает судья. «Приговор состоит из двух элементов: один из них закон, второй — мнение, точка зрения, характер судьи и эта вторая сторона в значительной степени существует» [1, с. 27]. Это означает, что в осуществлении правосудия всегда присутствует элемент личной власти. В таком измерении проблеме корпоративной культуры судей можно определить как вопрос о соразмерности общественного назначения — институциональной функции — и «человеческого материала» как носителя этой функции [4]. Доверие общества к суду формируется конкретными судьями в конкретных процессах.

Судья — продукт своего времени, он живет в данное время и в данном обществе, следовательно, его идеальные характеристики есть отражение определенных культурных и исторических контекстов. По определению П.А. Ибаныеса, можно говорить о существовании двух идеальных типов или моделей суда, каждая из которых предполагает и определенные организационные, культурные, этические характеристики судьи.

Первая модель («наполеоновская») характеризуется высокой степенью подчинения правосудия политической власти. Независимость, беспристрастие, справедливость (как константные характеристики суда) в данных рамках являются формальными ценностями, обеспечение их на практике невозможно. Корпоративизм судей в этой модели принимает негативный характер, оканчивается отключением от культуры и враждебным ей. Вопрос о профессио-

нальной идентификации судьи не стоит как социокультурная проблема.

Вторая модель («конституционная») отражает «конституционный подход» к правам человека и соответственно к концепции судебной власти, стоящей вне политики и способной обеспечить эти права. Преобразование организационной парадигмы предполагает и изменения культурного порядка, что выражается в форме отношения к закону, а именно определению его конституционности. Самое главное требование к судье такой модели — это то, что он должен четко сознавать факт личной власти и поставить себя в условия строжайшего самоконтроля за подобной дополнительной властью в принятии решений. В этом смысле одной из составляющих этической позиции судьи должна стать его «беспокойная» совесть как гарантия культурного свойства, не предписанная никаким законом, однако ее принципиальный характер не вызывает сомнений [7]. В указании на «беспокойную» совесть интегрируется личностное начало как индивидуальное культурное качество судьи, гуманитарная составляющая его профессионализма, соразмерная функции суда в обществе.

Корпоративная идеология современного российского правопонимания определяет конституциональную модель суда и черты идеального судьи, что обозначило новый переходный этап в развитии системы правосудия, в ходе которого культурные основы приобретают институциональную форму.

Содержательно новая корпоративная идеология правосудия (как система идей, ценностей, норм, установок) задается сущностными особенностями права и правовой реальности, выступая в

правовой действительности профессиональной деятельности судей в виде единства трех следующих форм.

Во-первых, это идея права, представляющая собой абстрактное, идеальное выражение его сущности в виде системы ценностей. Г.В. Гегель считал, что почвой права является духовное. Это означает, что право развивается на духовной основе, а основные правовые ценности — равенство, свобода, справедливость — представляют собой вид духовных ценностей, в совокупности характеризующих человека как высшую ценность. Человеческое достоинство и свобода признаются и гарантируются в качестве абсолютных масштабов справедливости.

Деонтологический характер правовых ценностей означает их принадлежность к сфере должного, что обуславливает их нормативную силу в деятельности судьи как субъекта права и определяет формирование правоприменительной практики как гуманитарной, в основе которой реализуется ценностное отношение к любому человеку и его правам.

Во-вторых, это правовые нормы, выраженные в форме закона. Закон как общая норма для множества случаев является властно общеобязательным. Судебный процесс жестко регламентирован законодательными актами, предписаниями, нормами в целях снижения возможностей злоупотребления судебной властью. На самостоятельность и независимость судебной власти, объективность и беспристрастность судей как важнейшие составляющие, которые гарантируют защиту прав и свобод человека, также указывается в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Вме-

сте с тем как в судебном установлении фактов, так и в применении и толковании норм права, в судебском усмотрении как выборе из ряда законных возможностей, а также там, где находится место, не урегулированное специальными правилами, возникает пространство для принятия решений, которое судье приходится заполнять, опираясь на свои собственные личностные ресурсы. Окончательное решение, таким образом, зависит от судебской философии судьи, его подхода и отношения к судебной функции, его нравственного потенциала и мировоззрения, этических установок и представлений, его личной ответственности как субъекта профессиональной деятельности. Вся судебская объективность содержит большую дозу субъективности в смысле определенной субъективизации объективного.

Следует отметить, что новая форма процесса в какой-то степени «узаконивает» и личностные элементы при вынесении судебного решения, утверждая, что судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, «руководствуясь при этом законом и совестью». Н.В. Радутная в связи с этим отмечает, что включение в закон таких этических категорий, как «совесть», «справедливость», «достоинство», связано с достаточно сложным процессом свободной оценки, обусловленной только законами объективными и субъективными «внутри нас» [7, с. 16]. Эта проблема лежит вне области внешнего нормативного регулирования, поскольку сколь бы изощренным оно ни было, всегда есть «выпадающая из него» субъективная составляющая.

Правовые ценности и правовые нормы в форме закона определяют в своей

совокупности потенциальный (идеальный) уровень корпоративной культуры судей, выступая ценностно-нормативной и регулятивной основой их реальной деятельности.

В-третьих, это правовые действия, или правореализация. Центральной фигурой этого процесса является судья (как исполнитель нормы по отношению к другим людям). В поведении судьи правовые ценности, нормы, предписания должны обрести конкретные способы реализации и перейти из объективно-правовой сферы в определенную деятельность. Кроме того, поведение судьи регулируется правилами ненормативного характера. По мнению ряда авторов, особенности профессиональной деятельности судьи создают особые типы ситуаций взаимодействия между людьми и требуют соответствующих моральных и нравственных императивов. А.Ф. Кони, основатель отечественной судебной этики, подчеркивал, что наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг, поэтому судебный деятель всем своим образом действий должен стремиться к осуществлению нравственного закона [5]. Нормы профессиональной морали и этические правила поведения российских судей представлены в корпоративном акте — Кодексе чести судьи РФ — в форме ценностей и идеальных образцов, нравственных принципов и отношений, основными из которых являются: гуманизм, милосердие, совесть, честность, честь, личное достоинство, добро, долг. Приверженность этим этическим принципам не позволяет унижать человеческое достоинство участников процесса, понимание сущности выполняемой функции

и принадлежность к судебной власти определяют собственное достоинство судьи. Эти нормы касаются как профессиональной деятельности, так и внесудебной жизнедеятельности. И направлены они на то, чтобы в поведении судьи ничто не вызывало сомнения в его независимости, объективности, беспристрастности, справедливости. Есть все основания говорить о позитивной этике судьи. Таким образом, практически каждый значимый фрагмент судебской деятельности составляет целостную совокупность правовых, этических, профессиональных составляющих, содержание которых и создает некий единый корпоративный ценностно-смысловой стержень, в соответствии с которым выстраиваются идеальные ориентиры внутренней интеграции судей и внешнего позиционирования системы правосудия в обществе.

Сила корпоративной культуры судей, эффективность ее функционирования в этом контексте определяются масштабом разделяемости ее ценностных оснований и принципов в профессиональном сообществе судей, в конкретных судах и их руководителями. Как система субъективных значений корпоративная культура детерминирует и регулирует профессиональное поведение конкретного специалиста. Объективизация гуманитарных начал в моделях реальной деятельности и поведении судей обеспечивает достижение оптимально возможного состояния корпоративной культуры, а значит, реализации исходной миссии правосудия. Психологическим выражением результативности этого процесса является личностно-профессиональное развитие судей, символизирующее их становление как социально ответствен-

ных субъектов, осознанно реализующих свою судебскую позицию.

Актуализация такой позиции в поведении судьи, как внешней форме активности личности, связана не столько с его действиями, сколько с целесообразной последовательностью поступков. Ибо поступок, по определению психологов, предполагает общественную оценку и самооценку личностью его социальных последствий, обладает такими обязательными свойствами, как аксиологичность, ответственность, единственность и событийность, обеспечивает на экстрасубъектном уровне взаимодействие личности с внешним миром, на интрасубъектном — личности с образующими рефлексивного слоя сознания. Поступок — это проявление поведения в этико-оценочном значении, движение в социальном контексте, социальной системе координат [2]. На ответственный поступок способен лишь человек, осознавший свою единственность и неповторимость. Уникальная для каждого индивида личностная позиция, сформировавшись под влиянием «внешнего», освобождается от непосредственной зависимости от него и сама становится источником активности человека.

По своей структурно-содержательной организации судебская (шире — жизненная) позиция представляет собой единство объективных и субъективных возможностей личности, где субъективные отражают меру глубины интериоризации правовых ценностей, норм, смыслов, а объективные проявляют способность судьи их реализовывать, воспроизводить и передавать. Субъективные показатели характеризуют личность судьи в ее индивидуальном преломлении как результат ценностного самоопределе-

ния, выраженный в обретении своего ценностно-смыслового единства. Объективные показатели дают представление о его корпоративной идентичности, характеризующей самостоятельное и осознанное владение смыслами и ценностями выполняемой деятельности, меру его успешности в обществе, профессиональном сообществе, профессии.

Сформированность такой позиции выступает критерием зрелости личности судьи и выражается в его относительной автономности, самодостаточности, независимости, свободе и социальной ответственности за свои поступки, особой духовной настроенности по отношению к себе и другим людям, способности к самостоятельному принятию решений, реализации индивидуальных и общественных целей.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что в своем развитии судейская (жизненная) позиция претерпевает сложную динамику и может характеризоваться разной степенью интегрированности составляющих на конкретных этапах профессиональной социализации. Так, на этапе адаптации это выражается в способности соблюдать профессионально-правовые нормы. На этапе профессионализации это связано с достижением адекватной профессиональной идентичности. На этапе мастерства это проявляется в способности быть подлинным субъектом своей профессиональной деятельности и жизнедеятельности.

Следовательно, по мере приобретения профессионального опыта психологическое содержание позиции судей интенсивно развивается и переходит на более высокие уровни функционирования, возрастает целостность и интегрированность их субъективных и объективных показателей, углубляется осмысление субъективно-личностного содержания, расширяется ценностно-смысловой аспект деятельности.

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что существенным фактором формирования корпоративной культуры судей является решение исходных задач развития на каждом этапе личностно-профессионального развития судей. В этом контексте проблема психологического обеспечения профессиональной деятельности судей приобретает еще одну не менее важную целевую направленность.

Литература

1. Гегель Г.В. Философия права. — М.: Мысль, 1990.
2. Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М.: Трикола, 1994.
3. Капитонов Э.А., Зинченко Г.П., Капитонов А.Э. Корпоративная культура: теория и практика. — М.: Альфа-Пресс, 2005.
4. Карнозова Л.М. Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. — М., 2004.
5. Кони А.Ф. Избранное. — М.: Сов. Россия, 1989.
6. Элвессон М. Организационная культура: пер. с англ. — Х.: Гуманитарный центр, 2005.
7. Этика судьи. — М.: Рос. акад. правосудия, 2002.

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА МОЛОДЕЖНОГО ВАНДАЛИЗМА

Г. П. Иванов, Е. А. Шишкина

Аннотация: в статье рассматриваются основные причины вандализма молодежи.

Ключевые слова: преступность, вандализм, программа поведения, причины вандализма, мотивационная сфера, жестокость, агрессия.

The summary: the article examines the main causes of vandalism youth.

Keywords: crime, vandalism, and program behavior, the causes of vandalism, motivational sphere, violence and aggression.

В настоящее время, в век внедрения инновационных технологий в политической, экономической, социальной, культурной и образовательной сферах, открытым остается вопрос выбора наиболее эффективных средств борьбы с человеческой жестокостью. Интерес к данной проблеме выражается в форме рассуждений о тотальной агрессивности, охватившей не только взрослый мир, но и мир детей, который поражает нас количественным и качественным размахом насилия, разнообразными формами вандализма, brutальных отношений между подростками, ритуалами жертвоприношений в сектах, жестокостью сексуальных контактов несовершеннолетних. В России растет число детей, находящихся в неблагоприятных условиях социализации в период взросления и личностного самоопределения. Подрастающее поколение мгновенно усваивает дух прагматизма, методически навязываемого россиянам в качестве магистральной жизненной позиции. Мощный

прессинг агрессивных стандартов несет в себе современная поп-культура. В итоге у многих детей создается устойчивое представление, что насилие является наиболее легким и быстрым способом достижения социального успеха. Проблема детско-подростковой агрессии вызывает беспокойство и озабоченность со стороны воспитателей и родителей. Согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями от 28 декабря 2010 г. № 427-ФЗ), несовершеннолетними признаются лица, не достигшие возраста 18 лет. Традиционно в отечественной психолого-педагогической литературе в эту группу включают детей (до 11 лет) и подростков (от 11 до 17 лет).

В последние годы в нашей стране заметно увеличилось количество актов молодежного вандализма. Эта разновидность «вульгарной» преступности может проявляться самостоятельно, но чаще сопровождает такие преступления, как разбои, погромы, грабежи и др. Не все вандалы привлекаются к уголовной ответственности, хотя с 1997 г. в Уголовном кодексе РФ действует соответствующая статья 214 [1]. Это объясняется многими причинами. В большинстве случаев сказывается безразличие окружающих или нежелание представителей администрации сообщать в милицию о внутренних недоразумениях, чтобы не потерять свое лицо, должность, престиж учебного заведения или организации. Часто акты вандализма расценивают

ся как результат игры, забавы, и им не придают серьезного значения. Кроме того, многие пострадавшие боятся мести со стороны вандалов, поэтому не предпринимают мер по пресечению их действий.

Согласно сводкам МВД РФ, за последние три года вандальных преступлений стало на 40 % больше, а их раскрываемость снизилась на 30 %. Это свидетельствует о том, что действия подростков стали более изощренными.

Вандализм обладает такими особенностями, как групповой характер, высокая латентность, внезапность, непредсказуемость, быстрота действий, комплексность, криминальная направленность мотивации. Борьба с ним затруднена, так как эта проблема недостаточно изучена и предпринимаемые меры чаще всего направлены на искоренение последствий, а не причин.

В основе вандализма лежит комплекс факторов: психологических, социально-психологических, социально-экономических, культурных, педагогических. Он может быть связан с нарушениями в следующих сферах: эмоциональной (неоправданные эмоции — злость, ненависть, гнев), мотивационной (мотивы подражания, протеста), волевой (неустойчивость характера или стремление к ложному самоутверждению), нравственной (деформация характера, аномальные отклонения психики). Организаторами преступлений данного вида нередко являются молодые люди в возрасте от 23 до 27 лет, исполнителями — подростки от 11 до 18 лет, «осведомителями» — дети от 8 до 10 лет [2]. Государство затрачивает колоссальные средства на ликвидацию последствий молодежного вандализма: восстано-

вление памятников культуры, остекление окон в различных видах транспортных средств и средних учебных заведениях, замену почтовых ящиков и лифтов, школьного инвентаря и т. п. Однако настоящую борьбу с этим негативным явлением необходимо начать с профилактической работы. В связи с этим нами была предпринята попытка на основе изучения разновидностей молодежного вандализма проанализировать его причины, мотивацию правонарушителей и их личностно-психологические особенности.

Молодежный вандализм подразделяется по возрасту участников преступления, их принадлежности к той или иной категории населения, количеству действующих лиц, конечной цели и содержанию. Политический вандализм сопровождается разрушением материальных ценностей и погромами в процессе проведения митингов, демонстраций экстремистскими группировками, нанимающими для этой цели подростков; экономический — порчей оборудования, готовой продукции, поджогом складов; экологический — повреждением зеленых насаждений, загрязнением водоемов, засорением лесов во время походов. Антикультурный вандализм приводит к разрушению и уничтожению культурных ценностей (памятников, строений, предметов живописи, музейных экспонатов); антирелигиозный — к разграблению храмов, нанесению вреда священнослужителям, верующим. Националистический вандализм основывается на национальной нетерпимости; сельскохозяйственный выражается в порче посевов, уничтожении сельскохозяйственной продукции, забое скота; кладбищенский характе-

ризуется разрушением и порчей надгробий и памятников на кладбище, разрыванием могил с целью извлечения драгоценных украшений, зубных коронок и др. Основным признаком криминального вандализма является сокрытие преступлений. Лидирующее место в настоящее время стал занимать компьютерный вандализм, проявляющийся в хищении баз данных (часто секретных), закладывании «логических бомб», приводящих к потере информации [3]. Побуждения компьютерных вандалов колеблются в диапазоне от добывания денег до забавы, от решения интеллектуальных головоломок до действий по принципу «а почему бы не...».

Вместе с тем события на Манежной площади в г. Москве во время Чемпионата мира по футболу, наряду с недавними событиями по делу об убийстве болельщика «Спартака», свидетельствуют о внедрении этого феномена во все сферы жизни и глубине данной проблемы.

Согласно мнению специалистов, заложенная в нас биологическая программа поведения не достаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках культуры. Именно ее мы и должны осваивать. Этому подчинена в том числе идея Л.С. Выготского о культурологическом подходе в развитии личности.

Отрицательное развитие конфликта, приводящее к вандализму, обуславливают: 1) особенности семейного воспитания; 2) окружение, влияющее на ситуацию развития; 3) индивидуально-личностные особенности подростков. В связи с этим целесообразно рассмотреть влияние на процесс социализации институтов социализации: семьи, школы, референтных групп.

В настоящее время в России формирование личности подростка происходит в период перехода к рыночной экономике, реформирования (при этом не всегда в социально приемлемой форме).

Специалисты, рассматривая основные причины вандализма молодежи, выделяют:

1. Социально-экономические факторы:

- один из родителей подростков-вандалов, стоящих на учете в милиции, не работает — 30 % семей;
- материальный достаток ниже среднего — 21 %;
- невозможность оплаты за продолжение обучения в вузе — 31 %;
- один родитель не работает — 30 %;
- материальный достаток ниже среднего — 21 %;
- родители работают на двух работах — 24 %;
- нежелание подростков идти по стопам родителей из-за низкой оплаты труда — 56 %.

2. Социально-психологические факторы:

- отчуждение подростков от трудовой деятельности — 73 %;
- бесконтрольность поведения — 98 %;
- безнаказанность актов вандализма — 95 %;
- незанятость свободного времени — 80 %;
- частые конфликты в семье — 90 %;
- употребление алкоголя родителями — 82 %;
- приучение подростков к алкоголю со стороны родителей — 15 %;
- вовлеченность в асоциальные группы — 63 %;

- отсутствие взаимопонимания в семье — 93 %;
- невовлеченность подростков в помощь по дому — 79 %;
- стрессы на почве алкоголизма родителей — 60 %;
- неустойчивость психики подростков — 80 %.

3. Культурные факторы:

- увлечение агрессивными западными фильмами — 80 %;
- увлечение агрессивными компьютерными играми — 40 %.

Для изучения феномена молодежного вандализма было проведено эмпирическое исследование. Первичные результаты тестирования были получены с помощью методик: опросник «Ваш индекс психоэнергетической опустошенности»; опросник диагностики психофизиологической дезадаптации О.Н. Родиной; методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В.А. Жмурова.

Первичные результаты тестирования респондентов 5, 15, 25, 32 и 48, количественно и качественно отличающихся полученными результатами опроса по 16-факторному опроснику Кеттелла, были обработаны с помощью ключа следующим образом:

- совпадение ответов обследуемого с «ключом» оценивается в 2 балла для ответов «а» и «с», совпадение ответа «в» — в один балл. Сумма баллов по каждой выделенной группе вопросов дает в результате значение фактора;
- полученное значение факторов переводится в звезды с помощью таблиц;
- значениям от 1 до 5,5 присваивается знак «-»;
- значениям от 5,5 до 10 присваивается знак «+».

Для обобщения и систематизации полученных данных по методикам: опросник «Ваш индекс психоэнергетической опустошенности»; методика определения доминирующего состояния Л.В. Куликова; опросник диагностики психофизиологической дезадаптации О.Н. Родиной; методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В.А. Жмурова, были проведены факторный и корреляционный анализы. Результаты свидетельствуют о том, что на личностную сферу подростков влияет один наиболее значимый фактор — F_1 «Адаптация». Вес фактора: 6,12.

Факторизация первичных данных показала, что снижению мотивации девиантных подростков способствуют: выраженное аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, изменением мотивационной сферы, когнитивных представлений и общей пассивностью поведения; психоэнергетическая опустошенность; низкая способность приспособления человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями общества и собственными потребностями, мотивами и интересами; низкий уровень нервно-психической адаптации, что находит отражение в соматовегетативных нарушениях, снижении общей активности, постоянном ощущении усталости, нарушенном социальном взаимодействии.

Проведение исследования с помощью 16 PF-опросника, предназначенного для измерения конституционных факторов, дало возможность сделать следующие выводы по результатам полученных данных респондентов 5, 15, 25, 32, 48:

- предпочтение присоединяться, небрежность, легкая приспособляемость, доверчивость, склонность идти на поводу доминируют над обособленностью, отчужденностью, замкнутостью;
- несобранность, эмоциональная дезорганизация мышления превалируют над вербальной культурой и эрудицией;
- эмоциональная неустойчивость, невротические симптомы, утомляемость доминируют над «Силой Я»;
- враждебность, конфликтность, самоуверенность, напористость главенствуют над конформностью;
- беззаботность, небрежность, импульсивность, значимость социальных контактов, социальная смелость, авантюристичность, склонность к риску, непонимание опасности превалируют над сдержанностью и нерешительностью;
- несогласие с общепринятыми моральными нормами, стандартами, потворство своим желаниям, возможность антисоциального поведения отличает всех респондентов;
- доминантность «защиты» и внутреннего напряжения, эгоцентричности, свободомыслия и возбуждения, активности, несмотря на утомляемость, слабого чувства порядка.

Для изучения и сравнения ценностей у подростков с девиантным поведением (2-я группа) и обычных школьников (1-я группа) было проведено исследование по изучению ценностных ориентаций. Объектом исследования выступили школьники и воспитанники колонии. Возраст респондентов — от 14 до 17 лет. Общее количество — 70 человек (школьников — 52, воспитанников колонии — 18). Для исследования была использована методика Рокича «Цен-

ностные ориентации», при помощи которой были выявлены наиболее значимые ценности [4].

Результаты проведенного исследования показали, что наиболее значимыми терминальными ценностями (ценностями цели) в жизни подростков 1-й группы являются здоровье, развитие, любовь, наличие хороших друзей. Они считают, что благополучной, счастливой их жизнь будет тогда, когда рядом будут находиться верные друзья, родные и близкие люди; когда будет крепким здоровье, а также будет возможность постоянно раскрывать и совершенствовать умственные и духовные способности. Именно к таким ценностям, по их мнению, стоит стремиться в жизни.

Они отвергают такие ценности, как общественное признание, развлечения, красота природы, творчество. Быть признанным в обществе, тратить много времени на развлечения, создавать какие-либо культурные и духовные ценности, восхищаться красотой природы — для них это маловажные ценности, к которым, на их взгляд, не следует стремиться.

Среди инструментальных ценностей (ценностей-средств) предпочтение отдается честности, независимости, воспитанности, образованности, жизнерадостности и ответственности. Они считают, что в любой жизненной ситуации необходимо: быть правдивым, добросовестным; не находиться в подчинении, не быть связанным в своих действиях, мыслях чужой волей, влиянием, нести ответственность за свои поступки, а также необходимо знать (и уметь), как вести себя в обществе в соответствии с принятыми нормами и ценностями [1]; иметь высокую общую культуру, опреде-

ленную широту знаний; быть радостными, бодрыми от полноты жизненных сил, не знать уныния, иметь чувство юмора, обладать чувством долга и уметь держать слово.

Наименее значимыми ценностями для них являются аккуратность, непримиримость к недостаткам в себе и других, высокие запросы, исполнительность. Это означает, что, по их мнению, не обязательно быть дисциплинированным, быстро и точно исполнять возложенные поручения и обязанности, тщательным образом выполнять какие-либо действия. Они понимают, что недостатки есть у всех окружающих людей, и принимают их; высокие требования к жизни и высокие притязания ими отвергаются как ценности, не являющиеся первостепенными в жизни для достижения какой-либо цели.

Наиболее значимыми терминальными ценностями в жизни подростков 2-й группы являются жизненная мудрость, здоровье и любовь. Основное отличие воспитанников колонии состоит в зрелости суждений и здравом смысле, что отличает их от обычных сверстников. Выдвижение ценности «жизненная мудрость» на первое место говорит об их достаточно большом жизненном опыте, не свойственном ребятам данного возраста, то есть можно предположить несоответствие паспортного и физического возраста.

Счастье других и творчество являются для них наименее значимыми. Это объясняется тем, что благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом, возможность творческой деятельности для них не главное. Возможно, именно пренебрежение счастьем дру-

гих — одна из причин совершения ими различного рода преступлений (в данном случае кражи, разбоя, изнасилования, убийства).

Среди инструментальных ценностей предпочтение отдается аккуратности, воспитанности и жизнерадостности. Возможно это отпечаток их нынешнего положения, так как высоки предъявляемые требования: чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, порядок в делах, хорошие манеры. Чувство юмора помогает в данной ситуации. Наверняка, находясь в колонии: в условиях жесткой дисциплины и четкого следования установленному порядку, и осознавая свои ошибки, они научились ценить свою жизнь. В связи с этим радость жизни для них является одной из важных ценностей.

В качестве наименее важных выступают эффективность в делах и чуткость. Это указывает на то, что они не стремятся к продуктивности в работе, выработке таких качеств, как заботливость, сопереживание, понимание, проявление внимания к чужим проблемам и бедам. Ранее мы уже упоминали, что огромный отпечаток на формирование ценностей личности накладывает семья: царящие там взаимоотношения, как между супругами, так и между родителями и детьми, а также преобладающие ценности в семье (материальные либо духовные). На основании этого мы можем предположить, что семейное воспитательное воздействие, которое получили воспитанники колонии в детстве, было недостаточно направлено на развитие нравственных и альтруистических качеств личности, проявляющихся прежде всего в отношениях к людям: честности, отзывчивости, чуткости, эмпатии и др. [3]

Исследование ценностных ориентаций подростков, обучающихся в воспитательной колонии, и учащихся общеобразовательных школ показало, что на типическом уровне оказались значимыми различия в предпочтении как терминальных, так и инструментальных ценностей. В связи с чем имеющая место ценностная девиация личности является одним из факторов девиантного поведения.

В заключение хотелось бы описать некоторые выводы о причинах молодежного вандализма:

- вандализм связан с личностными нарушениями в ряде сфер: эмоционально-аффективной (эмоции злости, ненависти, гнева), мотивационной (мотивы подражания, заражения, внушения, протест), волевой (неустойчивость характера или стремление к лидерству), нравственной (деформация ценностей, установок), когнитивной;

- на данный феномен влияют биогенетические факторы: наследственная отягощенность психическими заболеваниями, черепно-мозговые травмы, патология беременности и родов, частые соматические заболевания в детстве;

- жестокое воспитание в семье, безнадзорность, депривация потребностей, педагогическая запущенность провоцируют отклонения в поведении;

- невозможность самореализации молодежи по причинам неблагоприятного климата окружения, незаполненность свободного времени и пропаганда агрессии в фильмах, играх и т. д., является средой для становления вандальных форм поведения.

Акцентуации характера, наиболее часто встречающиеся у детей и подростков, подверженных вандализму:

1) *психастенический тип* — характеризуется повышенным самоанализом, самобичеванием, робостью, тревожностью, мнительностью, нерешительностью и навязчивыми состояниями страха;

2) *возбудимый тип* — ему свойственна импульсивность поступков (их совершение без предварительного обдумывания);

3) *эпилептоидный тип* — характеризуется гневностью, жестокостью, сочетающейся с бережливостью и аккуратностью, стремлением к власти. Данные подростки склонны к алкогольному опьянению и садомазохизму;

4) *неустойчивый тип* — отличается легкой подчиняемостью, безынициативностью. Эти лица склонны попадать в сомнительные асоциальные компании, любят азартные игры, большую часть времени проводят в праздном безделье;

5) *истероидный тип* — характеризуется эгоцентризмом, демонстративностью поведения, «рисовкой» перед окружающими с целью привлечь к себе внимание. Его чувства не глубоки. Проявляется стремление к лидерству. Среди неустойчивых истероидов нередко случаи психофизического инфантилизма и задержки сексуального созревания.

Литература

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журн. — 1966. — Т. 17. — № 6. — С. 30–37.

2. Ватова Л.С. Психология молодежного вандализма. — М., 2002.

3. Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста. — Томск, 1994. — 310 с.

4. Диагностика здоровья: психол. практикум / под ред. Г.С. Никифорова. — СПб., 2007.

5. Иванов Г.П. Акмеологические аспекты профессионализации субъектов педагогического процесса. — Калуга, 2001.

6. Криминальная мотивация: сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Кудрявцева. — М., 1986.

7. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи: Криминальная субкультура. — Тверь, 1994.

8. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. — Ч. 1. — М., 1998.

9. Шпрангер Э. Психология юношеского возраста. — М., 1994.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРИЧИННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЛИКТОВ

А. П. Детков

Аннотация: в статье рассматривается проблема причинности по отношению к возникновению пенитенциарных конфликтов. Автор анализирует основные подходы к пониманию данного феномена с позиции различных социогуманитарных наук, подробно останавливается на описании ряда факторов, влияющих на природу причинности пенитенциарных конфликтов.

Ключевые слова: пенитенциарный конфликт, причинно-следственные связи, конфликтное поле, исполнение наказания в виде лишения свободы, личность осужденного, групповые эксцессы осужденных.

The summary: in article the causality problem in relation to occurrence of penitentiary conflicts is considered. The author analyzes the basic approaches to understanding of the given phenomenon from a position various social and the humanities, in detail stops on the description of some the factors influencing the nature of causality of penitentiary conflicts.

Keywords: a penitentiary conflict, the connection between cause and effect, conflict field, the execution of punishment in form of imprisonment, personality of a convict, group outrages of convicts.

Проблемы изучения причинности в обществе, объективной закономерности взаимосвязи социальных явлений природы причинно-следственной связи всегда были в центре внимания философии, социологии, физики, права и других социогуманитарных наук. Несмотря на то что высказано большое количество толкований причинности, представители различных отраслей знания единодушны в одном — причинность в социальной сфере характеризуется многогранностью, обусловленностью, огромным многообразием взаимосвязанных и не взаимосвязанных явлений, различными видами закономерной зависимости в виде детерминации.

Некоторые историки мысли утверждают, что древние греки конструировали понятие причинности по аналогии с идеями из области уголовного права и справедливого возмездия. Причина, по их представлению, влияет на нарушение равновесия и поэтому ответственна за зло и несправедливость в природе. Затем наступает возмездие и зло исправляется в соответствии с законом природы. Греческое слово «*aitia*» — причина — означает одновременно и вину.

Латинское слово «*causa*» по происхождению является юридическим термином. В медицине термин «этиология» означает науку о причинах заболевания, то есть нарушениях естественного состояния организма. Однако этим термином можно было бы обозначить теорию и практику исследования причин в целом.

В.Н. Кудрявцев полагал, что «философская категория причинности — один из наиболее общих фундаментальных законов объективного мира. Этот закон распространяется на все явления и процессы природы и общества как индивидуальные, так и массовые, включая те, которые носят вероятностный (хаотический) характер и подчиняются статистическим закономерностям» [8, с. 6]. Аргументируя свою позицию относительно природы причинности как социального явления, он исходит из того, что «статистический закон относится к множеству, совокупности материальных систем, которые в определенных условиях рассматриваются независимо друг от друга. Статистический закон осуществляется как внутренняя тенденция, прокладывающая себе путь сквозь массу случайностей, и проявляющая себя в них как средняя многочисленных случайных отклонений» [8, с. 6].

А.Г. Здравомыслов привел четыре точки зрения на причины социального конфликта. Он полагает, что в основе социального конфликта лежат социальные противоречия, социальная напряженность, неравенство, интерес [5, с. 44].

В современной социологической литературе вопрос о связи между противоречием и конфликтом рассматривается известным английским социологом Э. Гидденсом. «Под конфликтом, — пи-

шет он, — я имею в виду реальную борьбу между действующими людьми или группами независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон. В отличие от конфликта понятие противоречия относится к некоторой структуре. Оба эти понятия весьма близки между собой, так как противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социальной системы. Вместе с тем противоречие указывает на разделение интересов между различными группами и категориями людей, в том числе и между классами».

Для изучения природы причинности явлений Г.Х. фон Вригт предлагает каузальный подход [3]. Давая каузальное толкование причинности, он приходит к выводу, что поиск причин некоторого события или его свойств осуществляется нами в процессе движения во времени — от настоящего к прошлому, отметим обстоятельство, фундаментальное для метафизики [3, с. 87]. Каузальный анализ можно проводить от данного состояния системы к прошлому, а также к будущему. «В силу параллелизма между необратимостью времени, с одной стороны, и асимметрией каузального отношения, с другой, — пишет он, — каузальный анализ первого типа направлен главным образом на поиск причин данных следствий, в то время как анализ второго типа — на поиск следствий данных причин. События, следующие за некоторым данным событием и каузально с ним связанные, называют часто *консеквентами*. Естественно говорить о причинах явлений как о факторах, которые производят или вызывают свои следствия» [3, с. 88].

Исходя из теоретико-методологических обоснований причинности, в ка-

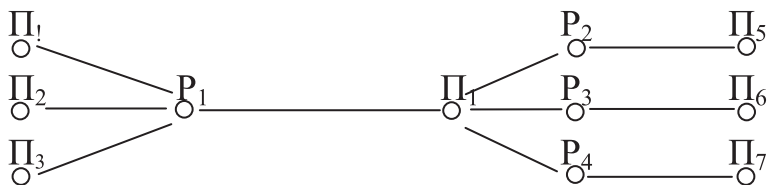

Рис. 1

честве понятийного каркаса причинности в пенитенциарной конфликтологии можно предложить следующую схему, где: P — причина, P — результат.

Из рисунка 1 видно, что в условиях мест лишения свободы одновременно действует множество причин ($P_1, P_2, P_3, P_4, P_5, P_6$), порождающих результат (P) и следствие. Между причинами и консеквентами существует определенная взаимосвязь. Так, если проследить цепочку $P_1 - P_1 - P_4 - P_2 - P_5$, то в определенной степени объяснив P_1 , мы увидим взаимосвязь с P_5 и, наоборот, объяснив P_5 , мы поймем содержание излучающего источника P_1 . Например, человек совершил преступление, за что суд вынес обвинительный приговор и осужденный оказался в местах лишения свободы. На стадии адаптации он нарушил установленный режим содержания, вследствие чего был наказан в дисциплинарном порядке и помещен в штрафной изолятор. На первый взгляд, такой примитивный подход не объясняет причинную цепочку действий осужденного в местах лишения свободы, не дает возможности глубоко проанализировать всю генеральную совокупность причинно-следственных связей, которые сопутствуют его жизни. Однако при внимательном рассмотрении можно сделать вывод, что существует ряд факторов, влияющих на природу причинности конфликтов.

Во-первых, социальная среда мест лишения свободы по своей природе является противоречивой и агрессивной, что имманентно формирует причинный комплекс различных конфликтов.

Во-вторых, характер уголовного наказания, его длительность, режим содержания находятся в прямой взаимосвязи с целым калейдоскопом причин-излучателей.

В-третьих, взаимосвязь осужденного (субъекта) с внешней средой, воздействие на него той конкретной жизненной ситуации, в которой он находится.

Г.Х. фон Вригт пишет, что «в обнаруженных каузальных связях выявляются два аспекта: активный и пассивный. Активный компонент — это приведение систем в движение путем продуцирования на начальных состояниях. Пассивный компонент состоит в наблюдении за тем, что происходит внутри систем, насколько это возможно без их разрушения. Систематическое соединение этих двух компонентов позволяет не только создать понятийный каркас, но и дать объяснение причинности какого-либо явления» [3, с. 116].

Принципиальное значение для пенитенциарной конфликтологии имеет взаимосвязь (взаимообусловленность) причинности и функций уголовного наказания в виде лишения свободы.

Одна из важнейших функций наказа-

ния законодательно закреплена в ст. 43 УК РФ: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

Принудительная функция наказания выражается, прежде всего, в карательном воздействии на осужденного путем ограничения некоторых субъективных прав и причинения ему тем самым нравственных страданий. Степень принудительного воздействия зависит от характера общественной опасности совершенного преступления и личности виновного и выражается в назначении вида и срока наказания. По своему потенциалу наказание в виде лишения свободы обладает высоким порогом репрессивности и направлено на подавление базовых потребностей индивида: свободы передвижения, ограничения социальных связей и т. д. Отсюда возникают предпосылки и причины базового конфликта между осужденными и установленным порядком в местах отбывания наказания. Принудительная (карательная) функция наказания не только персонифицирована, то есть не просто воздействует на осужденного, но и опосредованно влияет на других лиц, прежде всего из его ближайшего социального окружения.

Наказание обладает функцией социального контроля, под которой понимается система совокупности мер, средств, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством РФ. В первую очередь это основные обязанности осужденного (ст. 11 УИК

РФ), общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы (ст. 73–81 УИК РФ), режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения (ст. 82–86 УИК РФ), условия отбывания наказания в исправительных учреждениях (ст. 87–102 УИК РФ). Функция социального контроля при применении наказания осуществляется жесткой регламентацией поведения осужденных. Необходимо отметить, что степень социального контроля со стороны персонала учреждения возрастает с осуждением лица к более строгим видам наказания и длительным срокам лишения свободы.

Таким образом, вся сфера поведения осужденного, его образ жизни становятся объектом пристального и постоянного контроля, что также создает предпосылки для возникновения причины конфликта.

Одним из важных положений теории причинности является взаимодействие причины и следствия, которое в философской литературе характеризуется как передача вещества, энергии и информации от одного предмета другому [7, с. 288]. Для пенитенциарной конфликтологии данные положения имеют важное значение, так как при анализе конфликтной ситуации мы имеем дело не только с физическим, но и с информационным воздействием и специфической коммуникацией мест лишения свободы.

Как для теории пенитенциарной конфликтологии, так и для профилактики, предупреждения и разрешения пенитенциарных конфликтов, причинная зависимость в социальной среде мест лишения свободы, как правило, является многозначной.

Во-первых, каждая причина может порождать несколько следствий, а каждое следствие — результат действия нескольких обстоятельств (ряда причин и условий).

Во-вторых, имеется специфическая вероятностная сторона многозначности причинной связи. Она заключается в том, что при замене (изменении) какого-либо условия даже по одной и той же причине получается иной результат. Так, если кардинально изменить цели уголовного наказания, условия исполнения разных видов наказания, сроки лишения свободы (с точки зрения их оптимизации), мы можем повлиять на уровень и характер напряженности конфликтного пространства мест лишения свободы.

В статистической совокупности, где условия бывают весьма разнообразными, под влиянием одинаковых причин возникает широкий диапазон последствий, в которых может проявляться определенная закономерность. Применительно к пенитенциарным конфликтам это выражается в том, что при всем своем многообразии (классификации, типологии) причины могут быть одни и те же. Причинная цепочка, объясняющая динамику конфликтов, бывает не только сложна, но и разнообразна. Она вбирает в себя различные социальные явления, которые тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, хотя и могут находиться на разных уровнях коммуникации и в разных социальных средах.

Сложный механизм причинной связи в пенитенциарной конфликтологии складывается в результате взаимодействия причин и условий, главных и второстепенных причин, объективных и субъективных. Исследование данного механизма, на наш взгляд, возможно с

использованием системно-структурного и субъективно-личностного подхода, каузального анализа.

Точное и своевременное установление причин (или причинного комплекса) конфликтной ситуации при исполнении лишения свободы позволяет предупредить развитие и динамику конфликта, которые могут привести к тяжким последствиям. Причина — это то социальное явление, обусловленное деятельностью субъектов взаимодействия, в основе которого находится инцидент, то есть стечение противоречивых обстоятельств. В.Н. Кудрявцев, изучая проблему причинности в криминологии, полагал, что формирование личности происходит в результате:

1) взаимодействия психофизиологических особенностей индивида и внешней среды;

2) взаимодействия личности и конкретной жизненной ситуации, приведшего к совершению преступления;

3) общего соотношения социального и биологического преступного поведения, в частности роли наследственности в генезисе и значении благоприобретенных признаков [8, с. 10].

Изучению личности осужденного в местах лишения свободы всегда уделялось большое внимание со стороны представителей философии, социологии, уголовного и уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права, криминологии, пенитенциарной психологии и психиатрии.

Безусловно, представители различных областей знаний, научных направлений преследовали свои определенные цели. Однако всех, пожалуй, объединяли несколько положений, которые можно обобщить следующим образом:

1) восприятие осужденным назначенного уголовного наказания как справедливого или несправедливого; осознанность вины в совершенном преступлении, его раскаяние;

2) достижение целей уголовного наказания в ходе исполнения лишения свободы при различных сроках наказания;

3) изменение психологической и психической конституции осужденного в условиях строгой изоляции;

4) воспитательная и профилактическая роль уголовного наказания;

5) социализация личности после освобождения от наказания.

Многочисленные исследования в этой области, проведенные Ю.М. Антоняном, В.А. Верещагиным, С.В. Познышевым, И.В. Шмаровым и рядом других ученых, свидетельствуют о том, что в условиях мест лишения свободы личностные качества человека подвержены глубинным изменениям психологии и психики, обусловленным окружающей средой мест лишения свободы [1].

Причины множества конфликтов, возникающих в ходе исполнения уголовного наказания, на наш взгляд, можно дифференцировать на общие и частные.

Общие причины имеются практически во всех возникающих конфликтах. Они могут быть классифицированы следующим образом:

– социально-демографические, отражающие различия в установках и мотивах осужденных, обусловленные их полом, национальностью, возрастом, опытом преступной деятельности, наличием социальных связей;

– социально-психологические, отражающие социально-психологические явления в больших и малых группах осужденных, в том числе их лидерство, груп-

повые интересы и установки;

– индивидуально-психологические и психиатрические, отражающие индивидуально-психологические особенности личности осужденных (способности, темперамент, характер, отношение к преступлению и уголовному наказанию).

Частные причины непосредственно связаны со спецификой конкретного вида конфликта, например, неудовлетворенность осужденного:

– вынесенным приговором. Выборочные криминологические исследования, проведенные автором в исправительных колониях общего, строгого, особого вида режимов, показывают, что 85 % опрошенных респондентов считают, что назначенное наказание слишком строгое и несправедливое, а пожизненно осужденные называют свое наказание «смертью в рассрочку» [11]. Почти всем (92 %) осужденным, приговоренным к длительным срокам лишения свободы и пожизненному заключению, не характерно чувство раскаяния и сострадания к своим жертвам;

– требованиями режима и правилами внутреннего распорядка исправительного учреждения (нарушением служебной этики и закона персоналом учреждения);

– медицинским обслуживанием;

– наложенным дисциплинарным взысканием.

Исследуя комплекс причин групповых эксцессов осужденных, мы пришли к выводу, что с позиции осужденных (в опросе принимали участие 1200 осужденных) они возникают по следующим причинам:

– незаконные действия администрации исправительного учреждения (пре-

вышение власти, грубое отношение к осужденным и т. п.) — 7,5 %;

– интриги, создаваемые администрацией колонии и самостоятельными организациями осужденных, — 18,2 %;

– жесткий режим — 34,1 %;

– низкий уровень организации питания осужденных (плохо приготовленная пища, отсутствие продуктов питания в магазине) — 7,1 %;

– недовольство лидеров («авторитетов») действиями администрации или их борьба между собой — 15,8 %.

С точки зрения сотрудников исправительных учреждений (в опросе принимали участие 500 сотрудников ИУ), причинами массовых и групповых эксцессов являются:

1) неудовлетворительное материально-бытовое обеспечение осужденных и условия их содержания — 30 %;

2) незаконные действия администрации — 18 %;

3) ошибки в работе органов управления — 20,5 %;

4) отрицательное воздействие на основную часть осужденных «авторитетов», воров, конфликты между последними из-за сферы влияния — 48 %;

5) ослабление режима в колонии — 14,5 %.

Результаты выборочных исследований в исправительных колониях разных видов показывают, что наиболее часто конфликты возникают в процессе адаптации осужденного к условиям отбывания наказания. Эти конфликты характеризуются столкновением противоположных взглядов, мнений, интересов, противоборством, чаще всего открытыми агрессивными действиями уже на первоначальном этапе пребывания в исправительном учреждении.

После вынесения приговора осужденный оказывается в совершенно иных социальных условиях. На этом этапе лишения свободы он осмысливает ту ситуацию, в которой оказался. Проведенные нами социологические исследования показали, что в начале отбывания срока наказания факторами возникновения конфликтов выступают:

– трудности социально-психологической адаптации осужденных к новым условиям жизнедеятельности и их ближайшему социальному окружению;

– некоторые отрицательные черты реального и речевого (вербального) поведения осужденных (в том числе их нечистоплотность, нечестность);

– отсутствие постоянного неофициального круга общения, то есть невключенность вновь прибывших осужденных в малые группы, взаимодействие в которых для них является специфическим защитным механизмом;

– потеря социальных связей с родными и близкими.

Исследования показывают, что осужденные адаптируются к условиям лишения свободы адекватно или неадекватно. Наблюдение за их поведением свидетельствует, что быстрее к условиям отбывания наказания адаптируются осужденные, ранее отбывавшие сроки лишения свободы. У них уже сложились определенные стереотипы тюремной субкультуры. Они хорошо ориентируются в условиях «другой» жизни, для них — это обычная, стандартная психологическая ситуация. Лишение свободы для данной категории осужденных не оказывает психотравмирующего действия, колония стала для них родным домом, нормы режима не являются новыми, а к требованиям администрации они отно-

сятся с позиции целесообразного конформизма.

У лиц, впервые осужденных к лишению свободы, напротив, процесс адаптации проходит значительно сложнее. Отсюда и высокий уровень межличностных конфликтов среди осужденных, впервые отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях общего и строгого режимов.

Основными признаками адекватной реакции осужденных на условия отбывания наказания в исправительных учреждениях являются: соответствие их поведения действительной информации о перспективах их пребывания в местах лишения свободы; соблюдение ими режима, законных требований администрации; способность контролировать свое поведение и эмоции в ходе конфликтной ситуации. Нормальная реакция осужденных на условия отбывания наказания характеризуется сосредоточенностью осужденного на факте социальной изоляции, реальной оценке жизненных перспектив в процессе отбывания уголовного наказания и после освобождения.

Адекватно реагирующие осужденные достаточно разумно относятся к факту назначенного им наказания. У них ярко выражена установка на сохранение социальных связей, ближайшую перспективу освобождения. Их настроение быстро стабилизируется и приближается к норме. К жизни в условиях несвободы или «другой» жизни они приспосабливаются сравнительно безболезненно. Как правило, такая характеристика присуща осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы впервые, за преступления небольшой и средней тяжести и на срок не более пяти

лет. Конфликтные ситуации среди данной категории осужденных возникают крайне редко.

Для неадекватной (патологической) реакции осужденных на условия несвободы характерно проявление элементов психопатологической симптоматики, в том числе у лиц, считавшихся до осуждения психически здоровыми. Неадекватные психические реакции выражаются в возникновении и проявлении под влиянием уголовного наказания отклоняющегося поведения по типу «растраченного» пианино. К этой категории психических реакций прежде всего относятся различные *фобии* (неадекватное переживание страхов, охватывающих человека в определенной обстановке в рамках невротического конфликта), чувство вины за события прошлого и ощущение беспомощности перед лицом жизненных трудностей, которые сочетаются с чувством бесперспективности и заниженной самооценкой.

Так, клаустрофобия проявляется в боязни закрытого пространства — камеры следственного изолятора или учреждения особого режима. При нахождении в камере эти лица остро ощущают ограниченность пространства и проявляют двигательное беспокойство. Это обстоятельство уже само по себе может стать причиной конфликтной ситуации. Своеобразным компенсатором несвободы в условиях камерного содержания являются прогулки, в том числе в прогулочных двориках СИЗО и исправительных учреждениях, где осужденные проявляют повышенную двигательную активность.

Одним из важных факторов, порождающих неадекватные реакции осужденного, является срок уголовного на-

казания. При сравнительно небольших сроках лишения свободы (до 5 лет) они возникают у осужденных крайне редко, в то время как при длительных (свыше 10 лет), сверхдлительных (от 15 до 20 лет) сроках лишения свободы, а также среди приговоренных к пожизненному лишению свободы частота неадекватных реакций гораздо выше [2; 4; 6; 9–11].

Неадекватные реакции как выражение и истоки конфликтных ситуаций по своему содержанию классифицируют по-разному. В частности, А.Д. Глоточкин и А.И. Ушаков полагают, что они могут проявляться в виде тревожно-депрессивной, негативно-депрессивной, негативно-истерической реакций (такое психологическое состояние в ходе отбывания пожизненного заключения осужденные охарактеризовали как «смерть в расщорку») [9].

Таким образом, причины, обуславливающие возникновение конфликтов в исправительных учреждениях, можно объединить в следующие группы.

К первой группе относят недостатки в деятельности исправительного учреждения: нарушение требований режима персоналом, слабая организация (либо отсутствие) трудовой занятости осужденных, незнание администрацией оперативной обстановки в части, касающейся негативных процессов, протекающих в среде осужденных. Как показывает практика, наиболее часто конфликты возникают в результате нарушения персоналом учреждения законных прав и интересов осужденных.

Вторая группа причин конфликтов обусловлена ошибками, допущенными при комплектовании отрядов осужденных, подборе и расстановке актива, ослаблением индивидуальной рабо-

ты с осужденными. Изучение природы межгрупповых конфликтов, приведших к массовым выступлениям и эксцессам осужденных, свидетельствует, что ослабление руководства и контроля за работой самодеятельных организаций, а порой делегирование им со стороны администрации не характерных для них функций, приводит к массовым беспорядкам, которые заканчиваются убийствами членов актива, сотрудников исправительных учреждений, поджогами зданий и сооружений, погромами.

Возникновение причин конфликтов третьей группы обуславливают различные отрицательные социально-психологические явления в среде осужденных. Нахождение конкретного осужденного в пограничном состоянии «круговой обороны», характеризующиеся достаточно высоким порогом тревожности, практически ежедневно провоцирует мини-конфликты между осужденными и персоналом, которые достаточно часто перерастают в устойчивый конфликт. Наличие социальных групп разной направленности, отсутствие оперативной упреждающей информации и постоянной профилактической работы усугубляют конфликтность. Известно, что практически в каждом исправительном учреждении общего, строгого и особого режимов существуют неформальные лидеры («смотрящие», «положенцы», «воры в законе»), что всегда осложняет оперативную обстановку. Неформальные лидеры оказывают непосредственное влияние на осужденных, выступая своеобразными мировыми судьями и медиаторами в межличностных и групповых конфликтах. Достаточно часто они противопоставляют себя персоналу учреждения, а

порой открыто или скрытно противодействуют администрации, что становится провоцирующим фактором массовых эксцессов.

Многолетние наблюдения, проведенные автором в исправительных учреждениях общего, строгого и особого режимов, позволяют сделать вывод, что прибытие в исправительное учреждение лидеров отрицательной направленности, как правило, значительно осложняет оперативную обстановку. Внешне это может проявляться в перегруппировке в среде осужденных, росте количества различных нарушений режима, совершенных преступлений и т. д. Данная категория осужденных обладают опытом преступной деятельности, являются своего рода носителем и законодателем тюремной субкультуры и воровских традиций. Владея организаторскими способностями, они умеют подчинить себе других осужденных, выстраивая параллельную неформальную структуру управления.

Четвертая группа причин, вызывающих конфликты, обусловлена внешними фактами: отсутствием или потерей осужденными социально полезных связей с родными и близкими, открытые или латентные провокации преступных групп, находящихся на свободе (воровские установки, рекомендации, «прогоны» и т. д.).

Пятая группа причин конфликтов связана с индивидуально-психологическими особенностями личности осужденных, их взаимодействием, а также особенностями социально-психологического климата в исправительном учреждении (отрядах). Под социально-психологическим климатом в данном случае подразумевается преобладаю-

щий в общности относительно устойчивый эмоциональный настрой, в котором выражаются отношения осужденных друг с другом, к исправительному воздействию, нормам и требованиям, а также администрации исправительных учреждений [2, с. 355].

В основе социально-психологического климата находятся те общественные отношения, которые представлены в определенной системе ценностей, нормах и правилах поведения. Наличие различных неформальных групп осужденных может свидетельствовать о достаточно пестрой, неоднородной и противоречивой среде их содержания.

Основными факторами поляризации отношений между осужденными и их группировками являются: уголовно-правовой и криминологический состав осужденных исправительного учреждения; степень влияния лидеров положительной или отрицательной направленности; уровень квалификации и профессиональных качеств персонала исправительных учреждений; обеспечение трудом осужденных и их профессиональная подготовка. Указанные факторы в значительной степени влияют на частоту возникающих конфликтов.

Исследования показывают, что в качестве традиционных поводов, влияющих на возникновение конфликтных ситуаций среди осужденных в исправительных учреждениях разных видов режима, выступают оскорбление, употребление спиртных напитков, обман, несоблюдение норм асоциальной тюремной субкультуры, борьба за лидерство, кражи, невозвращение долга, сотрудничество с администрацией исправительного учреждения, реакция на сделанное другими осужденными замечание.

Шестая группа причин конфликтов обусловлена социально-личностной ситуацией типа «осужденный(е) — сотрудник(и) исправительного учреждения». Такого рода конфликты, как уже отмечалось ранее, могут зависеть от личностных особенностей инспектора безопасности, дежурного помощника начальника исправительного учреждения, оперативного работника, начальника отряда.

Эти конфликты проявляются по вертикали социальных взаимоотношений и объясняются рядом факторов: характерологическими и типологическими свойствами сотрудников, которые находятся в непосредственном контакте с осужденными (эмоциональная неустойчивость, грубость), отсутствием опыта работы в условиях исправительного учреждения, профессиональной неподготовленностью, а порой и непригодностью, некомпетентностью, профессиональной деформацией, которая проявляется в злоупотреблении должностными полномочиями, озлобленностью, предвзятостью, подозрительностью. Осужденные остро воспринимают несправедливое отношение к себе со стороны сотрудников учреждения, особенно, если речь идет о наложении дисциплинарного взыскания, применении специальных средств, оскорблении в присутствии других осужденных. Достаточно часто справедливое замечание или взыскание вызывают у осужденных недовольство или протест.

В теоретических основах юридической конфликтологии в качестве причины конфликтов рассматривается депривация — явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. С течением времени она

может усиливаться либо уменьшаться или оставаться неизменной.

В местах лишения свободы депривация у осужденных проявляется в виде гнетущего ожидания окончания срока уголовного наказания, изменения условий содержания с одной стороны и ограниченного круга возможностей скорейшего освобождения либо отсутствия перспективы освобождения с другой. Очевидно, что с течением времени депривация у осужденных может усиливаться, уменьшаться или оставаться неизменной в зависимости от того, в каком соотношении находятся ожидания и возможности их удовлетворения.

Как правило, усиление депривации порождает агрессивные реакции на фрустрацию и проецируется в виде конфликтов различной типологии — в протестных формах, направленных против источников разочарования подлинных или придуманных виновников бедственного положения. В местах лишения свободы депривация часто становится причиной аутоагрессивного (демонстративно-шантажного) поведения. Аутоагрессивное поведение (от гр. *autos* — сам): 1) психологическое качество, присущее личности, отличающееся неприязненным или враждебным поведением; 2) первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «само...», например аутогенный — возникающий в самом организме. Агрессивные действия, направленные на самого себя (нанесение тяжких повреждений, суицид).

Литература

1. Антонян Ю.М., Верещагин В.А. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Гос-во и право. — 1999. — № 11. — С. 44–50.

2. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. — СПб., 2004.
3. Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования. — М.: Прогресс, 1988.
4. Деметьев С.И. Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. — Ростов н/Д, 1981.
5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. — М., 1996.
6. Карпец Н.И. Наказание: социальные правовые и криминологические проблемы. — М., 1973.

7. Краткий словарь по философии. — М., 1966.
8. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. — М.: Юрид. лит., 1968.
9. Платонов К.К., Глоточкин А.Д., Игошев К.Е. Исправительно-трудовая психология. — Рязань, 1985.
10. Сундуров Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. — Казань, 1980.
11. Уткин В.А., Детков А.П. Пожизненное лишение свободы. — Томск, 1997.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В. М. Литвишков, О. А. Кучерявая

Аннотация: в исследовании представлены педагогические условия формирования у курсантов технического факультета образовательного учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) профессионально значимых качеств личности, необходимых для деятельности как по основному предназначению, так и по возможному «непредсказуемому» назначению (распределению) на смежную должность.

Ключевые слова: педагогические условия, качества личности, навыки.

The summary: the study provides a pedagogical conditions of formation of the cadets Engineering Faculty of the educational institution of the correctional system (UIS) professional and relevant personal qualities necessary for the activities, both on the main purpose Nome, and on a possible 'undefined' appointment (the distribution) to the adjacent position.

Keywords: pedagogical conditions, personality traits, skill.

Анализ отзывов руководителей подразделений комплектующих органов УИС на выпускников технического факультета Воронежского института ФСИН России показывает, что процент положительных оценок деятельности выпускников технического факультета руководителями комплектующих органов УИС довольно высок (около 95 % положительных отзывов), что свидетельствует о хорошей теоретической и практической подготовке, полученной курсантами за время учебы. Однако в связи с реформированием системы образования в уголовно-исполнительной системе, ростом требований к техническим специалистам в целом и специалистам УИС в частности в мировых масштабах, быстрым развитием специальных технических средств (охраны, связи, передачи информации, измерения, радиоподавления и документирования) достигнутого уровня через год-два будет не достаточно, поэтому его необходимо

постоянно повышать. Кроме того, большинство руководителей комплектующих органов УИС высказали пожелания о повышении уровня практических знаний и навыков.

Анализ содержания подготовки курсантов технического факультета в образовательном учреждении УИС указывает на преобладание общих профессиональных и специальных дисциплин (около 55 % учебного времени). С одной стороны, это определяется государственным образовательным стандартом по подготовке инженерно-технического состава УИС (квалификация офицера выпускника технического факультета — инженер), с другой стороны, имеет место несоответствие содержания подготовки офицера-выпускника технического факультета в образовательном учреждении УИС с его «непредсказуемым» профессиональным назначением (распределением по должности) в учреждениях УИС. Доля распределения курсантов-выпускников технического факультета не на технические должности в учреждениях УИС составляла в разные годы (начиная с 2006 г.) от 3 до 10 %.

Подобная ситуация приводит к тому, что многие выпускники испытывают наибольшие трудности и показывают наименьшую подготовленность в вопросах правовой, охранно-караульной, исправительно-воспитательной и других видов деятельности. В конечном счете молодой офицер нередко испытывает чувство разочарования в выбранной профессии, и приходит к выводу об отсутствии у него профессионально значимых качеств, что, в свою очередь, может привести к принятию решения об увольнении из УИС. Как показывает статистика, за последние 3 года количество уво-

ленных по указанной причине офицеров-выпускников Воронежского института ФСИН России составило около 5 % от общего числа, что является достаточно высоким отрицательным показателем.

Изложенное свидетельствует о том, что помимо формирования профессионально значимых качеств (навыков) по основному инженерно-техническому предназначению, необходимо изыскать возможность дополнительно развивать у этой категории обучающихся навыки правовой и воспитательной работы, а также командно-методические навыки.

Как уже указывалось ранее, развитие и реформирование системы образования в уголовно-исполнительной системе, осуществляемые в сложной социально-экономической, общественно-политической и информационной обстановке, существенно меняют направленность жизненных приоритетов и, как следствие, изменяют социальный портрет сотрудника уголовно-исполнительной системы. При этом основной задачей образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы является воспитание «нужного» сотрудника, чтобы при распределении в управлениях УИС комплектующих регионов курсанта-выпускника технического факультета на не инженерную должность он смог проявить себя высококвалифицированным специалистом, обладающим требуемыми знаниями и высокими деловыми и моральными качествами.

Не теряет своей актуальности необходимость поиска новых путей совершенствования подготовки будущих офицеров в высшем образовательном учреждении УИС и создания оптимальных условий для формирования профес-

сионально значимых качеств личности.

По нашему глубокому убеждению, обучаемые должны быть включены в инфосферу и предмета будущей деятельности, и «околопредметной» деятельности. Иными словами, нужна профессионально-квалификационная среда общения, а также практика в соответствующей области деятельности, наличие множества ролевых моделей, понимание относительности своей компетентности как субъективного условия ее дальнейшего развития и поддержка со стороны коллег творческой инициативой.

Это может быть реализовано через программу привития курсантам необходимых качеств-навыков (инженерно-технических и командно-методических навыков, а также навыков в правовой и воспитательной работе), которая должна стать органической частью образовательного процесса для курсантов технических факультетов в образовательном учреждении УИС.

Процесс привития навыков должен осуществляться как в рамках учебных занятий по расписанию, так и в ходе мероприятий, предусмотренных распорядком дня во вне учебное время (тренировки и тренажи, методические занятия, спортивно-массовая и культурно-досуговая работа, выполнение должностных обязанностей в повседневной деятельности и др.).

На начальном этапе обучения курсант выступает в роли помощника руководителя занятия, а затем — в роли соответствующего начальника или руководителя на учебном месте или руководителя всего занятия при отработке тем по методикам, отражающим проведение занятий по правовой, охранно-караульной,

исправительно-воспитательной и инженерно-технической формам подготовки. В повседневной жизни курсант технического факультета может быть назначен стажером соответствующего должностного лица.

Важную роль в расширении знаний о сущностных аспектах будущей профессиональной деятельности играют стажировка и практика в соответствующем *учреждении УИС*, которые курсанты проходят каждый год, за исключением 1-го курса. При прохождении основной стажировки или практики в соответствующем *учреждении УИС помимо руководителя по основному должностному предназначению курсанту по согласованию с руководством учреждения может быть назначен дополнительный руководитель не технической специальности.*

Процесс формирования навыка включает в себя определение компонентов и такое овладение мероприятиями, которое позволяет достичь наивысших показателей на основе совершенствования и закрепления связей между компонентами, их автоматизации и высокого уровня готовности к воспроизведению действия.

Процесс формирования навыка по своему содержанию можно выразить структурой, представленной на рисунке 1.

В свою очередь, первый этап этого процесса состоит из *теоретической* (получение необходимых знаний) и *практической* (выработка умений применить знания на практике) *подготовки.*

Знание — результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий.

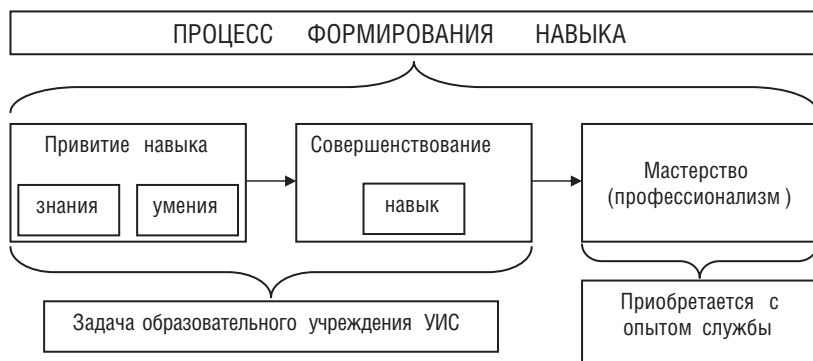

Рис. 1. Формирование и совершенствование навыков

Умение — совокупность знаний и гибких навыков, обеспечивающая возможность выполнения определенной деятельности или действия в определенных условиях.

Главная задача формирования и развития профессиональных навыков у курсантов заключается в том, что они должны быть прочными, гибкими, разнообразными, охватывать важнейшие операции, типичные для конкретной специальности (специализации). Условно все профессиональные навыки можно разделить на навыки управления подразделениями в критической ситуации и повседневной деятельности.

По мнению И.В. Биочинского, практические умения и навыки целесообразно формировать на основе следующей градации основных профессиональных задач:

- организация повседневной деятельности подразделения (организация выполнения элементов распорядка дня, проведение учебных занятий, воспитательных и других мероприятий);
- эксплуатация вооружения и специальной техники;
- служебная подготовка подразделе-

лений;

- воспитание физической выносливости и психологической устойчивости личного состава [1].

Исходя из перечисленных задач, можно сформулировать следующие основные группы профессиональных качеств (навыков, умений):

- *командно-методические* (навыки и умения в проведении занятий с подчиненными по предметам общей и специальной подготовок; постановке задач подчиненным, контроле и подведении итогов их исполнения; в самостоятельном выполнении и контроле за правильностью выполнения обязанностей должностными лицами дежурной службы и суточного наряда);

- *воспитательные* (учебно-методические и индивидуально-воспитательные навыки, навыки межличностных отношений, изучения индивидуально-психологических особенностей подчиненных, проведения воспитательных мероприятий, в работе по укреплению служебной дисциплины);

- *профессиональной деятельности* (навыки и умения в выполнении должностных обязанностей инженера ИТО,

инженера связи и инженера вооружения отдела охраны и т. д.);

– *правовой деятельности* (навыки и умения в выполнении должностных обязанностей начальника караула, инспекторов отдела охраны и отдела безопасности);

– *в проведении организационных* (навыки в подготовке и проведении совещания, умение написать решение или постановление), *информационных, культурно-досуговых, спортивно-массовых мероприятий и мероприятий правового характера;*

– *интеллектуальные* (навыки и умения в решении типовых управленческих и инженерных задач, ведении опроса, изложении сложного материала и т. п.);

– *в работе с литературой* (нормативно-справочной, руководящей, эксплуатационно-технической, специальной, художественной и др.);

– *в работе со специальной техникой, применении современных технических средств обучения и информационных технологий, использовании измерительных приборов общего и специального назначения и т. п.*

На весь срок обучения курсантов необходимо разрабатывать план формирования у них командно-методических навыков, навыков в воспитательной и правовой работе и профессиональной деятельности. В соответствии с ним на факультетах, кафедрах и курсах должны разрабатываться более детальные планы. В них должны отражаться основные прививаемые навыки (группы навыков), конкретные мероприятия по их формированию, периодичность и сроки проведения.

План формирования командно-методических навыков, навыков в вос-

питательной и правовой работе и профессиональной деятельности обеспечивает единство требований и системно-согласованных действий всех должностных лиц образовательного учреждения УИС по привитию курсантам технического факультета практических умений и навыков в их будущей служебной деятельности, в том числе при распределении не на технические должности в учреждениях УИС.

Формирование практических умений и навыков необходимо осуществлять поэтапно. Так, в первой половине обучения (1-2 курсы) формируются и совершенствуются в основном навыки, относящиеся к общей служебной подготовке. Во второй половине (3-5 курсы) — совершенствуются полученные ранее навыки (умения) общей служебной подготовки и формируются профессиональные навыки (умения) по специальности подготовки будущего офицера УИС.

При этом целесообразно формирование практических умений и навыков правовой, охранной, технической и воспитательной направленности организовать по следующей схеме (для 5-летнего срока обучения):

на 1 курсе — формируются необходимые теоретические знания об учреждениях, исполняющих наказания, и уголовно-исполнительной системе в целом, а также порядке прохождения службы на первичных офицерских должностях;

на 2 курсе — совершенствуются знания об уголовно-исполнительной системе, прививаются навыки службы в инженерно-технических подразделениях на первичных офицерских должностях (инженер ИТО, инженер связи и инженер вооружения отдела охраны и т. д.) во время стажировок и практик;

на 3 курсе — совершенствуются знания о порядке прохождения службы в УИС, прививаются навыки службы в караульных, конвойных и охранных подразделениях на первичных офицерских должностях (начальник караула, начальник конвоя, инспектор отдела охраны и т. д.);

на 4 курсе — совершенствуются навыки службы в караульных, конвойных и охранных подразделениях на первичных офицерских должностях, прививаются навыки службы в подразделениях безопасности на первичных офицерских должностях (инспектор отдела безопасности и т. д.) во время стажировок и практик;

на 5 курсе — совершенствуются навыки службы в подразделениях безопасности на первичных офицерских должностях во время стажировок и практик.

Подготовка курсанта организуется таким образом, чтобы командно-методические навыки, навыки в воспитательной и правовой работе и профессиональной деятельности прививались им непрерывно в течение всего срока обучения. Например, если отдельные курсанты приобрели недостаточные умения и навыки в исполнении обязанностей инспектора отдела охраны, то следует продолжать их совершенствование (если это необходимо и на 4-ом и 5-ом курсах).

Иными словами, процесс привития и совершенствования практических умений и навыков продолжается непрерывно в течение всего срока обучения (вне зависимости от курса).

При планировании мероприятий по привитию командно-методических навыков, навыков в воспитательной и правовой работе и профессиональной (инженерно-технической) деятельности

необходимо максимально использовать требования действующих законов, правовых актов, руководящих и служебных документов, учебных планов и программ подготовки офицеров по установленным для образовательного учреждения УИС специальностям.

Главным условием создания системы формирования профессиональных качеств (навыков) выступают правильный их выбор (определение) и согласование замысла по их формированию с квалификационными требованиями, учебными планами и программами, а также бюджетом времени, выделяемым на проведение соответствующих мероприятий распорядка дня (во внеучебное время).

Определяющим в формировании практических профессионально значимых качеств будущего офицера является глубокое изучение обучаемыми рекомендуемых действующих законов, правовых актов, а также руководящих и служебных документов, необходимых для выполнения ими соответствующих обязанностей по должностному предназначению.

Целесообразно навыки (качества и умения) подразделять на такие группы (подгруппы, совместные группы), которые характеризуют уровень профессиональной подготовки выпускников. Например, в части командно-методических навыков и навыков правовой работы — это управление отделением, учебной группой, курсом, суточным нарядом, дежурной службой, а во время стажировок или практик — управление караулом, отделами охраны или конвоирования.

С целью выработки единых подходов в формировании требуемых навыков у курсантов в образовательном

учреждении УИС должна создаваться предметно-методическая комиссия, в состав которой включаются представители руководства образовательного учреждения УИС, начальники кафедр, ведущие преподаватели, осуществляющие подготовку курсантов по инженерно-технической, правовой, охранно-караульной и исправительно-воспитательной предметной направленности, начальники подразделений курсантов.

Предметно-методическая комиссия осуществляет методическое обеспечение формирования у курсантов инженерно-технических, командно-методических навыков, навыков воспитательной работы и правовой работы, нравственных и морально-психологических качеств.

Рекомендации и решения заседаний предметно-методической комиссии утверждаются начальником образовательного учреждения УИС.

Анализ проведения мероприятия по привитию практических умений и профессионально значимых качеств и навыков (во внеучебное время) и его оценка отражаются в журнале контроля привития качеств (умений, навыков), и доводится до всех членов предметно-методической комиссии, начальников подразделений и курсантов не реже одного раза в месяц. Анализ и оценка проверенного учебного занятия (в учебное время) осуществляются согласно требованиям руководящих документов по организации учебного процесса в образовательных учреждениях УИС.

Предметно-методическая комиссия разрабатывает план работы на учебный год, мероприятия которого включаются в годовой план основных меро-

приятий образовательного учреждения УИС (отдельным разделом), а также в план-календарь основных мероприятий образовательного учреждения УИС за месяц.

Итак, механизм реализации системы формирования у курсантов профессионально значимых качеств (умений, навыков) представляет собой выполнение комплекса организационных и учебно-методических мероприятий, который завершается контролем уровня практической подготовки курсантов и необходимой корректировкой процесса формирования профессионально значимых качеств, умений и навыков (так называемая обратная связь).

В настоящее время подбоя данной программы по формированию профессионально значимых качеств, умений и навыков официально внедрены в процесс подготовки курсантов отдельных образовательных учреждений силовых министерств. Вместе с тем анализ опыта по ее внедрению в некоторых образовательных учреждениях позволяет нам говорить как о пользе этой программы, так и о недостатках организационного характера, из-за которых нельзя сказать об адекватности полученных результатов.

Работа активно ведется в начале учебного года, затем замедляется к середине и снова активизируется к концу года, когда необходимо подводить итоги, поэтому имеет место определенный субъективно-неопределенный «подыгрыш». Присутствует обусловленная ограничением служебного времени разобщенность в действиях командиров подразделений и преподавательского состава. Мнение последних не учитывается при оценке результата стажировки

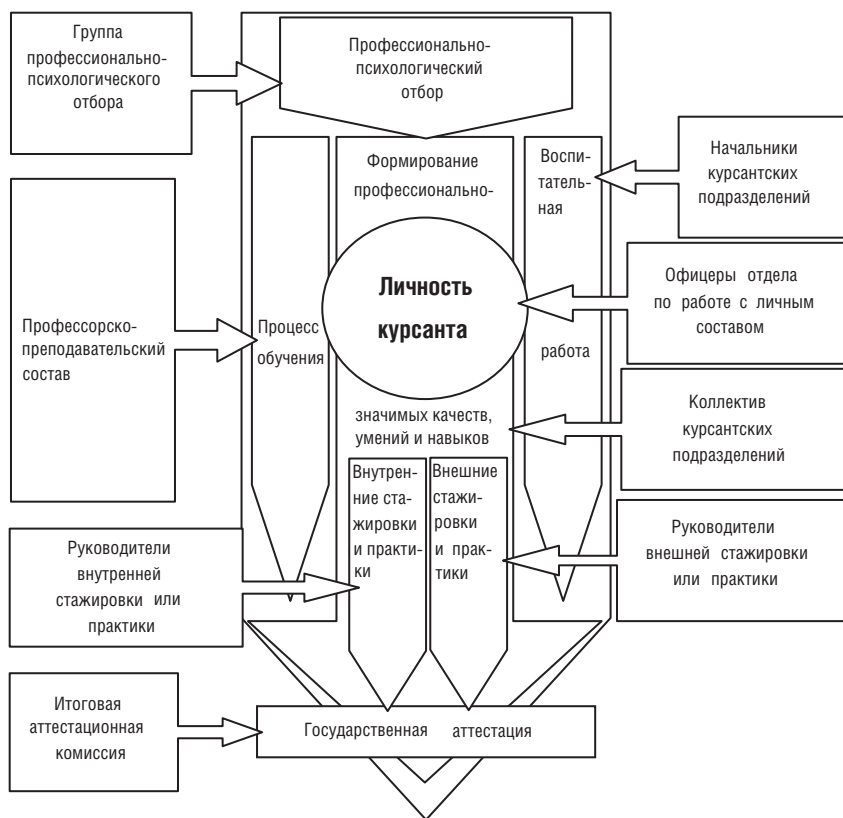

Рис. 2. Структурная схема субъектов, участвующих в процессе формирования профессионально значимых качеств, умений и навыков

или практики того или иного курсанта, а следовательно, и степени привития качеств, умений и навыков.

При определении оценки курсанту-стажеру надо обязательно выяснять мнение коллектива, его товарищей, которые должны будут выступить в роли оппонентов. Важно мнение и самого курсанта, оно также должно быть учтено, для чего в ходе подведения итогов следует предусмотреть для него возможность дать собственную оценку успешности выполнения должностных обязанностей, раскрытию трудностей

и путей их преодоления. Это требуется для того, чтобы охватить все формы организованного влияния на личность на институциональном, интерперсональном и интраперсональном уровнях [2] в процессе формирования профессионально значимых качеств и активизации деятельности субъектов этого процесса. На рисунке 2 в структурном виде представлены субъекты, участвующие в этом процессе.

Следующее условие успешности формирования профессионально значимых качеств — создание положитель-

ного эмоционального фона профессионального образования. Его значение вытекает из того факта, что образовательный процесс идет успешнее, если он реализуется на положительном эмоциональном фоне, при условии, что используемые технологии обеспечивают гарантированное достижение целей образования для всего контингента обучаемых без каких-либо существенных морально-эмоциональных издержек.

Существенную роль в этом деле играет проводимая в образовательном учреждении УИС воспитательная работа. Так, среди культурно-воспитательных мероприятий, которые могут повлиять на формирование профессионально значимых качеств личности следует назвать мероприятия патриотической направленности: встречи с ветеранами Великой Отечественной Войны, ветеранами УИС, героями России — действующими сотрудниками УИС, посещение музеев, выставок, памятных героических мест воинской славы, просмотр патриотических фильмов), а также литературные и тематические вечера и утренники и т. д.

Подобные мероприятия дают возможность многим курсантам оценить себя, утвердиться в правильности выбранного пути, переосмыслить отношение к учебе, дисциплине, да и ко всему процессу подготовки.

Таким образом, существенными педагогическими условиями формирования профессионально значимых качеств личности являются:

- профессиональная направленность содержания и процесса обучения;
- включенность личности обучаемого в инфосферу предмета будущей деятельности;
- положительный эмоциональный фон учебно-воспитательного процесса;
- организация профессионального самовоспитания личности;
- реализация профессиональной подготовки на основе кумулятивного приобретения профессионального опыта.

Литература

1. Биочинский И.В. Формирование командных навыков у студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М.: ВПА, 1987. — 22 с.
2. Гинецинский В.И. Основы теоретической педагогики. — СПб.: СПбГУ, 1992. — 205 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА

И. И. Купцов, Т. В. Пивоварова

Аннотация: в статье описывается сравнительная характеристика познавательных интересов и представлений об идеалах подростков православной гимназии, общеобразовательной школы и несовершеннолетних осужденных женского пола воспитательной колонии; формулируются выводы об основах коррекционной работы по формированию и развитию указанных психологических феноменов у несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: несовершеннолетние, познавательные интересы, идеалы, сфера интересов, жизненные планы, нравственные и волевые качества.

The summary: in article the comparative characteristic of cognitive interests and concepts about ideals of teenagers of an orthodox grammar school, a comprehensive school and minor convicted prisoners of a female of an educational colony is described; conclusions about bases of correctional work on formation and progress of the specified psychological phenomena at minor convicted prisoners are stated.

Keywords: minor, cognitive interests, ideals, area of interests, vital plans, moral and strong-willed qualities.

Исправление и ресоциализация несовершеннолетних осужденных женского пола предполагает всестороннее объективное исследование личностных особенностей. В этом аспекте важным представляется исследование познава-

тельных интересов и представлений об идеалах подростков.

Познавательные интересы несовершеннолетних осужденных — одна из характеристик направленности личности, на основании которой можно делать выводы о перспективах личностного развития, выборе жизненного пути, будущей профессии и т. д.

Важно подчеркнуть, что на процесс исправления и ресоциализации особое влияние оказывает наличие или отсутствие идеалов у несовершеннолетних осужденных. В связи с этим проведенное нами исследование и было направлено на изучение идеалов подростков, к которым они стремятся (при условии, что таковые имеются).

Исследование указанных аспектов важно и для анализа современного состояния нашего общества (экономического, политического и особенно духовного). Негативные социальные явления, ярко проявляющиеся в наши дни, не совместимы с понятием цивилизованного общества. Так, результаты интернет-опросов показывают, что 43 % учащихся оскорбляют и не слушают учителей в школах, 50 — нецензурно выражаются на уроках, 44 % — заняты только своей личной жизнью (секс, выпить, погулять и т. д.). Имеют место случаи избиения учителей за плохие оценки и замечания [3, с. 240–241].

Перед нами, естественно, встал вопрос: не потеряно ли всё и вся в самой воспринимающей и очень опасной воз-

растной группе — подростковой?

Экспериментальное исследование нами проводилось в Рязанской православной гимназии во имя святителя Василия рязанского, русской классической школе № 7 г. Рязани (школе с патриотическим уклоном) и вечерней (сменной) общеобразовательной школе воспитательной колонии (ВК) п. Льгово Рязанской области. Такой выбор объяснялся тем, что мы хотели проанализировать общее и частное в сфере отношения учащихся к разным дисциплинам школьного цикла, различным профессиям, которые подростки желают избрать в будущем, и, наконец, выяснить, есть ли у подрастающего поколения идеалы и какие качества им импонируют в них.

В эксперименте участвовало 147 подростков (40 несовершеннолетних осужденных женского пола, 92 школьника (в том числе 44 юноши и 48 девушек учащихся VIII и IX классов) и 15 учащихся гимназии (в том числе 8 юношей и 7 девушек) (исследование в православной гимназии проводилось студенткой 4-го курса психологического факультета Академии ФСИН России Т.В. Поповой). Средний возраст испытуемых составил 14–16 лет.

Нами была использована методика «Карта интересов» [1, с. 96–98] (А.Е. Голломшток), сочинение на тему «Идеал, к которому я стремлюсь» (И.И. Купцов) и анкета для воспитанников гимназии.

Методика «Карта интересов» позволяет определить сферы интересов учащихся, выяснить, насколько они осведомлены о специфике будущей профессии. В итоге у каждого испытуемого из всего перечня интересов (1 — отношение к математике и физике, 2 — химии, 3 — электротехнике, 4 — технике, 5 — ге-

ографии, 6 — биологии, 7 — литературе, 8 — истории, 9 — педагогике и школе, 10 — профессии врача, 11 — хозяйственной деятельности, 12 — искусству, 13 — военно-патриотическому делу) были выделены пять доминирующих.

Так, нами было установлено, что у девушек всех исследуемых подгрупп наиболее выражен интерес к хозяйственной деятельности (сфера обслуживания, труд, домоводство) и отношение к педагогике и школе, которые занимают соответственно первое и второе места в рейтинге; 66,7 % девушек гимназии считают, что домашнее хозяйство является важным приоритетом для будущей жизни и создания семьи. К этому их призывают учителя-священники.

Учащиеся 7-й школы и православной гимназии (59 %) очень заинтересованы в воспитательной работе (ухаживать за детьми, играть с ними, рассказывать сказки и т. д.); 20,8 % явно выражают интерес к деятельности вожатого в детских лагерях, а также к оказанию помощи младшим школьникам.

Одновременно мы констатируем, что 25 % воспитанниц даже в условиях колонии нравится шить, заботиться об уюте в школе, спальных помещениях.

Анализ полученных данных показывает, что у юношей православной гимназии интересы более разнообразны. Наиболее популярны — искусство, защита Родины, литература, электротехника, медицина, общественная работа. К хозяйственной деятельности интерес менее выражен. Целью образовательного процесса гимназии является осуществление полного среднего образования и содействие воспитанию личности, которую отличает духовное и физическое здоровье, нравственность, ответствен-

ность перед Богом и миром, осознанный выбор своего места в жизни для служения Отечеству.

У девушек всех трех подгрупп наименьший интерес представляет отношение к техническим наукам (соответственно 10–13 места). Воспитанницы ВК выразили больший интерес к технике и электротехнике чем школьницы. Это связано с тем, что в условиях изоляции они не только учатся, но и работают на производстве (производят швейную продукцию).

Отношение к искусству занимает 4-5 место в иерархии интересов трех подгрупп. У воспитанниц это выражается в участии в работе самодеятельных организаций (помощники воспитателей организации работы в отряде, участие в смотрах художественной самодеятельности), где они проявляют свое творчество и креативные способности. Этому способствует совместная деятельность воспитательного отдела и персонала (проведение тренинговой работы, организация досуга). В свою очередь, школьницы посещают секции каратэ, аэробики, баскетбола, уроки хореографии (в танцевальной студии «Драйв»), изостудию, детский музыкальный театр. Многие в сочинении выразили потребность в изучении нескольких иностранных языков. В гимназии работает православная школа искусств «Лествица», детский хор «Кораблик» (выступавший с концертами в Рязанской области, Московском Кремле и Московской Духовной Академии, а также в различных городах России), многочисленные бесплатные кружки (выпиливания, «Златошвейка», «Сударушка», радиокружок, спортивные секции, детский театр «Перезвон», школьный краеведческий музей и др.).

Сравнение интересов воспитанниц ВК, учащихся девушек 7-й школы и православной гимназии в нашем исследовании позволило выявить ряд существенных различий.

Во-первых, у правопослушных школьниц отношение к военно-патриотическому делу (любовь к Родине) занимает более высокую ступень в иерархии интересов. Это весьма закономерно, так как 7-ая школа с патриотическим уклоном, что предполагает определенную специфику учебно-воспитательного процесса. Во главу угла здесь ставится формирование национального самосознания, достоинства, гражданственности, патриотизма у учеников. Характерно, что в этой школе много времени посвящается внеклассной работе: проводятся дни России, организуются различные игры, классные часы, посвященные изучению российской символики, ежегодно проводится месячник военно-патриотической работы, в дни празднования Великой Победы ежегодно организуется вечер, куда приглашают бывших учителей — участников войны. У школы есть свои неизменные традиции: патриотические акции, поисковая работа школьников в рамках музеев боевой славы и истории школы, совместные праздники учащихся школы и курсантов РВДКУ, мероприятия, посвященные русским народным традициям, дни науки, фестиваль искусств, дни России, дни школы. Школа сотрудничает со многими вузами г. Рязани, а также международными хореографическими проектами (Чехия, Италия).

В гимназии все образовательные программы имеют в своей основе также православную духовность, предметность, национальное воспитание,

служение Родине. С начала существования гимназии ежегодно в июне гимназисты отдыхают в профильном православном летнем лагере, работающем по программе «Святая Русь: история и святыни». Цель программы — сформировать у детей благоговейное и уважительное отношение к земле, на которой они живут, ее истории. В рамках этой программы подростки совершают многочисленные паломничества к святыням Рязанского края, участвуют в их восстановлении. Благодаря проведенной детьми работе в Спасском районе началось восстановление 4 храмов. Великий педагог Д.К. Ушинский писал: «Образования без духовно-нравственного воспитания не должно быть» [2, с. 68].

Во-вторых, у учащихся девушек доминирует интерес к гуманитарным предметам: литература, история (7 и 9 места), естественно-математическим: математика, биология, химия (10, 3 и 6 места). У воспитанниц наибольший интерес к биологии и профессии врача (3 и 4 места). К физике и математике интерес слабый (11 место). Литература и история находятся на 8 и 9 месте соответственно.

У-третьих, 50% правопослушных девушек любят медицину (3 место в иерархии) и рассматривают профессию врача как перспективу своего дальнейшего развития. У воспитанниц ВК интерес к географии почти в 2 раза больше, чем у школьников — 7 и 11 места.

У юношей гимназии и 7-й школы существенных различий не обнаружено. На первом и втором местах у них стоят интересы, связанные с военно-патриотическим делом и интерес к электротехнике, технике. Многие уже выбра-

ли тот вуз, в который они планируют поступать в будущем.

При написании сочинения «Идеал, к которому я стремлюсь», получены следующие результаты. В православной гимназии 1/3 (33,3%) учащихся отметили желание быть похожими на родных им людей и указали такие важные качества, как целеустремленность, твердость характера, любовь к детям и др. Это подтверждают данные анкеты: на всех без исключения при постановке жизненных планов слабое влияние оказывает телевидение, а сильное влияние имеют родители, иногда другие родственники. 33,3% учащихся (девушки) указали на черты, присущие православному человеку. Так, например, Маша Е. пишет: «Все люди подобны Богу, каждый носит его образ в себе, поэтому его нужно хранить и стараться преумножать добродетель». Остальные 33,4% (по 16,7%) указали на то, что у них нет идеала (Яна С.: «Если подражать кому-то, то все люди будут одинаковые, и с ними не интересно будет общаться») или есть конкретный человек (знаменитость). Они подчеркивают, что каждый человек есть индивидуальность, личность.

У 85,4% учащихся 7-й школы есть идеал и только 14,6% его не имеют. Девушки, описывая свой идеал, указывают конкретную личность (18,75%) — знаменитость (актер, музыкант, фотомодель, писатель, близкий человек). Алина С., 14 лет пишет: «Я хочу быть как мой дедушка Рамир. Потому что он умный, образованный, честный и всегда останавливает воровство, неправду. Он очень добрый и справедливый. Он никогда не сдаётся и не опускает руки». Илья Д., 14 лет пишет: «Моим идеалом является Федор Емельяненко. Он сильный,

спокойный и расчетливый. В течение многих лет он оставался непобедимым. До сих пор он является самым крутым человеком мира». В сочинении школьники выделяют у идеалов такие качества: образованность, ум, остроумие, интеллект, мудрость, любознательность. Так, Елена Я., 15 лет пишет: «Я бы хотела быть умной, спортивной, знать много иностранных языков, объехать весь мир, узнавать и изучать что-то новое, стать лучшим врачом (например, педиатром или стоматологом)». Олег К., 15 лет пишет: «...Закончить школу. Затем пойти на обучение в Радиотехнический институт, обучиться на программиста. После — устроиться на работу, зарабатывать денег и открыть свою фирму, которая будет разрабатывать игры и программы». Одновременно учащиеся 7-й школы считают, что идеальный человек должен быть решительным (19,6%), целеустремленным (8,7%), обладать сильной волей (7,6%).

Несовершеннолетние осужденные в своем сочинении, посвященном идеалу, наделяют его эмпатическими способностями, такими как забота, отзывчивость, понимание, умение выслушать, посочувствовать (15%). С добротой отождествляют идеал 25% воспитанниц. Стремятся наделять свой идеал таким качеством, как доброта 25% воспитанниц. Подобным идеалом для них является мать (20%). Как известно, у многих несовершеннолетних осужденных до ареста проявляются сложные (враждебные) отношения с родными и близкими. Попадая в места лишения свободы, подрастают кардинальным образом пересматривают эти отношения. Большинство осужденных ВК дают весьма положительную характеристику своим родным и

близким, признаются им в любви, сожалеют о своем поведении и совершенном преступлении, извиняются за содеянное. Только попав в места лишения свободы, несовершеннолетние осужденные начинают сильно переживать отрыв от семьи и родных, осознавать, насколько важно для них находиться рядом с близкими людьми. Одна из осужденных (Татьяна К., 15 лет) пишет: «Я, лично, стремлюсь стать послушной девочкой и, конечно, любимой маминной дочкой..., потому что мне сейчас надо срочно домой к своей мамочке и родным. Я их очень сильно люблю и хочу к ним. Я буду сейчас очень стараться. Я сделаю все, чтобы быть с мамочкой моей». Другая осужденная (Юлия М., 16 лет) отмечает: «Я хочу быть такой же, как моя мама — умной, доброй, красивой. Здесь мне очень не хватает ее ласки». Эти данные подтверждаются личной беседой с осужденными. Остальные 35% воспитанниц не имеют четкого представления об идеале («хороший человек», «свобода действий», «благополучие», «успех», «чувство юмора» и др.). В целом же идеал отсутствует или они «сами себе идеал» у 25% осужденных. Примером нравственного идеала в жизни несовершеннолетних осужденных, наряду с родителями, являются также психолог и учитель. Воспитанницы внимательно следят за действиями педагога и психолога, перенимают у них приемы общения, зачастую и манеру поведения.

Таким образом, необходимо отметить несформированность представлений об идеале, наличие инфантильных идеалов, нередко отсутствие какого-либо конкретного идеала у осужденных. В то же время у школьников идеал связан с представлением о человеке ре-

шительном, целеустремленном, нацеленном на воплощение своих планов в жизнь, с четкими жизненными установками, наличием духовно-нравственных мотивов и потребностей. Многие из них четко поставили для себя цель и определились с будущей профессией, на какие предметы делать упор в обучении. В их представлении идеальный человек должен быть духовно-нравственно развитым и волевым. У гимназистов, по полученным нами данным, можно судить о высоте нравов, привитых в семье и гимназии православных традициях, где чтят старших, проявляют внимание к младшим и друг к другу. Они воспитаны, усердны в учебе, заинтересованы в образовательном процессе, скромны. Именно такие идеалы, на наш взгляд, следует формировать у несовершеннолетних правонарушителей в процессе обучения и воспитания в условиях ВК.

Таким образом, необходимо развивать и укреплять познавательные интересы в сознании воспитанниц ВК. Целесообразно в работе с несовершеннолетними правонарушителями сделать акцент на формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, осознания себя, призванного найти себя как личность, православно-го мировоззрения, а также на активном развитии интереса к гуманитарным и естественным предметам.

Исследование показало, что личностное развитие будет успешнее и в том случае, если несовершеннолетние осужденные видят перед собой конкретные примеры из жизни, точнее тех людей, которые в условиях ВК представляют собой нравственный идеал для

воспитанниц. Именно преподаватели, воспитатели и психологи воплощают в сознании воспитанниц образец для подражания, служат эталоном поведения, интеллектуального развития, добросовестного выполнения требований правил внутреннего распорядка ВК.

Мы полагаем, что полученные результаты исследования не являются исчерпывающими в изучении указанной проблематики. Данное пилотажное исследование — часть нашего основного исследования нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных (в рамках диссертационного исследования), которые успешнее формируются, если воспитанники опираются на реальные идеалы, при этом у них устойчивы познавательные интересы, а формирование системы личностных ценностей и психологических жизненных установок идет в положительном направлении. Перспективой нашего дальнейшего исследования выступает рассмотрение других аспектов в формировании и развитии нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных.

Литература

1. *Купцов И.И.* Внимание: подросток! В помощь учителям общеобразовательных школ и профтехучилищ. — М.: Моск. рабочий. Ряз. отд-ние. 1982. — 100 с.
2. *Семенов В.Е.* Психологические проблемы нравственности и духовности // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2011. — 480 с.
3. *Юревич А.В.* Антисоциальная социализация // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2011. — 480 с.

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕДИКО-САНИТАРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ»

А. В. Датий, А. А. Павленко, Ю. Н. Шаталов

На первом этапе реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года **(2010–2012 гг.) предусматривается** формирование организационной структуры медицинской службы уголовно-исполнительной системы, обеспечивающей эффективную реализацию мероприятий, направленных на достижение единого и соответствующего государственным нормативам уровня медицинского обслуживания сотрудников, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также проработка вопроса о предоставлении медицинской помощи осужденным и лицам, содержащимся под стражей, в полном объеме учреждениями здравоохранения, не входящими в уголовно-исполнительную систему.

Среди основных проблем медицинского обеспечения осужденных в уголовно-исполнительной системе, требующих решения, следует выделить:

- сокращение масштабов профилактики заболеваний;
- несбалансированность государственных гарантий бесплатного медицинского обслуживания и их финансового обеспечения, прямым следствием которых является снижение качества оказания медицинской помощи;
- низкая эффективность использования имеющегося ресурсного потенциала медицинских учреждений уголовно-исполнительной системы, работы первичного амбулаторно-

поликлинического звена, неоправданно медленные темпы структурных преобразований в отрасли;

- неудовлетворительная координация действий различных субъектов системы управления и финансирования медицинской службы.

УОМСО ФСИН России совместно с НИИ ФСИН России в 2012 г. необходимо определить приоритетные направления развития медицинской науки на период до 2020 г. и подготовить проект приказа ФСИН России «Об утверждении медицинских научно-исследовательских программ на 2013–2020 годы». В 2012 г. разработать и утвердить Положение о порядке планирования медицинских научных исследований, проведения экспертизы и приема готовой научной продукции.

Основными задачами медицинской науки должны стать:

- формирование стратегии сохранения и восстановления здоровья осужденных, разработка научных основ борьбы с наиболее распространенными заболеваниями;
- получение на основе фундаментальных исследований новых и углубление имеющихся знаний о здоровом и больном организме осужденного, его жизнедеятельности и адаптации к условиям содержания в исправительном учреждении;
- разработка новых схем организации медицинской помощи и управления медицинской службой;

– разработка системы тиражирования и внедрения научной продукции в практическую деятельность медицинских учреждений.

Развитие медицинской науки будет осуществляться на основе следующих принципов:

1) концентрация научно-технического потенциала и ресурсов на приоритетных направлениях медицинской науки;

2) возрастание роли программно-целевого планирования, повышение качества экспертизы научных исследований;

3) бюджетное финансирование фундаментальных и прикладных исследований на конкурсной основе;

4) развитие региональных научно-практических подразделений, разработка программ и проведение исследований;

5) нормативное закрепление правовых механизмов развития медицинской науки;

6) защита прав интеллектуальной собственности исследователей на результаты научной деятельности.

Научно-исследовательский институт ФСИИ России должен осуществлять функции по определению и разработке важнейших направлений фундаментальных и прикладных исследований, их организации и координации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, подготовке высококвалифицированных научных кадров, а также участвовать в разработке и выполнении научных разделов федеральных и региональных программ.

УОМСО ФСИИ России должно определять приоритеты в научных разработках прикладного характера и координировать федеральные программы в части научного обеспечения охраны здоровья осужденных и государственного санитарно-эпидемиологического надзора.

УОМСО ФСИИ России и НИИ ФСИИ России совместно должны осуществлять комплексную экспертизу научных программ, представлять свои рекомендации по внедрению в практику и эффективному использованию достижений медицинской науки, ежегодно составлять перечень наиболее актуальных и перспективных разработок.

4-Й НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФСИН РОССИИ (МОСКВА, ДЕКАБРЬ 2011 Г.)

В. А. Соснин

Уважаемые коллеги!

Я благодарю руководителя семинара профессора, доктора психологических наук Дмитрия Владиславовича Сочивко за возможность выступить перед вами.

Он попросил меня кратко проинформировать вас о содержании работы, которая подготовлена в институте психологии РАН в сотрудничестве с Академией ФСИН России. Я являюсь постоянным корреспондентом вашего журнала.

Название монографии — *«Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке»* (автор В.А. Соснин).

Данная монография — это продолжение исследований в сфере изучения психологических аспектов борьбы с международным терроризмом. В работе автор сознательно ограничился лишь проблемно-аналитическим аспектом этой темы. Понятно, что необходимы дальнейшие конкретные эмпирические исследования.

При подготовке и написании книги автор ориентировался на рекомендации и советы директора института психологии РАН Анатолия Лактионовича Журавлева и профессора Дмитрия Владиславовича Сочивко. Они фактически явились вдохновителями и руководителями проекта. Автор выражает им свою искреннюю благодарность.

Краткое содержание монографии

Условно она разделена на два раздела:

1. «Идейные и религиозные основания мотивации терроризма и суицидального терроризма».

2. «Психология в противодействии суицидальному терроризму».

Необходимо подчеркнуть, что это разделение весьма условное, поскольку при обсуждении тем эти вопросы возникали и взаимно пересекались. Автор надеется, что заинтересованный читатель правильно отнесется к элементам неизбежного повторения при изложении материала книги. Монография содержит 12 глав.

В первом разделе рассмотрены обоснование проблематики и основные положения, такие как этно-религиозные основания современного терроризма, понимание фундаментализма и причины возрождения религиозной воинственности ислама.

Уделено внимание анализу психологии мученичества в современном исламе как базовой мотивации суицидального терроризма. Рассмотрен социальный аспект радикального ислама и статус Корана в современном мире.

Особое внимание уделено анализу проблемы Глобального Джихада (как религиозного течения и экстремистской

политической идеологии в исламе и мотивации суицидального терроризма). Важным аспектом работы автор считает анализ современной межнациональной и межконфессиональной ситуации в России, ее специфики по сравнению с другими регионами мира.

Естественно, проанализирована проблема интернационализации суицидального терроризма в мире. Главное внимание уделено динамике суицидального терроризма в России и террористической деятельности организации Аль-Каиды.

Во *втором разделе* рассмотрен ряд проблем: оперативное выявление основных форм и признаков террористической активности, в частности — проблема вербовки террористов-смертников, осуществление оперативной связи тер-

рористов и проблема тактики переговоров с террористами. Кроме того, проанализировано содержание психологических операций в борьбе с терроризмом и ряд концептуально-терминологических вопросов при проведении психологических операций.

Кроме того, проанализированы уроки противодействия суицидальному терроризму государства Израиль и специфика деятельности его спецслужб в борьбе с суицидальным терроризмом (по открытым источникам).

В заключении рассмотрена проблема демократии в исламском мире — как эту проблему воспринимает исламский мир в целом и какие перспективы демократизации исламского мира (по западным представлениям) существуют в настоящее время.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ПЫТКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М. Ю. Кошарев

Аннотация: в статье рассматривается историческое развитие института уголовной ответственности за применение пытки сотрудниками мест содержания под стражей при исполнении ими своих служебных обязанностей как отдельной ветви правового института уголовной ответственности за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: пытка, сотрудники уголовно-исполнительной системы, применение физической силы, специальных средств и оружия.

The summary: the article focuses on the historical development of the institution of criminal responsibility for torture abuse by the personnel on duty of detention places. The author views this institution as a separate branch of the legal institution of criminal responsibility for illegal use of force, special warfare and weapon by the personnel of penalty enforcement agencies.

Keywords: torture; personnel of penalty enforcement agencies; use of force, special warfare and weapon.

Нет достоверной информации, где и когда впервые начали применяться пытки, однако известны упоминания об их применении в качестве средств наказания, устрашения и получения признаний в некоторых храмах и монашеских мона-

стырях многих древних государств [5].

Средневековье ознаменовало расцвет и широкое распространение пыток, в том числе в деятельности Святой инквизиции. Уполномоченные государством люди, в чьи должностные обязанности входило причинение лицу вреда посредством пыток, освобождались от всякого наказания, поскольку осуществляли такую деятельность в целях осуществления государственной политики.

Сотрудники мест содержания под стражей также активно применяли пытки в Средние века, в том числе для осуществления предварительного расследования преступлений. На начальных этапах досудебного расследования практиковалось также визуальное устрашение подозреваемого орудиями пыток, позволявшее ему вовремя раскаяться и избежать физического наказания. Если же после устрашения подозреваемый не признавался, то обозначенное орудие приводилось в действие, практически не оставляя ему шансов в конечном счете избежать ответственности за вменяемое деяние. «Средневековые юристы подчеркивали, что пытка должна быть «умеренной», что судьи не должны придумывать новых изощренных пыток, и против судей, нарушающих эти ограничения, может быть возбуждено судебное преследование. Но это теория, практика же была более зловеща» [6].

В период становления и развития русской государственности (с X по XVII

век) применение пыток было широко распространено как среди государственных работников суда — «палачей», так и среди сотрудников тюрем — «губных целовальников». В это время в государстве только начинали зарождаться первые предпосылки к гуманизации обращения с лицами, содержащимися под стражей.

В зарубежных странах применение пыток сотрудниками тюрем было частично ограничено или вовсе отменено в XVIII в. В России отмена пытки как способа получения признания подозреваемого и вместе с тем как средства исполнения наказания осужденному впервые была закреплена секретным указом Екатерины II от 8 ноября 1774 г., а окончательно утверждена указом Александра I от 27 сентября 1801 г.

В XX в. пытки вновь широко применяются в концентрационных лагерях нацистской Германии, а также в ряде других стран с деспотическими, тоталитарными и репрессивными режимами, однако не как средства исправления осужденных, а как рычаги поддержания надлежащего функционирования государственного режима.

В современной мировой правовой системе, прежде всего, необходимо отметить ряд международных соглашений, запрещающих применение пыток. В их числе Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [3]. В данном наднациональном нормативно-правовом акте в отношении пыток установлена так называемая универсальная юрисдикция, предписывающая властям любого государства уголовно преследовать виновного в причинении пыток, независимо от его гражд-

данства и места совершения деяния.

Среди 127 государств, присоединившихся к указанной Конвенции, есть и Российская Федерация. Несмотря на это некоторые пункты рассматриваемого главного международно-правового акта в сфере правовой борьбы с применением пыток образуют коллизию с правовой системой России. Так, недопущение применения пыток в РФ регламентируется ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, однако в ней не дается толкования понятию «пытка». Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ к ст. 117 УК РФ добавлено примечание, закрепляющее в законодательстве РФ разъяснение юридическому термину «пытка». Согласно этому примечанию под пыткой в указанной и других статьях УК РФ понимается «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях», что значительно сужает международное определение данного термина.

Указанная Конвенция определяет понятие «пытка» как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в офи-

циальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия» [3]. При этом, уточняя трактовку юридического смысла данного определения, Конвенция исключает из него «боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» [3]

Российская Федерация является государством-участником данной Конвенции, поэтому такая формулировка подчеркивает исключение квалификации законных действий сотрудников УИС России при выполнении ими своих служебных обязанностей как применение пыток. Подобная законодательная поддержка сотрудников УИС России особенно важна, поскольку для обеспечения нормальной деятельности исправительных учреждений применение физической силы, специальных средств и оружия в строгом соответствии с нормативными документами, предписывающими порядок их применения, является для сотрудника УИС России не только субъективным правом, но и служебной обязанностью.

Важно отметить и субъективную характеристику общественной опасности применения пытки сотрудником уголовно-исполнительной системы. Она включает в себя физическое нарушение неприкосновенности и безопасности личности осужденного, а также жесткое и грубое проникновение в его личное психолого-нравственное поле, то есть существенное нарушение основных конституционных прав и свобод лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении.

Кроме того, поскольку субъект рассматриваемого преступления специ-

альный, следует уделить внимание и его объекту. Прежде всего необходимо указать, что объект также является специальным — лицо, отбывающее наказание в исправительном учреждении РФ. Более того, в связи с тем что субъектом является сотрудник УИС России, возникает и второй объект данного преступления: помимо нарушения физической и психической неприкосновенности личности осужденного, оно посягает еще и на авторитет ФСИН России как государственного органа.

В настоящее время запрет применения пыток (вне зависимости от субъекта преступления) регламентирован конституциями и законами практически всех государств современного мира [4].

Законодательства некоторых государств не дифференцируют вред, причиненный виновному посредством пыток, а статьи, регламентирующие ответственность за указанное преступление, самостоятельны. Санкции во всех случаях применения пыток предусматривают уголовную ответственность в виде лишения свободы на относительно продолжительный срок:

- до 14 лет в Канаде [5];
- до 14 лет в Австралии [6];
- до 15 лет во Франции [7];
- до 20 лет в США [8];

Уголовное законодательство РФ не поддержало общую тенденцию большинства государств установить ответственность за применение пыток в качестве самостоятельной правовой нормы, но криминализовало акты применения пыток как за квалифицирующий признак некоторых самостоятельных норм (п. «д» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 302 УК РФ). Так, если при применении физической или психической пытки в отношении осужденного,

в том числе с применением физической силы, специальных средств и оружия, сотрудник УИС России умышленно или по неосторожности наносит определенный вред здоровью осужденного, то это деяние будет квалифицироваться по ч. 2 ст. 117 УК РФ в совокупности со статьями УК РФ, соответствующими характеру причиненного вреда.

Мы считаем, что целесообразно закрепить в Уголовном кодексе РФ ответственность за все акты применения пыток, а квалифицирующими признаками этого преступления регламентировать применение пыток сотрудниками УИС России, а также с применением физической силы, специальных средств и оружия.

Государственное воздействие на предупреждение применения пыток сотрудниками УИС России должно охватывать несколько уровней:

1) работа с населением, направленная на создание социально адаптированной современной идеологии по повышению нравственного воспитания граждан;

2) законодательная регламентация гуманизации обращения с осужденными, а также создание уверенной экономической и социальной поддержки сотрудников УИС России.

Кроме того, в целях контроля за соблюдением запрета пыток сотрудниками УИС России, а также для снижения количества актов применения ими пыток в исправительных учреждениях необходимо сформировать действенный механизм контроля в управлении каждого государственного субъекта ФСИН России.

Литература

1. Code pénal. CHAPITRE II. Section 1. Paragraphe 1: Des tortures et actes de barbarie (Articles 222-1 à 222-6-3).
2. Criminal Code — R.S.C., 1899 (Section 320A).
3. Criminal Code — R.S.C., 1985. P. C-46 (Section 269.1).
4. Title 18 of the United States Code. Part I. Crimes. Chapter 7: Assault. § 114.
5. Бертрам Д.Г. (псевдоним «Доктор Купер»). История розги / пер. с англ. А.Б. Головина: в 3 т. — М.: Просвет, 1992. Т. 1.
6. Гуревич А.Я. Пытка // Словарь средневековой культуры. — М., 2003. С. 400–404.
7. Додонов В.Н., Малиновский А.А. Основные тенденции развития зарубежного уголовного права // Журн. зарубеж. законодательства и сравнительного правоведения. — 2006. — № 1.
8. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята Резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 дек. 1984 г. Ч. I. П. 1. Ст. 1.

НЕКРОЛОГ

1 января 2012 г. на 66-м году жизни после тяжелой болезни скончался доцент кафедры социальной психологии и социальной работы академии ФСИН России **Владимир Павлович Шорников**.

Свою жизнь Владимир Павлович посвятил нелегкому служению людям. 20 лет он прослужил во внутренних войсках МВД СССР, 25 лет — преподавал в Рязанской высшей школе МВД СССР (ныне — Академии ФСИН России). В.П. Шорников — кандидат исторических наук, доцент, автор многих научных и научно-популярных произведений, участник международных научных проектов, член Союза журналистов и Союза литераторов России.

Владимир Павлович Шорников родился 4 апреля 1946 г. в г. Марксе Саратовской области. В 1967 г. окончил Саратовское военное училище имени Ф.Э. Дзержинского МООП СССР по специальности общевойсковой офицер. В течение 20 лет с 1967 по 1987 год служил во внутренних войсках МВД СССР на разных командных должностях. С 1987 по 2012 год занимался педагогической деятельностью.

В 1979 г. окончил Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами по специальности история и обществоведение.

21 марта 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Роль военной периодической печати в коммунистическом воспитании воинов-туркестанцев (1918–1920 гг.)».

С 1987 по 1989 год В.П. Шорников — преподаватель, старший преподаватель кафедры истории КПСС Ташкентской высшей школы МВД СССР. С 1989 по 1990 год — доцент кафедры истории КПСС Рязанской высшей школы МВД СССР. С 1990 по 1991 год — начальник юридического факультета РВШ МВД СССР. С 1991 по 1996 год — доцент кафедры юридической психологии и педагогики РВШ МВД РФ. С 1999 по 2012 год — доцент кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России.

С 1998 года В.П. Шорников — член Союза журналистов России, с 2009 года — член Союза литераторов России. В соавторстве с женой Ириной Николаевной Шорниковой он писал исторические работы, в том числе: «Звездные часы императриц» (1995), «Императрицы дома Романовых» (2002), «Боярыня Морозова» (2007), «Петр Первый — отец Отечества» (2007), «Ломоносов — гений России» (2009), «Царственные страстотерпцы» (2010).

Книги писателей Шорниковых выгодно отличает научная достоверность и доступность изложения. Ответственное отношение к описываемым историческим событиям основано на многолетней работе авторов в государственных архивах страны.

С 2001 по 2011 год В.П. Шорников в соавторстве с женой Ириной Николаевной выпустил шесть книг серии «Женщины-предприниматели — золотой фонд России», за что был награжден памятной медалью Ассоциации женщин-предпринимателей России. Кроме того, В.П. Шорников награжден дипломом Всесоюзного конкурса за лучшее произведение научно-популярной литературы (Госкомпечать СССР. Всесоюзное общество «Знание», 1990).

Среди опубликованных им научных работ: «Деятельность Компартии Туркестана по руководству военной печатью (1918–1924 гг.)»; «Социальная работа (Введение в специальность)»; «Благотворительность в России: традиции, тенденции»; «Теоретические аспекты социальной работы»; «Социальная работа за рубежом»; «Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России» и многие другие.

Владимир Павлович прожил достойную жизнь, оставив неизгладимый след в душах огромного количества людей.

Светлая Вам память!

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

Department of international relations:

L. B. Yushkova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

Ye. A. Shchelkushkina, executive secretary of the journal «Applied legal psychology».

Technical editor:

T. V. Pivovarova, technical editor of the journal «Applied legal psychology».

Associate editors:

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

Ye. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolskiy, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Marin, doctor of psychological sciences, professor.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. Yu. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

O. V. Starikova, PhD in psychology

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

Берлейн Елена Викторовна — начальник межрегиональной психологической лаборатории ФКУ ИК-33 УФСИН России по Саратовской области (berlein-jelena@mail.ru).

Бершедов Кирилл Викторович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии Тамбовского государственного университета (bershedov_k@mail.ru).

Бершедова Людмила Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ (bershedova@mail.ru).

Гольшева Юлия Николаевна — соискатель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (ju888@mail.ru).

Датий Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, заместитель начальника лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Дебольский Михаил Георгиевич — кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой пенитенциарной психологии московского городского психолого-педагогического университета (mdebolsky@mail.ru).

Детков Алексей Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, профессор Уральной государственной юридической академии (uglaw@yandex.ru).

Журавлев Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО и член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН (vshp@psychol.ras.ru).

Иванов Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, заместитель директора по научной работе Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (amiga@kaluga.ru).

Кибак Иван Алексеевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь (ivankibak@list.ru).

Коваль Нина Александровна — доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии Тамбовского государственного университета им. П.Г. Державина (nialkoval@yandex.ru).

Конарев Максим Юрьевич — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (makcaz@rambler.ru).

Кузнецова Алла Спартаковна — доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. психол. наук, доцент (kuznetsovamsu@rambler.ru).

Купцов Иван Иванович — профессор, кандидат психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (Obshajapsihologia@yandex.ru).

Кучерявая Ольга Анатольевна — психолог отдела по работе с личным составом Воронежского института ФСИН России (ur-ir2009@yandex.ru).

Литвишков Владимир Михайлович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (ur-ir2009@yandex.ru).

Мальцева Татьяна Вячеславна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Московского областного филиала Московского университета МВД России (mtv-psy@mail.ru).

Неклюдов Владимир Юрьевич — старший эксперт отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области (ochkarik77@inbox.ru).

Овчарова Екатерина Владимировна — адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (katyaovcharova-1983@mail.ru).

Павленко Андрей Анатольевич — старший преподаватель Томского филиала Кузбасского института ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Панова Оксана Брониславовна — кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России (xenia-vipe@mail.ru).

Пастушеня Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь (ANP-1308@yandex.ru).

Пивоварова Татьяна Васильевна — адъюнкт кафедры общей психологии Академии ФСИН России (Tanyabeer@yandex.ru).

Полянин Николай Александрович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (pan80bk@mail.ru).

Пряхина Марина Васильевна — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (pnyakhina62@mail.ru).

Реуцкая Ирина Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГУ «ВНИИ МВД России» (irinareutskaya@yandex.ru).

Семянищева Полина Андреевна — аспирантка факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (polina-du@mail.ru).

Сомов Александр Викторович — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Волгоградской государственной академии физической культуры (top-top@reg.avtlig.ru).

Соснин Вячеслав Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии наук (sosninus@rambler.ru).

Сочивко Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

Сухов Анатолий Николаевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России (avm135@yandex.ru).

Толстикова Светлана Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии, декан факультета педагогики и методики дошкольного образования Московского гуманитарного педагогического института (dochkol@rambler.ru).

Шаталов Юрий Николаевич — начальник отдела НИИ ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Шишкина Елена Александровна — аспирант, преподаватель кафедры прикладной психологии Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (alena.klg@mail.ru).

Юревич Андрей Владиславович — доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН (vshp@psychol.ras.ru).

OUR AUTHORS

Berleyn Yelena Viktorovna — head of interregional psychological laboratory PKU IR-33 FPS Russia's Saratov region (berlein-jelena@mail.ru).

Bershedov Kirill Viktorovich — candidate of psychological sciences, senior lecturer in social psychology, Tambov State University (bershedov_k@mail.ru).

Bershedova Lyudmila Ivanovna — doctor of psychological sciences, professor, Department of General and Applied Psychology Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of Moscow State Pedagogical University (bershedova@mail.ru).

Datiy Aleksey Vasilyevich — deputy chief of the laboratory study of the problems of working with prisoners Institute FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Debolskiy Mikhail Georgiyevich — professor, head of the penitentiary psychology of the Moscow City Psychological-Pedagogical University (mdebolskiy@mail.ru).

Detkov Aleksey Petrovich — associate professor of criminal law professor at the Ural State Law Academy (uglaw@yandex.ru).

Golysheva Yuliya Nikolayevna — the competitor of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia (ju888@mail.ru).

Zhuravlev Anatoliy Laktionovich — doctor of psychological sciences, professor, corresponding member of the RAW and Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Psychology RAS (vshp@psychol.ras.ru).

Ivanov Gennadiy Pavlovich — associate professor, the honored teacher of Russia, Deputy Director for Science Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute (amiga@kaluga.ru).

Kibak Ivan Alekseyevich — assistant professor, associate professor of psychology and pedagogy of the Police Academy of the Republic of Belarus (ivankibak@list.ru).

Koval Nina Aleksandrovna — doctor of psychological sciences, professor, head. Department of Social Psychology Tambov State University. RG Derzhavin (nialkoval@yandex.ru).

Konarev Maksim Yuryevich — adjunct Faculty training of the teaching staff of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (makcaz@rambler.ru).

Kuznetsova Alla Spartakovna — associate professor of industrial psychology and engineering psychology of Department of Psychology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov, PhD in Psychology, associate professor (kuznetsovamsu@rambler.ru).

Kuptsov Ivan Ivanovich — professor, professor of the Academy of General Psychology FSIN of Russia (Obshajapsihologia@yandex.ru).

Kucheryavaya Olga Anatolyevna — a psychologist in the department work with staff of Voronezh Institute of Russian Federal Penitentiary Service (upip2009@yandex.ru).

Litvishkov Vladimir Mikhaylovich — doctor of pedagogical sciences, professor, professor of legal psychology and pedagogy of the Academy of FSIN of Russia (upip2009@yandex.ru).

Maltseva Tatyana Vyacheslavovna — senior lecturer in psychology and pedagogy of the Moscow regional branch of Moscow State University Russian Interior Ministry (mtv-psy@mail.ru).

Neklyudov Vladimir Yuryevich — Senior Expert of Forensic Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Ryazan region (ochkarik77@inbox.ru).

Ovcharova Yekaterina Vladimirovna — associate Chair legal psychology and pedagogy of the Academy of FSIN of Russia (katyaovcharova-1983@mail.ru).

Pavlenko Andrey Anatolyevich — senior Lecturer, Institute of Tomsk Branch of the Kuzbass FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Panova Oksana Bronislavovna — associate professor, department head of legal psychology and pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia (xenievpe@mail.ru).

Pastushenya Aleksandr Nikolaevich — doctor of psychological sciences, professor, head of the department of psychology and pedagogy of the Police Academy of the Republic of Belarus (ANP-1308@yandex.ru).

Pivovarova Tatyana Vasilyevna — the graduated in a military of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia (Tanyabear@yandex.ru).

Polyanin Nikolay Aleksandrovich — the candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor of chair of legal psychology and pedagogics of Academy FSIN of Russia (pan80bk@mail.ru).

Pryakhina Marina Vasilyevna — candidate of psychological sciences, professor, professor of legal psychology of St. Petersburg University MVD of Russia (pryakhina62@mail.ru).

Reutskaya Irina Yevgenyevna — associate professor, senior researcher of FGU «NII MVD of Russia» (irinareutskaya@yandex.ru).

Semyanishcheva Polina Andreyevna — graduate of Department of Psychology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov (polina-du@mail.ru).

Somov Aleksandr Viktorovich — senior lecturer in psychology and pedagogy of Volgograd State Academy of Physical Culture (top-top@reg.avtlg.ru).

Sosnin Vyacheslav Aleksandrovich — senior researcher at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (sosninrus@rambler.ru).

Sochivko Dmitriy Vladislavovich — doctor of psychological sciences, professor, Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penitentiary Service (sochivo@mail.ru).

Sukhov Anatoliy Nikolayevich — doctor of psychological sciences, professor, Department of Social Psychology and Social Work Academy FSIN of Russia (avm135@yandex.ru).

Tolstikova Svetlana Nikolayevna — professor of psychology and dean of the faculty of pedagogy and methodology of pre-school education of the Moscow Humanitarian Pedagogical Institute (dochkol@rambler.ru).

Shatalov Yuriy Nikolayevich — head of the Research Institute of the FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Shishkina Yelena Aleksandrovna — graduate student, lecturer in applied psychology Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute (alena.klg@mail.ru).

Yurevich Andrey Vladislavovich — doctor of Psychology, Corresponding Member of RAS, Deputy Director of the Institute of Psychology RAS (vshp@psychol.ras.ru).

The methodology and theory of legal psychology	
Psychological factors of corruption. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich	8
Methodological aspects of the applied psychology in lawmaking.	
I. A. Kibak	21
Psychological service penal sistey 20 years: organization and development.	
M. G. Debolskiy	33
Characteristic due to external manifestations criminogenic propensity person.	
A.N. Pastushenya	52
Applied and experimental studies	
Male and female path of spirituality in prison.	
D. V. Sochiuko, N. A. Polyanin, Yu. N. Golysheva	60
Existential approach to legal resocialization of infant prisoners. O. B. Panova	75
Features of organizational culture in institutes of penitentiary system. Ye. V. Berlein	80
Role of communicative tolerance in the course of formation of a personal position in strategy of interaction. S. N. Tolstikova	86
Psychopractices	
Correction abused situation in the family as a way prevention of neglect and juvenile delinquency. I. Ye. Reutskaya	94
Psychological evaluation criteria and forecast performance management of the heads of the interior. M. V. Pryakhina	101
Experimental study of the influence of short-term correction in the mental state department of correctional officers carrying service weapons. Ye. V. Ovcharova	107
To help the manager	
Social determinants of re-socialization of convicts. A. N. Sukhov	115
Problems of training polygraph. V. Yu. Neklyudov	118
Psychological influence of the manager on the executive people in the organs of internal affairs. A. V. Somov, T. V. Maltseva	125
Quality of life and job stress evaluation in military officers during the beginning of Armed forces reform. A. S. Kuznetsova, P. A. Semyanishcheva	130
To help the researcher-practician	
Psychological features of corporate culture of judges.	
L. I. Bershedova, N. A. Koval, K. V. Bershedov	138
Motivational sphere of youth vandalism. G. P. Ivanov, Ye. A. Shishkina	145
Theoretical specific reasons conflict of penitentiary. A. P. Detkov	152
Teaching conditions of significant professional-quality technical students of the faculty of the person in the educational institution of criminal executive.	
V. M. Litvishkov, O. A. Kucheryavaya	163

Legal psychology and religion: welcome to the discussion

Features of cognitive interests and perceptions about the ideals of female juvenile offenders.

I. I. Kuptsov, T. V. Pivovarova

172

Science news

Internet conference «improving health security in criminal executive system».

A. V. Datiy, A. A. Pavlenko, Yu. N. Shatalov

178

4th scientific-practical seminar «Legal psychology applied»: a study of personality policemen FPS Russia (Moscow, december 2011). ***V. A. Sosnin***

180

Dura lex sed lex

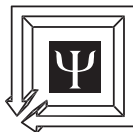
Criminal liability of officers of the correctional system for the use of torture: yesterday, today and tomorrow. ***M. Yu. Konarev***

182

Obituary

186

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01— Педагогическая психология; 13.00.01— Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать»—инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 6.02.2012. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12,25.

Тираж 1500 экз. Заказ № 109.

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4.

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды